

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Журнал «Человек. Сообщество. Управление»

Научно-информационный журнал

№ 3, 2002

Учредитель – Кубанский государственный университет

Содержание

Представление номера	2
Местные сообщества	
<i>Пенюгалова А.В., Филиппов Ю.В.</i>	
Местная статистика: проблемы и перспективы.....	3
<i>Миронцева С.А.</i>	
Местное самоуправление в условиях демократизации (на примере стран Центральной и Восточной Европы).	22
Человек в мире	
<i>Дёмин А.Н.</i>	
Биографический подход к кризисам трудовой занятости личности.....	39
<i>Лузаков А.А., Рудник Н.В.</i>	
Особенности восприятия мира профессий в зависимости от ценностных ориентаций личности.....	58
Кафедра	
<i>Оберелко О.А.</i>	
Промежуточные итоги реформ в России: модернизация социальной структуры российского общества или маргинализация населения?.....	71
<i>Иванов А.Г., Авдзян Г.Д., Нисточкая М.С.</i>	
Мировой опыт функционирования наблюдательных и попечительских советов университетов.....	96
<i>Морозова Е.В., Самаркина И.В.</i>	
Проблемы профессиональной социализации студентов-политологов.....	108
Aspirantium opera	
<i>Бурмистрова А.В.</i>	
Некоторые аспекты феномена личной жизни.....	128
<i>Дорофеев В.С.</i>	
Проблемы регулирования природопользования на региональном уровне.....	141
Лауреаты студенческой Недели науки	
<i>Устюгова Т.В.</i>	
Проблема этнической толерантности в молодежной среде (на примере г. Краснодара)...	145
<i>Бориско О.А.</i>	
Сравнительный анализ политического развития посткоммунистических государств (на примере Украины и Грузии 1991–2002 гг.).....	150
Жизнь факультета	
<i>Гнедаш А.А.</i>	
Политтехнологи готовят смену себе и президенту.....	158
Всероссийская конференция «Личность и бытие».....	162

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Дорогие читатели!

В третьем номере журнала Вы найдете привычные рубрики «Местные сообщества», «Человек в мире», «Кафедра». Материалы, публикуемые в них, роднит одно качество: они появились как результат исследовательских проектов, выполненных в грантовых программах.

Статья Ю. В. Филиппова и А. В. Пенюгальной о проблемах и перспективах местной статистики – результат сотрудничества авторов в проектах ТАСИС и НФПК, статьи А. Н. Демина, С. А. Миронцевой, О. А. Оберемко, Е. В. Морозовой и И. В. Самаркиной основаны на материалах, полученных в ходе Мегапроекта «Развитие образования в России» Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

А. Г. Иванов, Г. Д. Авджян, М. С. Нистоцкая исследовали мировой опыт функционирования наблюдательных и попечительских советов университетов в рамках займа Всемирного Банка и НФПК.

Материалы А. А. Лузакова и Н. В. Рудник, А. В. Бурмистровой посвящены восприятию мира профессий и феномену личной жизни. Мы уверены, они будут интересны не только психологам.

Работы лауреатов Недели науки, студентов-политологов Т. В. Устюговой и О. А. Бориско за время подготовки номера получили своеобразный «сертификат качества»: Таня Устюгова (кстати, студентка заочного отделения) стала участником проекта Фонда «Евразия», а Оля Бориско – участником международного проекта Фонда Мак-Артуров «Развитие социологической и конфликтологической сети на Южном Кавказе».

Редколлегия

**МЕСТНЫЕ
СОБЩЕСТВА**

**МЕСТНАЯ
СТАТИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**А. В. Пенюгалова,
Ю. Ф. Филиппов**

**МЕСТНОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ
СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ)**

С. А. Миронцева

МЕСТНАЯ СТАТИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Пенюгалова, Ю. Ф. Филиппов

Наличие нужной информации является во всём мире важным, необходимым условием нормального функционирования и управления территорией. Одновременно информация отражает определённые итоги ее развития и выступает в роли справочно-го материала, который необходим каждому субъекту местного сообщества: предпринимателям, домохозяйствам, индивидам. Без соответствующего информационного обеспечения не могут сложиться местные рынки труда, капитала, ценных бумаг, недвижимости и др. На основе данных территориальной статистики осуществляется оценка хозяйственной ситуации в местных сообществах, рыночной экономической конъюнктуры, инвестиционной привлекательности местного хозяйства и его отраслей, определяются стратегические и тактические цели и задачи управления, разрабатываются программы и прогнозы социально-экономического развития, принимаются оперативные управленческие решения, осуществляется контроль за их выполнением, проводится сравнительный анализ социально-экономического развития различных регионов и т. д.

Необходимость модернизации местной статистики определяется изменившимися социально-экономическими условиями функционирования местных сообществ. Прежде всего это – демократизация и отказ от административных методов управления, децентрализация. В 1990-е гг. был принят ряд законодательных актов, поддерживающих реформирование деятельности муниципальных органов власти. В то же время статистическое обеспечение явно отстает от происходящих здесь перемен. Сегодня многие процессы, вызванные переходом к рынку, систематически не отслеживаются. В результате мы не имеем ответов на многие, даже актуальные вопросы. Незнание реальной ситуации отрицательно сказывается и на качестве государственного управления экономикой.

Что такое местная статистика?

В современной статистической и муниципальной науке сегодня отсутствует понятие «местная статистика». Немногочисленные исследователи в этой области, как правило, используют категории «региональная статистика» и «муниципальная статистика», которые в большинстве случаев отождествляются. Наиболее полное определение региональной статистики дано В. М. Рябцевым и Г. И. Чудилиным: «Под региональной статистикой... понимается система объективной экономико-статистической информации, построенная по территориальному признаку» [1, с. 5]. При этом объектом региональной статистики авторы называют «территории регионов», а под регионом понимают самоуправляемые территории областного (краевого) уровня, т.е. субъекты Российской Федерации [1, с. 8]. Таким образом, региональная статистика в современной науке – это совокупность информационных потоков, характеризующих социально-экономические процессы территории – субъекта Федерации (область, край, республика, национальный ок-

руг, город федерального значения). Данное определение привязано к административным границам регионов и фактически исключает другие территориальные образования – районы внутри края или области, малые и средние города, сельские и поселковые администрации. Некоторые исследователи лишь вскользь упоминают о необходимости иметь в рамках региональной статистики информационные базы по более мелким территориальным образованиям, но какие-либо серьезные научные разработки, отражающие содержание информационной базы по таким территориям, практически отсутствуют. К примеру, авторы того же учебника «Региональная статистика» считают, что «зарождающаяся муниципальная статистика... призвана осуществлять информационное обеспечение принятия управленческих решений в городах и административных районах» [1, с. 10].

Между тем необходимость в информации на низовом территориальном уровне ощущается сегодня особенно остро, так как, если в субъектах федерации есть периодическая систематизированная информация органов государственной статистики, то в сельских, поселковых округах, малых городах какая-либо постоянно собираемая и обрабатываемая информация отсутствует. Органы государственного управления и самоуправления этого уровня зачастую вынуждены принимать тактические и стратегические управленческие решения в условиях информационного вакуума.

На наш взгляд, прежде чем определить местную статистику, необходимо четко очертить территорию, которую она должна описывать. Таким пространством является местное сообщество – открытая система, представляющая собой компактное единство территории, населения, социального взаимодействия людей и чувства сообщества (психологическая идентификация с сообществом) [2, с. 44–45].

Согласно такому теоретическому подходу, край, область, город и сельская (поселковая администрация) и другие территории, не привязанные к административным границам, могут рассматриваться как местные сообщества или сообщества местных сообществ. Местная статистика должна формировать информацию о местном хозяйстве, социально-экономическом потенциале и уровне развития каждого местного сообщества.

Принципиальная разница между местной и муниципальной статистикой определяется именно границами муниципального образования и местного сообщества. В первом случае границы определены, и нет сложностей в понимании и организации муниципальной статистики, задача которой – сбор, обработка и анализ информации в рамках муниципального образования. Проблема только в объекте отслеживания, т. е. в содержании информационной базы. В случае местной статистики пространственные границы определяются характером исследования или проблемы, и здесь централизация осложняется. Заметим, что если границы местного сообщества совпадают с границами муниципальных образований, то по объекту исследования местная и муниципальная статистика совпадают. Если же исследование связано с определенной проблемой или создается информационная база в рамках территориального образования, не являющегося муниципалитетом (сельская, поселковая администрация, малые города и др.), корректнее говорить о местной статистике.

Таким образом, *местная статистика* в широком смысле слова может рассматриваться как информационно-статистическая служба, занятая сбором, обработкой и анализом информации о местном сообществе. Это основное, но не единственное ее понимание. Местная статистика – это и информационная база, включающая систему показа-

телей, характеризующих количественно и качественно социально-экономический потенциал и уровень развития местного сообщества. Информационная база может быть составным элементом службы местной статистики или существовать автономно, вне какой-либо статистической организации.

Информатизация управления в регионе – весьма сложный и многоплановый процесс. Важную роль в нем играет использование прогрессивных информационных технологий. Речь идет не только о применении современных средств вычислительной техники, но и об автоматизации процесса оперативного и перспективного планирования, использования интеллектуальных систем для выработки, принятия и реализации управленческих решений в регионах.

В развитых странах местные статистические службы составляют единую информационную систему с информационными организациями других уровней. С этой точки зрения местную статистику можно рассматривать и как часть информационного пространства, объединяющего базы данных по совокупности местных сообществ края (области), страны, групп государств. В данной связи в толкование термина «местная статистика» вносится и другой аспект: под местной статистикой следует понимать материальную основу формирования и использования территориальной статистической информации. В данном контексте, как уже отмечалось, речь идет о взаимодействии с другими звеньями информационного пространства России и различными уровнями системы управления.

Особенность местной статистики заключается в том, что она занимает промежуточное положение между макроэкономической статистикой и статистикой фирм с точки зрения иерархии уровней управления экономикой. С одной стороны, местная статистика отражает результаты деятель-

ности предприятий, размещенных на территории местного сообщества. В этом смысле она показывает результативность использования локализованного в границах некоторой территориальной системы производственно-ресурсного потенциала. С другой стороны, местная статистика характеризует взаимодействие отраслей и секторов экономики территории, их хозяйственной специализации с учетом интересов населения сообщества и общенациональных целей и потребностей. Взаимодействие отраслей местного хозяйства, наличие ряда других внутренних связей, в том числе «население – экономика», отражающих социальный аспект воспроизводственного процесса, имеет более глубокий синергический эффект по сравнению с суммарным результатом хозяйственной деятельности предприятий в местном сообществе.

Современная система местной статистики

Сегодня разработка регионального (краевого, областного, республиканского) аспекта статистической информации обеспечивается всей системой органов государственной статистики России. Высший орган статистики РФ, возглавляющий и координирующий получение статистических показателей в территориальном разрезе, – Государственный комитет по статистике (Госкомстат России). Структура территориальных (краевых, областных, республиканских) статистических органов соответствует административно-территориальному делению страны. В областях, краях, национальных республиках действуют комитеты по статистике соответствующего уровня со свойственной им внутренней структурой.

Система региональной статистической информации России базируется на совокупности показателей государственных статистических наблюдений, проводимых на феде-

ральном, ведомственном и региональном уровнях. В целом информационные ресурсы региональной статистики представляются в виде совокупности:

- официальной статистической информации, сформированной органами государственной статистики в рамках программы статистических работ, ежегодно утверждаемой Правительством Российской Федерации;

- информации, получаемой при проведении ведомственных государственных статистических наблюдений, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, Банком России, государственными внебюджетными фондами в соответствии с действующим законодательством (на безвозмездной основе предоставляется Госкомстату России и его территориальным органам);

- информации региональных государственных статистических наблюдений, проводимых органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет средств соответствующих бюджетов.

Не упрощая картины, заметим, что местная статистика, точнее, региональная, и сегодня содержит многие важные сведения, характеризующие количественное и качественное состояние социально-экономического развития местных сообществ на уровне субъекта федерации. И все же ее понятийный аппарат, методологические принципы, система организации статистического наблюдения, обработки и распространения данных не отвечают современным потребностям основных пользователей информации. Органы управления всех уровней практически не имеют информации не только для оценки тенденций, прогнозирования, выработки стратегии развития региона, но даже для принятия оперативных решений. Информация, полученная различными ведомствами, часто не стыкуется, не содержит многих индикаторов, необходимых для управления мест-

ным сообществом. Статистика собирается по разным источникам, и часто данные не могут быть состыкованы.

В настоящее время статистика в определенной степени дает характеристику местной экономики, представляя такие ее аспекты, как развитие промышленности, сельское хозяйство, транспорт и связь, уровень жизни и доходы населения, рынок труда и занятость, демографические характеристики, медицинские, образовательные, бытовые и прочие услуги и др. В статистике отчасти нашли свое отражение некоторые новые явления в социально-экономической жизни местных сообществ: характеристика сети негосударственных учебных заведений, малый бизнес, дифференциация доходов населения, динамика уровня цен и др.

Статистическое наблюдение в сфере местной экономики имеет свою историю и традиции. Большая часть статистической информации собирается территориальными структурами Госкомстата России. Министерства и ведомства, региональные и местные органы исполнительной власти также осуществляют сбор определенной отраслевой статистической информации, необходимой для реализации управленческих функций. Сбор финансовой информации в части бюджетного финансирования ведет Министерство финансов РФ и его территориальные структуры. Прочая финансовая информация проходит через местные налоговые службы.

Сложившаяся практика предусматривает прохождение местной статистической информации через Госкомстат России и органы отраслевых министерств и ведомств (Минобразования и др.).

Описание системы местной статистики приведено здесь для того, чтобы показать весьма серьезный базис, который ни в коем случае нельзя потерять в процессе модернизации этой системы. Но одновременно мы хотим привлечь вни-

мание к тому, что местную статистику необходимо привести в соответствие с происшедшими изменениями и новыми требованиями.

Проблемы местной статистики

В соответствии с Указом Президента РФ № 568 от 11.06.97 г. «Об основных направлениях реформы местного самоуправления в Российской Федерации» приоритетным направлением деятельности Правительства считается активное содействие становлению и развитию местного самоуправления. Местные органы власти нуждаются в более мощной информационной поддержке принимаемых решений. Соответственно возрастает роль муниципальной статистики.

Безусловно, статистика – неотъемлемая часть муниципального образования, но изменения, происходящие в местном хозяйстве, зачастую не получают отражения только в статистических данных. Сведений, представляемых органами статистики администрации согласно Федеральной программе статработ, недостаточно – отсутствует или представлен неполно ряд важных социально-экономических показателей. Возникают проблемы с переходом на выборочные и цензовые методы статистических наблюдений, так как исключается возможность представления информации в районном разрезе. Выборочные наблюдения, получившие распространение в современной статистической практике, зачастую нерепрезентативны и не могут служить достоверным информационным массивом для генеральной совокупности. В результате органы власти и управления не имеют возможности свободно ориентироваться в сложившейся ситуации в своем регионе и принимать адекватные меры по решению возникающих проблем. Нужна дополнительная информация, способная отражать качественные перемены.

В связи с этим возникает необходимость создания муниципальной информационной системы в местных сообществах, состоящей из совокупности экономико-статистической, ведомственной и другой информации, обеспечивающей глубокий анализ социально-экономических преобразований территории, мониторинг состояния экономики по наиболее важным проблемам и направлениям.

Независимо от того, когда и почему в местной статистике возникли или обострились те или иные проблемы (т. е. следует ли искать их корни в советской системе или же они появились позже – в переходный период), они сводятся к следующему.

Прежде всего, целесообразно более точно определить роль местной статистики в национальной статистической системе, учитывая ту возросшую роль, которая принадлежит местным сообществам в социально-экономическом развитии страны. Кроме того, необходимо пересмотреть концептуальные вопросы местной статистики. До настоящего времени она несет в себе многие черты, характерные для ранее господствовавшей практики директивного планирования с присущим ей жестким централизованным контролем выполнения планов, тогда как принятие управленческих решений в условиях рыночных отношений требует принципиально иного информационного обеспечения.

Сегодня отсутствует собственно *система* показателей местной статистики. Пока она подменяется набором разрозненных данных, которые формируются преимущественно в рамках отчетности, предоставляемой предприятиями и организациями в установленном порядке. Сохраняются и даже усиливаются серьезные проблемы содержательного характера. Так, слабо разработаны социальные показатели, недостаточен по своему наполнению экономический, особенно финансовый, блок местной статистики,

который должен представлять все имеющиеся источники доходов и расходов местных бюджетов, а также доходы домохозяйств. К тому же доступ к имеющейся финансовой информации крайне ограничен. Необходимо распространить статистическое наблюдение на новые явления, формы и методы социально-экономической действительности. Вне статистического наблюдения оказались такие явления, как экспорт и импорт рабочей силы, товаров, работ, услуг, включая образовательные.

Острыми остаются организационные проблемы. В процессе сбора и обработки информации на разных уровнях (край – район – сельская (поселковая) администрация) участвует большое число агентов, в то же время отсутствует четкое распределение прав и ответственности между ними. Не унифицированы методы, средства и технологии формирования и обработки информационных потоков на каждом уровне. Отсутствие компьютеризированной системы сбора данных и электронной связи увеличивает сроки представления статистических отчетов, затрудняет контроль их качества и первичной обработки. В конечном счете местные органы управления зачастую не успевают получить свежие статистические данные к моменту принятия стратегических и тактических решений.

Сбор статистических данных на местах осуществляется, как правило, в форме сплошного статистического наблюдения, тогда как выборочные методы, которые могли бы существенно облегчить, ускорить и удешевить получение данных и их обработку, используются явно недостаточно.

Специфические проблемы связаны с представлением местной статистической информации и ее использованием. Формируемые в процессе обработки статистических данных информационные материалы пока еще не ориентированы на выработку региональной (местной) политики в новых, прин-

ципиально изменившихся условиях, и управленческие решения, принимаемые местным правительством, не учитывают информационных запросов разных потребителей.

Следует отметить и неполное использование местной статистикой фактически имеющейся информации. Это особенно касается похозяйственных книг, в которых содержатся данные о занятости населения, его возрасте, уровне образования, количестве и составе семей, размерах и качестве домохозяйств и др. Одновременно разрабатывается масса невостребованной информации, преимущественно отраслевой направленности.

Информация для жителей местных сообществ, предприятий, расположенных на их территории, инвесторов (внутренних и внешних) и других категорий пользователей остается недоступной, так как местная статистика практически не публикует статистических индикаторов в какой-либо форме.

В последнее десятилетие международным сообществом уделяется большое внимание проведению сравнительного анализа местного хозяйства. В этих целях разрабатываются *международные статистические стандарты* – система требований, реализация которых отдельными странами является необходимым условием получения сопоставимой статистической информации. В отечественной местной статистике международные статистические стандарты пока не получили последовательного внедрения. Поэтому, хотя российские эксперты и принимают участие в различных международных проектах, та статистическая информация, которую они могут представить международному сообществу, зачастую не отвечает международным требованиям. На низком уровне остается также внедрение информационных технологий, персональных компьютеров, Интернета и т.д.

В целом местная статистика в ее нынешнем виде не по-

звolyет получить объективное представление о качественно новом состоянии территориальных образований и, соответственно, обеспечить местные и государственные органы власти адекватным инструментом для принятия тактических и стратегических решений.

Правовая основа и назначение местной статистики

Правовой основой создания местной статистики является Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который предусматривает создание местных информационных центров за счет средств местных бюджетов. В некоторых субъектах Российской Федерации уже приняты соответствующие правовые акты (законы о муниципальной статистике, отдельные разделы в уставах).

Целью местной статистики является обеспечение органов управления территории достоверной информацией, необходимой для изучения социально-экономических процессов, происходящих на территории местного сообщества, анализа состояния и развития местного хозяйства, принятия стратегических решений и оперативного управления местным сообществом.

При этом основные принципы и ориентиры деятельности местной статистической службы сводятся к следующим положениям.

Местная статистика должна стать информационной составляющей единой статистической системы России.

Основное ее назначение – обеспечивать органы государственной власти и местного самоуправления информацией, необходимой для анализа социально-экономического развития сообщества и управления им.

Информационные ресурсы местной статистики должны

формироваться из государственной, ведомственной отчетности, форм региональных статистических наблюдений и других источников информации.

Формирование и пополнение местных и общегосударственных информационных ресурсов должны осуществляться в едином методологическом и технологическом ключе. Такой подход возможен на основе проектирования структуры баз данных и ведения распределенных баз исходной информации на областном (краевом), районном и местном уровнях с использованием унифицированных системных интерфейсов, классификаторов, средств передачи и приема данных, организационно-технологических способов обработки информации.

Финансирование местной статистики должно осуществляться из местного бюджета; расходы на сбор, обработку распространение данных частично могут покрываться за счет реализации статистической информации. Ежегодно должен издаваться каталог местных статистических данных с указанием цен на конкретные материалы.

Одно из требований, предъявляемых к информации, – ее открытость и доступность для всех категорий пользователей путем издания статистических сборников, предоставления информации с технических носителей и конфиденциальность информации, представляющей коммерческую тайну.

Направления модернизации местной статистической службы

При определении направлений модернизации местной статистики следует исходить из того, что она выступает важнейшим элементом системы мониторинга социально-экономической жизни страны в целом. Общими целями такого мониторинга сегодня являются: формирование общедоступной информации о местном сообществе, обеспечение его

жителей, средств массовой информации, органов управления комплексной, разносторонней, достоверной, своевременной информацией по всем аспектам жизни территориального образования; информационно-аналитическая поддержка местной статистики; адекватное представление информации о местных сообществах мировому сообществу.

Основную цель модернизации местной статистики мы видим в том, чтобы:

- привести ее содержание и методы организации в соответствие с социально-экономическими изменениями и потребностями различных пользователей;
- обеспечить интеграцию местной статистики в систему государственной и международной статистики;
- снизить нагрузку на отраслевые учреждения (районо, райздравотдел и др.), связанную с рутинной работой по сбору и обработке статистической отчетности;
- обеспечить конфиденциальность определенных статистических данных.

Первоочередные задачи в области модернизации местной статистики, по нашему мнению, сводятся к следующему.

1. Системное построение. Это значит, что основные статистические стандарты должны задаваться на федеральном уровне, учитывать международные требования и охватывать все уровни местных сообществ. Движение статистической информации происходит снизу вверх, причем по мере перехода на более высокие уровни степень детализации показателей сокращается, но одновременно увеличивается масштабность решаемых на их основе задач и сложность анализа. Обратная связь достигается движением сверху вниз информации о внешней среде – рынке труда, денежных доходах населения и бюджетах домашних хозяйств, тенденциях социально-экономического развития страны в целом.

2. Основой местной статистики являются предприятия и

организации. Поэтому важно, чтобы используемые термины, показатели, классификаторы и так далее были понятными, а результаты статистических наблюдений могли использоваться в практических целях.

3. На местном уровне необходимо «отсекать» данные частного характера по отдельным организациям, агрегируя первичную информацию. Число используемых при этом показателей существенно сокращается, а их набор определяется потребностями местных органов управления и других пользователей информации о местном сообществе.

4. Наименее объемным, если судить лишь по числу показателей, но наиболее сложным по содержанию является международный блок местной статистики, который должен обеспечить отечественных специалистов возможностью сравнительных оценок анализа, а международное сообщество – сопоставимой информацией, характеризующей российские местные сообщества.

5. Система статистических показателей должна характеризовать социально-экономическую ситуацию местного сообщества, базируясь на показателях государственной статистики, ведомственной и региональной отчетности, и стать основой для подготовки информационно-аналитических материалов. Ведение статистики целесообразно организовать в автоматизированном режиме, позволяющем получать любую информацию в динамике и на заданном территориальном уровне.

6. В целях обеспечения полноты данных сбор отчетности должен предусматривать получение не только сводных статотчетов, как это предусмотрено Федеральной программой статработ, но и данных первичных отчетов предприятий и организаций. Подразделения местной федеральной статистики должны работать в тесном контакте со службами администрации: совместно разрабатывать дополнитель-

ные формы статистической отчетности и статнаблюдений, прогнозы развития районов, материалы по мониторингу уровня жизни населения.

7. Для повышения качества досчетов и оценок статистических показателей необходимо разработать регламент применения методик расчетов, досчетов и оценок основных статистических показателей.

8. В целях улучшения качества подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников службы местной статистики целесообразно:

- обратиться в Госкомстат России с предложением продолжить практику выделения финансовых средств территориальным статистическим отделам и управлениям для самостоятельного заключения договоров с учебными заведениями;

- обобщить опыт работы территориальных статистических управлений с региональными учебными заведениями и направить список учебных заведений, имеющих качественные программы повышения квалификации, в региональные органы статистики.

9. Следует создать условия для реализации программ обучения пользователей информацией местной статистики (местных предпринимателей, потенциальных инвесторов, жителей местного сообщества и др.) по использованию статистических информационных ресурсов.

10. Необходимы качественно новая система анализа социально-экономического развития региона, внедрение в практику методологии комплексного анализа показателей с применением экономико-статистических методов, соответствующих программным продуктам.

Организационные формы местной статистики

При создании местной информационной базы можно использовать два варианта.

Первый предполагает прохождение первичной информации, содержание которой согласовано с местными органами управления, через органы государственной статистики с последующим представлением необходимых сведений местным органам управления разного уровня. Сбор первичных статистических данных, предусмотренных программой федерального статистического наблюдения, осуществляется территориальными органами статистики в обычном порядке; сбор дополнительных показателей по «заказу» местной администрации проводится теми же органами статистики за счет средств местного бюджета.

Второй вариант предполагает сбор первичной информации специально созданными отделами статистики в составе местных органов управления. При этом им должны быть делегированы все права, обязанности и ответственность, связанные со сбором информации, ее достоверностью, компьютерным вводом информации, ее верификацией, первичной обработкой и т.д.

С нашей точки зрения, более предпочтителен первый вариант, так как он позволяет использовать уже имеющуюся материальную базу местных органов статистики, их кадровый и прочий потенциал.

Развитие рыночной реформы на этапе перехода к рыночным отношениям в экономике России в значительной степени увеличивает потребности управляющих структур в полной и достоверной информации по различным аспектам жизнедеятельности местных сообществ всех уровней. Необходимость наблюдения и анализа происходящих изменений социальной и экономической ситуации для своевременного принятия решений требует создания развитой информационной инфраструктуры, позволяющей осуществить комплексный анализ совокупности социальных и экономических процессов, происходящих в местных сообще-

ствах. Для выполнения этих и других важных задач необходима модернизация, а для низовых территориальных образований и создание местной статистической службы.

Библиографический список

1. Региональная статистика: Учебник / Под ред. В. М. Рябцева, Г. И. Чудилина. М., 2001.
2. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства: Учебник. М., 2000.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Говорят, что числа правят миром. Нет, они только
показывают, как правят миром.*

И. В. Гете

*Факты – упрямая вещь,
но статистика гораздо сговорчивее.*

Лоренс Питер

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

С. А. Миронцева

Посткоммунистический переходный период является одним из сложных направлений для тех, кто изучает трансформирующиеся политические системы. Это подтверждается множеством подходов к процессу демократизации в посткоммунистических странах. Даже термины, которые используют для характеристики политических трансформаций в посткоммунистических странах («молодые демократии», «возникающие демократии», «опережающие демократии», «полудемократии») [1], показывают, что единых теоретических подходов ещё не выработалось.

За прошедшее десятилетие процесс политических изменений в странах Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) включил в себя: трансформацию прежней тоталитарной политической системы, создание новых политических структур, выработку демократических механизмов и процедур. Основным направлением политической трансформации стало формирование демократического правового государства.

Следует отметить, что понятие «демократизация» используется довольно широко — применительно ко всем разновидностям общественных трансформаций, связанных с современной демократической волной. Поэтому в отношении трансформаций в ЦВЕ лучше применять понятие «демократический переход», или «демократический транзит», которое не означает гарантированного перехода к демократии, особенно к консолидированной [5]. На практике зна-

чительная часть этих транзитов является «гибридными режимами» с различным сочетанием демократических процедур и недемократических элементов. В. Меркель и А. Круассан называют такие режимы «дефектными демократиями», при которых происходит «повреждение» конституционно-правовых принципов и нейтрализация механизмов сдерживания власти [6]. Страны ЦВЕ, по мнению авторов, создали пока только одну модель политической институализации демократии с формальными демократическими структурами. В «дефектных демократиях» эта формальная модель дополняется «установлением и институализацией неформальных практик и правил политической игры» [6, с. 20]. Такая «деформализация» политических процедур и правил принятия решений возникает прежде всего вследствие сочетания двух факторов, уходящих в додемократическое прошлое:

- 1) авторитарного наследия неформальных практик;
- 2) аккумуляции экономических и политических проблем поставторитарной системы.

Необходимо отметить, что изучение переходных процессов усложнялось тем, что уже в начале трансформации в этих странах не были тождественны по объёму изменений и равноценны по масштабам, темпам и методам. Обозначились определённые различия в зависимости от ряда факторов. «Потребовалось немалое время, чтобы в том или ином объёме стал укореняться «джентльменский набор», отработанный в странах с демократической политической культурой» [13, р. 50]. Ценности либеральной демократии во многих странах ЦВЕ зачастую воспринимались бесспорно «даже с экзальтацией, как пример, как некая политическая панацея» [2, р. 46].

Изучение позитивного и негативного опыта демократического транзита в странах ЦВЕ представляет интерес с

точки зрения выработки новых подходов к исследованию проблем переходного периода. Восточноевропейский опыт весьма примечателен синхронностью политических процессов в различных странах. «Это позволяет вести речь о субрегиональной специфике взаимообусловленности внутренних политических процессов в отдельной стране внешним влиянием соседей» [9, р. 3]. Опыт политических трансформаций в странах ЦВЕ заслуживает пристального внимания в свете становления российской демократии, так как эти страны имеют общий с Россией тоталитарный опыт, сталкиваются с похожими проблемами переходного периода, демонстрируют различные подходы к решению этих проблем. Таким образом, необходимо ориентироваться не только на опыт западных демократий, но и на опыт реформ наших ближайших соседей.

Вместе с тем демократизация в странах ЦВЕ остается открытым процессом. Многим странам ещё предстоит долгий путь консолидации демократии. Х. Линц, А. Степан так определяют консолидируемую демократию: это такая политическая ситуация при которой демократия становится «the only game in the town», когда ни одна значительная политическая группа не предпринимает серьёзных попыток свергнуть демократический режим [14, р. 5]. По их мнению, демократия является консолидированной тогда, когда даже перед лицом серьёзных политических и экономических кризисов преобладающее число людей верит, что все политические изменения должны происходить только в рамках демократических процедур. «С консолидацией демократия становится рутинной» [15, р. 5].

Большое количество исследований было посвящено трансформациям и переходам от старых режимов к новым в посткоммунистической Европе. Однако все они сосредоточивались в основном на процессах перемен националь-

ного уровня. Но изменения национального уровня не могут быть полностью осознаны без учёта изменений местного уровня, взаимоотношений между государством и местным самоуправлением. Один из важнейших элементов демократического транзита – установление новой демократической муниципальной системы. Реформа местного самоуправления – важная часть трансформации политической системы, основной элемент политических перемен, а также условие экономического развития в странах ЦВЕ [13]. Сейчас уже нет универсальной модели местного самоуправления, какой была советская модель.

В РФ проблема реформирования системы местного самоуправления в настоящее время особо актуальна. Новая концепция реформ в этой области предусматривает укрепление местного самоуправления по двум направлениям:

- 1) добиться демократического формирования и функционирования местной власти на всей территории страны;
- 2) чётко обозначить полномочия муниципалитетов, отделив их от полномочий других уровней власти, и передать им необходимые для их выполнения средства [8].

Решением Госсовета РФ законопроект новой редакции Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» внесён на обсуждение в Госдуму.

Большинство стран региона на начальном этапе транзита подписали Европейскую хартию о местном самоуправлении, которая суммирует минимум требований для установления этого института. Именно этот документ юридически закрепляет связь демократии и местного самоуправления, невозможность существования демократии без этого института. Как определено в преамбуле Европейской хартии о местном самоуправлении, «органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя», «защита и укрепление местного само-

управления в различных европейских странах представляет собой значительный вклад в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти» [3, с. 3].

Понятия «местное самоуправление» и «демократия» тесно связаны. Право личности на самоуправление – одна из ценностей демократии. Местное самоуправление – начальная школа для демократии. Это не просто форма общественной самодеятельности населения, но и один из институтов публичной власти, осуществляющий управление, в том числе и политическое в пределах местных территорий, т. е. органы местного самоуправления интегрированы в единый механизм управления страной. Но в то же время анализ природы власти даёт возможность сделать вывод о её двойственном характере: общественном и политическом [11, с. 177]. Местное самоуправление, находясь внутри политической системы, является формой политической самоорганизации местных сообществ и одновременно «агентом» гражданского общества. Кроме того, местное самоуправление – это не только уровень публичной власти и элемент гражданского общества, но и тот уровень власти, где реализуется местная демократия. По мнению Е. В. Лукьяновой, муниципальная демократия (ее термин – синоним местной демократии) выступает в качестве основы местного самоуправления. Муниципальная демократия, согласно автору, содержит все основные элементы демократии. Это «тот уровень, который действует в регионе, городе, иных муниципальных образованиях и который способствует проявлению гражданской позиции и активности населения в решении своих собственных дел в рамках регионального законодательного обеспечения» [4, с. 38]. По определению Е. В. Лукьяновой, муниципальная демократия – это не только совокупность правовых норм, тра-

дий, правил, установлений, которые действуют на данной территории, в системе данной власти с участием местного населения и направлены на решение конкретных задач конкретных общностей людей на определённой территории, но и реальная возможность их воплощения [4, с. 37–38]. Правда, автор не совсем понятно и чётко определяет этот термин. В западной литературе используется понятие «местная демократия», и нам не совсем ясно, отождествляет ли Е. В. Лукьянова муниципальную демократию и местную или же как-то разделяет эти категории.

Итак, если демократия – основа правового государства, а местное самоуправление – один из важнейших её институтов, то основой местного самоуправления становится местная демократия как один из уровней общегосударственной демократии. Таким образом, в условиях демократизации трансформирующихся обществ ЦВЕ демократизация местного самоуправления и развитие местной демократии так же важны, как и демократизация на национальном уровне. Развитие местного самоуправления должно способствовать постепенной демократизации политического режима, инициируя её снизу [4, с. 44]. Местное самоуправление поможет осознать гражданам, что демократия – это не просто формальное учреждение необходимого набора процедур, но и личное участие каждого в управлении. Местное самоуправление – это такой уровень управления, где учитываются не только общие интересы, но и личные нужды граждан. Именно на этом уровне легче защитить права меньшинства, «что является обратной стороной медали демократии, где на противоположной стороне значится власть большинства» [11, с. 179]. Местное самоуправление приобщает население к демократическим ценностям, воспитывает чувство ответственности, предоставляет членам местного сообщества широкие возможности участия в по-

литическом процессе, способствует преодолению отчуждения личности от государства, являясь пограничным институтом между государством и обществом. Всё это имеет существенное значение для демократизации переходных обществ и дальнейшей консолидации демократии в странах ЦВЕ.

Реформы местного самоуправления в странах ЦВЕ

Итак, становление и развитие местного самоуправления представляет собой важную составляющую демократизации в странах ЦВЕ.

Если анализировать в целом страны региона, можно выделить общие черты, характеризующие их:

- ориентация на рыночную экономику;
- политическая демократизация, плюрализм;
- проведение социальных реформ.

Однако в связи с тем, что процесс трансформаций всё ещё продолжается, типологизация его проявлений может носить предварительный характер.

Процесс реформ в странах ЦВЕ проходит сверху вниз, таким образом, население имеет только общее представление о стратегии реформ. Становление местного самоуправления также происходило сверху. Возможно, на начальном этапе по-другому и не могло быть, но на данном этапе уже необходимо более активно включать обратную связь. Примером реформы местного самоуправления сверху может служить Венгрия, где этот процесс постепенно начался ещё до этапа масштабной демократизации (органы местного самоуправления могли вводить свои налоги, иметь какие-то свои источники финансирования, черновая подготовка законодательства началась ещё за 2 года до смены правительства). В РФ типичной исторической особенностью

преобразований является то, что все социально-экономические реформы, в том числе и в области местного самоуправления, проводились традиционно – сверху, по инициативе власти. На современном этапе происходит то же самое. В начале процесса трансформаций в Конституции РФ было определено место местного самоуправления в осуществлении власти, гарантировалось право народа на самоуправление, были приняты соответствующие законы, указы, постановления, но на практике не было даже согласия между различными политическими движениями и субъектами РФ по основной концепции самоуправления. До сих пор ведётся спор по поводу того, что идея отделения местного самоуправления от государства, заложенная в Конституции РФ, приносит лишние проблемы.

Большинство идей и институтов, внесённых в жизнь ЦВЕ, не были новыми. Они являются основными «кирпичиками» западных демократий, и многие из них были «зачаты» в довоенное время и в странах рассматриваемого региона. Изначально был сделан акцент на реставрацию старых идей, а не на инновацию. Многие страны региона заимствовали западные организационные модели (сильный мэр – совет, слабый мэр – совет), принципы разделения полномочий, территориальную организацию. Например, в Венгрии существуют такие административно-территориальные уровни, как регион, графство, базовый уровень (города, деревни), а на уровне региона есть должность комиссара республики (назначается президентом). Он координирует деятельность местного самоуправления по выполнению функций, возложенных на него государством, следит за законностью решений органов местного самоуправления. Аналогичный институт существует во Франции и тоже на уровне региона. Что касается реставрации старых идей, существовавших в дореволюционный период в истории

этих стран, то можно привести пример восстановления территориальной структуры в Польше: воеводство – повят – гмина (повят был упразднён в советский период). В Венгрии такая территориальная единица, как графство, имеет длительную историю, берущую начало с появления королевства. В советское время роль графств была дискредитирована тем, что они выполняли роль арбитра над местными властями городов и деревень, поэтому в начале реформ этот уровень вообще хотели упразднить. Но уже сейчас появляется ряд предложений по усилению этого уровня, возвращения ему исторически сложившихся функций медиатора между центральной властью и местным самоуправлением.

Первый этап реформ местного самоуправления во всех странах региона можно назвать этапом институализации, для которого характерно: установление демократических институтов, разработка законодательной базы. Во всех странах ЦВЕ были приняты:

- новые конституции, затрагивающие в той или иной степени вопросы местного самоуправления;
- общие законы о местном самоуправлении, согласующие основные правила новой системы, определяющие структуры и процедуры;
- законы о местных выборах.

Ко второму пакету законодательных актов, которые были приняты несколько позже, относятся:

- законы о государственной службе;
- законы о муниципальной собственности;
- трудовое законодательство и др.

Новые законы о местном самоуправлении были введены во всех странах региона, но особо следует выделить венгерский закон. Он был наиболее проработанным, всеобъемлющим, затрагивающим все важные детали. В других

странах законы обозначили только общие направления реформ местного самоуправления, в то время как все детали – разделение полномочий между государством и местным самоуправлением, финансово-экономические основы деятельности – регулировались отдельно. В связи с тем, что законодательство по этим деталям разрабатывалось не сразу, во многих странах не было чётко выделенной компетенции местного самоуправления, недостаточно определялась финансовая основа, наблюдалась территориальная фрагментированность среди уровней местного самоуправления. Всё это усложняло дальнейшую демократизацию местного самоуправления. Например, в Чехии и Словакии финансовые реформы задержались до 1993 г. Это значит, что вновь избранные местные власти более двух лет должны были работать по старым законам, которые лишь незначительно изменились. В Венгрии же реформы в области местных финансов проводились ещё до начала демократизации, таким образом, политическая реформа проходила уже на основе сделанных ранее экономических изменений, что существенно облегчало её ход. В Польше экономические изменения проводились одновременно с политическими, что тоже в определённой мере способствовало успеху последних.

Территориальная структура местного самоуправления

Во всех странах региона есть базовый уровень местного самоуправления (коммуна, община или муниципалитет). В Польше единицы этого уровня относительно большие (похожи на скандинавские). В других странах (например, в Чехии, Словакии, Венгрии) они гораздо меньше (похожи на французские).

Общей чертой многих стран рассматриваемого региона

(кроме Польши) можно назвать и территориальную фрагментацию местного самоуправления. Например, в Чехии число муниципалитетов возросло с 4104 в 1988 г. до 6237 в 1992 г. [15, р. 26]. В Словакии число муниципалитетов в начале 1990-х гг. выросло на 20 %. Польские коммуны, напротив, сливались. С 1973 г. до 1992 г. их число снизилось с 4000 до 2419. Около 500 базовых единиц в Польше состоят из одного небольшого города и нескольких деревушек [15, р. 26]. Чрезвычайную фрагментацию можно считать последствием жёсткой централизации и иерархии в местном самоуправлении прежнего режима. Многие политики, да и сами жители этих местных сообществ, полагали, что возможно за короткий срок расширить автономию вновь образованных территориальных единиц и это будет способствовать процветанию муниципалитетов. Но для процветания одной самостоятельности недостаточно, необходим еще ряд условий (финансовая основа, чёткое разграничение полномочий, эффективная структура управления и т.д.). Скорым последствием локализма в Чехии и Словакии, например, была волна дезинтеграции существовавших муниципалитетов. В каждой маленькой деревушке считали, что они больше потеряют, чем приобретут, входя в большие союзы для решения общих проблем. Локализм играл противоречивую политическую роль. С одной стороны, он вёл к демократизации общества путём кристаллизации местных интересов, с другой стороны – стимулировал распад общества. Ещё одной отрицательной чертой такой фрагментации была слабость регионального уровня местного самоуправления (районов, графств).

В странах региона сложились однозвенные, двухзвенные, трёхзвенные территориальные системы местного самоуправления. В Венгрии местное самоуправление существует на базовом уровне по поселенческому принципу (в

городах, сёлах) и на уровне графств по территориальному принципу. В Польше с 1998 г. действует трехзвенная система: базовый уровень – субрегиональный – региональный. В однозвенной системе нет субрегионального и регионального уровней (примеры – Словакия, Болгария).

В посткоммунистических странах ЦВЕ сложилась континентальная модель местного самоуправления. Для нее характерны: «принцип негативного регулирования», когда местные органы вправе осуществлять все действия, прямо не запрещённые законом; единообразное построение системы органов власти на низовом уровне (едиными правами базового уровня наделены как горда, так и сельские общины независимо от размера численности населения); преобладание сочетания прямого государственного управления на местах и местного самоуправления; разнообразные формы контроля за деятельностью органов власти местного самоуправления, осуществляемого по значительному кругу вопросов.

Внутренняя организационная структура местного самоуправления

Организационное строительство прошло довольно легко, основные организационные формы были установлены за сравнительно короткий период. Выборный совет является высшим органом в принятии решений на местном уровне во всех странах, члены совета выбираются на всеобщих прямых выборах. Советы организуют свою работу главным образом через систему комитетов.

Организация и формирование исполнительных органов различаются по странам. Исполнительные органы делятся на индивидуальные и коллегиальные. Коллективная форма – коллегия или специальный комитет при совете, который является исполнительным органом местного самоуправле-

ния. Члены этой коллегии избираются депутатами совета. Все решения принимаются коллегиально. Комитеты совета ответственны перед коллегией. Такие коллегии, например существуют в Чехии. Но во многих странах нет такого органа, так как представительная власть боится ограничения своей власти исполнительным органом, как это было в советское время. Индивидуальный исполнительный орган – мэр. Позиция мэра во многих странах очень сильна: он избирается напрямую, возглавляет администрацию и имеет много полномочий.

В странах ЦВЕ распространены две организационные модели (в основе моделей взаимоотношения между собранием и местным главой):

слабый мэр – совет;

сильный мэр – совет.

Консенсус – важный принцип первой модели. Лидерство – основа второй. Большинство стран региона, в том числе Венгрия, Словакия, Болгария и др., приняли вторую организационную модель. Польша, Чехия – примеры первой модели. Причиной преобладания второй, очевидно, является сильное антагонистическое чувство по отношению к советской модели, которая по форме относилась к первому типу. Интересно, что среди стран, принявших первую модель на местном уровне, на национальном уровне существует противоположная по принципам взаимоотношений модель (например, в Польше на национальном уровне президентская система). В то же время Венгрия и Словакия – парламентские республики, а на местном уровне – система «сильный мэр – совет». В Чехии модели на обоих уровнях совпадают: на национальном уровне – парламентская система, на местном – система «слабый мэр – совет». В Румынии – сильная президентская власть и система «сильный мэр – совет» на местах.

Функции местного самоуправления

Сравнение функций местного самоуправления в разных странах региона – сложная задача. Общее для всех стран то, что базовый уровень является основным в выполнении этих функций и в предоставлении услуг. Более высокий уровень (если он вообще есть) существует как дополнительное звено. Он берёт на себя те функции, с которыми по каким-либо причинам не справляется базовый уровень. Но, если говорить в целом о функциях местного самоуправления в странах ЦВЕ, то это общее название иногда условно, так как функции, входящие в одних странах в компетенцию местного самоуправления, в других могут делиться между государством и местным самоуправлением. Ещё одна сложность в сравнении обусловлена тем, что разделение полномочий ещё незавершённый процесс, который постоянно изменяется. В целом в компетенцию местных властей в странах ЦВЕ входят:

- начальное и среднее образование;
- здравоохранение;
- социальная защита;
- уборка и содержание улиц;
- коммунальные услуги
- содержание дорог;
- пожарная охрана и др.

Различие между странами заключается прежде всего в том, что полномочия по-разному распределяются и определяются. В Чехии и Польше полномочия делятся на собственные и переданные. В Венгрии различают обязательные и необязательные полномочия. Функции местного самоуправления в Чехии, Венгрии и Польше шире, чем, например, в Словакии, в которой начальное и среднее образование, здравоохранение и социальная защита не входят в полномочия местного самоуправления.

В заключение можно отметить, что первая стадия демократизации на уровне местного самоуправления в основном завершена. Появились новые демократические институты, произошло закрепление демократических норм и правил. Однако есть ещё некоторые аспекты институализации, которые требуют пересмотра или уточнения: административные реформы, уточнение разделения полномочий, разработка процедур и правил для более эффективной деятельности структур местного самоуправления и т.д. Во-первых, все эти нерешённые проблемы способствуют отчуждению граждан от власти и мешают переходу к следующей стадии демократического перехода, по модели Д. Растоу – фазе привыкания [7], когда происходит закрепление ценностей демократии, или к консолидации демократии [14]. Во-вторых, политическая культура в странах ЦВЕ всё ещё имеет характеристики патернализма. Это также препятствует дальнейшей демократизации. То, что жители не привыкли к активному участию в политике, не понимают роли местного самоуправления в процессе демократизации, даёт о себе знать. В целом жители местных сообществ в этих странах не склонны в большинстве своём к возврату в прошлое, поэтому необходимо налаживать обратную связь с населением.

Изучение посткоммунистических переходов уже стало новым направлением в политологии. А вот исследование местного самоуправления в странах ЦВЕ только набирает силу. Если раньше (в советский период) политические системы стран региона воспринимались как идентичные, то сейчас при многих общих характеристиках эти страны имеют и значительные отличия. Эти различия, возможно, проявятся ещё ярче, «если направить свет на уровень местного самоуправления» [17, р. 25].

Будущее местного самоуправления зависит от многих

факторов, как экономических, социальных, так и политических. А будущее успешной демократизации и консолидации демократии в странах ЦВЕ неразрывно связано с местным самоуправлением и местной демократией.

Библиографический список

1. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах // Вестник МГУ. Сер. 18. 1998. № 2.
2. Видоевич З. Предпосылки и облик демократии в странах Восточной Европы. «Портрет» демократии в современном мире // Процессы демократизации в Восточной Европе: Матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Г. В. Осипов. М., 2000.
3. Европейская хартия о местном самоуправлении // Местное самоуправление (нормативная база). М., 1998.
4. Лукьянова Е.В. Становление муниципальной демократии в России (социологический аспект): Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999.
5. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
6. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 2.
7. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
8. Рыжков В. По стопам Александра (Судьба местного самоуправления касается всех граждан страны) // Известия. 2002. 23 окт.
9. Тарасов И.Н. Институциональный процесс посткоммунистической демократизации в странах Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2001.
10. Томанович В. Структурные и культурные условия демократии и процессы в странах постсоциалистического перехода // Процессы демократизации в Восточной Европе: Матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Г. В. Осипов. М., 2000.
11. Юшина Е.А. Становление местного самоуправления как условие демократизации современного российского общества: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998.
12. Яжборовская И.С. Сравнительное изучение социально-политических процессов трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Общественно-политические процессы (компаративные измерения). СПб., 2000.

13. Decentralization: experiments and reforms / Ed. by T. M. Horvath. Budapest, 2000.

14. Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, a post-communist Europe. Baltimore, 1996.

15. Local democracy and the processes of transformation in East-Central Europe/ Ed. by H. Baldersheim, M. Illner, A. Offerdal, L. Rose. Colorado, 1996.

16. The emerging local governments in Eastern Europe and Russia. (Historical and post-communist developments) / Ed. by O. Iepa. Keisuisha, 2000.

17. The re-emergence of local self-government in Central Europe: the first experience / Ed. by I. Elander, M. Gustafsson // Report from the conference: Local self-government in a comparative perspective 12–17 May 1991. Orebro, 1991.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Любуясь, как реформа преображала русскую
старину, недоглядели, как русская старина
преображала реформу.
Василий Ключевский*

*Народы так же падки на лесть, как и тираны.
Альфонс де Ламартин*

*Демократия требует от людей
равного старта, эгалитаризм – равного финиша.
Роджер Прайс*

**ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ**

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К КРИЗИСАМ
ТРУДОВОЙ
ЗАНЯТОСТИ
ЛИЧНОСТИ**

А. Н. ДЁМИН

**ОСОБЕННОСТИ
ВОСПРИЯТИЯ
МИРА
ПРОФЕССИЙ
В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ
ЛИЧНОСТИ**

А. А. Лузаков,

Н. В Рудник

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КРИЗИСАМ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Н. Дёмин

Под *кризисом трудовой занятости личности* мы понимаем разрыв или перестройку привычных связей с профессиональной средой и деятельностью, которые инициируются извне или самой личностью, сопровождаются изменениями в статусе на рынке труда, психологическом самочувствии и предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям человека и его социального окружения.

Данный тип кризиса может быть соотнесён со значимыми нормативными и ненормативными событиями жизненного пути [10], транзитивными аспектами карьеры [21, 22], профессионально обусловленными кризисами становления личности [2], явлениями профессиональной [3], социальной и культурной [7] маргинализации.

Эмпирически кризисы трудовой занятости личности проявляются в потере или смене работы, существенном изменении режима труда (например, в связи с простоями предприятия) или невыплате заработной платы, первом выходе на свободный рынок труда (для выпускников учебных заведений) или уходе на пенсию, переобу-

чении и т.п. В постперестроечной России данные явления стали не только новыми, но и весьма распространёнными, однако они ускользают из поля зрения отечественных психологов. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, естественным запаздыванием теоретического осмысления произошедших в стране перемен. Во-вторых, дефицитом психологических обобщений тех процессов, которые происходят в сфере занятости и на рынке труда России. В-третьих, отсутствием соответствующих исследовательских традиций – всё-таки рынок труда в его нынешнем виде отсутствовал в нашей стране почти 60 лет, поэтому до сих пор психологический анализ занятости сводился к психологии труда на рабочем месте, которое было одним из главных механизмов социальной интеграции советского общества [4]. Сейчас эта роль заметно пошатнулась, а отечественная психология только начинает предпринимать попытки к осмыслению различных форм исключения личности из оплаченной трудовой деятельности.

Познавательная ситуация, сложившаяся в России, не является уникальной. Аналитики указывают на глобальный кризис занятости, связанный с индивидуализацией её форм, объёмов и режимов труда, заработной платы, устойчивой высокой безработицей, достаточно частой сменой работ, размыванием границ между работой и неработой [1, 5, 8]. На теоретико-методологическом уровне осмысление происходящих изменений связано с появлением новых предметных областей или расширением и трансформацией уже существующих. В частности, можно отметить переход в социальных науках от изучения труда к изучению занятости [6], от изучения работы к изучению карьеры [13], а в более широком плане – возросший интерес к транзитивным процессам в обществе и индивидуальном жизненном цикле, оформление девелопменталистского направления в со-

психологическом и психологическом знании.

В психологии кризисы трудовой занятости личности чаще всего исследуются в связи с потерей и обретением работы. Соответствующие события и процессы могут интерпретироваться в рамках институционального, когнитивно-мотивационного, биографического подходов. Если два первых являются достаточно устоявшимися, то третий подход находится в стадии становления и обладает большим концептуальным и методическим потенциалом для применения в российских условиях. Цель статьи – вычлениить теоретическую модель, объясняющую поведение личности в индивидуальном кризисе трудовой занятости с позиций биографического подхода.

Предварительный анализ даёт основание говорить о двух направлениях в этом подходе: 1) теориях карьеры и 2) исследованиях, посвящённых личностно-биографическим предпосылкам нестабильных карьер и безработицы.

Психологические теории карьеры

В поле нашего внимания попали прежде всего те теории и концепции, которые затрагивают не только вопросы профессионального развития личности, но и кризисы трудовой занятости в упомянутом выше смысле.

Одна из наиболее известных теорий принадлежит Дональду Сьюперу, который начал публиковаться в период Второй мировой войны, но и спустя полвека он продолжал научную деятельность, демонстрируя творческий подход и совершенствование своих базовых идей. Умер Д.Сьюпер в 1994 г. в возрасте 83 лет.

Российским читателям он известен прежде всего как автор модели стадийного развития карьеры и профессиональной зрелости личности. Первоначально профессиональная зрелость определялась как готовность или способ-

ность справляться с задачами развития, соответствующими той стадии жизни, на которой находится человек. В поздний период своей деятельности Д. Сьюпер пришел к заключению, что профессиональная зрелость более применима для характеристики подросткового возраста и ранней взрослости, а для взрослости как таковой целесообразнее использовать понятие карьерной адаптивности. Это связано с тем, что зрелость подразумевает достижение некоторого пика в развитии, но карьера может иметь не один, а несколько пиков или вообще не иметь таковых, тем не менее адаптационные задачи человеку приходится решать. Они могут повторяться на разных стадиях жизни по причинам смены профессии, выхода или возвращения на рынок труда, потери дееспособности и т.д. [24, 25].

Оформление взрослой карьеры начинается с 15 лет и проходит несколько этапов, каждому из которых соответствуют специальные задачи развития: формирование профессионального выбора, его спецификация, опробывание на практике (стадия исследования); стабилизация профессионального выбора, его закрепление, достижение успеха (стадия упрочения); удерживание найденной линии развития, ее усовершенствование, обновление отдельных составляющих (стадия сохранения); приспособление к замедлению и свертыванию профессиональной активности, планирование отставки, пенсионный образ жизни (стадия освобождения от дел и спада). На завершающих фазах перечисленных стадий человек может включаться в повторное решение задач, свойственных другим стадиям, если того требуют внешние или внутренние обстоятельства.

Содержание адаптивности Д. Сьюпер описывает неоднозначно. Авторы, изучающие его творчество выделяют семь структурных элементов адаптивности: отношение к труду как ценности, способность управлять собственной

жизнью, рефлексивные умения, предполагающие научение из собственного опыта, наличие планов и перспектив в области карьеры, информированность о мире труда и профессий, особенности принятия решений, способность исследовать варианты развития [9].

Кроме стадий карьеры и адаптивности важной составляющей теоретических взглядов Д. Сьюпера является представление об основных жизненных ролях человека. К ним относятся роли ребенка, ученика/студента, работника (в том числе безработного и неработающего), гражданина, отдыхающего, супруга, родителя, пенсионера, а также роль домохозяйина. Для разных людей значимость тех или иных ролей варьирует. При этом их внутренняя структура, включающая аффективный, поведенческий (степень участия) и знаниевый (когнитивный) компоненты, не всегда согласована, особенно в подростковом возрасте. В высших точках карьеры максимальное количество исполняемых ролей может достигать восьми, причём роли ребенка и ученика/студента могут присутствовать практически на всем протяжении жизненного пути. Например, роль ученика возможна от 5 до 62 лет, но с перерывами и возобновлениями, вызванными безработицей, повышением квалификации, приобретением новых навыков, необходимых для хобби уже после выхода на пенсию. Ролевые предпочтения многое говорят о желаемом жизненном сценарии личности [25].

Еще одной составляющей взглядов Д. Сьюпера является модель взаимодействия «индивид – среда», в которой ключевая роль отводится «Я», поскольку именно личность – та инстанция, которая принимает решение о действии, беря в расчет ту или иную индивидуальную характеристику или элемент социального окружения (семейного, политического, экономического и т.д.).

Одна из сверхзадач теории Д. Сьюпера состоит в том,

чтобы учесть реальную сложность профессиональной карьеры и интегрировать различные её составляющие. Благодаря самотождественности личности карьера сохраняет непрерывность даже в периоды безработицы или смены профессии. Сложное взаимодействие между стадиями карьеры, элементами адаптивности, предпочитаемыми жизненными ролями, индивидуальными и социальными детерминантами определяет особенности профессионального развития [24].

Теория Д. Сьюпера и сопутствующий ей методический аппарат широко используются на практике, в том числе в процессах трудоустройства безработных. Примером может служить модель Т. Эквиланти [9], которая опирается, с одной стороны, на теории переживания горя, с другой стороны, на положения Д. Сьюпера, относящиеся к структуре адаптивности. При консультировании людей, потерявших работу, сначала важно помочь им осознать свои трудовые ценности, интересы, умения, индивидуальный стиль и научить справляться со стрессом, т.е. повысить способность управлять собственной жизнью. На стадии поиска работы становятся актуальными такие элементы адаптивности, как способность строить планы, умение собирать информацию, принимать решения по поводу желаемого места работы и способа его получения, исследовать различные возможности и шансы. На завершающей стадии консультационного сопровождения важно, чтобы безработный осмыслил происходившее с ним с момента потери работы, сделал выводы из приобретенного опыта, так как они могут помочь ему в дальнейшем.

Работы, поднимающие проблему принятия карьерных решений, дополняют теорию Д. Сьюпера. Одним из наиболее известных современных авторов в данной области является С. Осипов, согласно которому процесс карьерных

выборов у большинства людей можно уподобить потоку воды, сбегающему с горы тем путем, который доступен [17]. Иными словами, люди принимают решения по принципу наименьшего сопротивления. Это обеспечивается уникальным сочетанием личностных качеств, имеющих навыки, социальных характеристик, внешних возможностей и доступа к ним. В целом диапазон выборов ограничивается состоянием экономики, существующими технологиями, личностными ресурсами.

С. Осипоу высказывает интересную мысль о том, что доминирование тех или иных составляющих в карьерных решениях зависит от исторического периода и восприятия людьми имеющихся возможностей. Чем больше внешних возможностей для выбора, тем значимее становятся такие факторы, как стремление осуществить свои интересы, лично самореализоваться, получить удовлетворение от работы и высокий доход. Когда возможности воспринимаются суженными, более сильное влияние на принятие решений начинают оказывать имеющиеся у человека навыки и ценные личные качества.

Процессы выбора зависят не только от исторического времени, но и последовательности жизненных ситуаций, особенностей социальных институтов и организаций, в деятельность которых человек вовлечен. Например, в период активного поиска работы эти процессы протекают интенсивно, но как только работа найдена, они затухают. Их возобновления следует ожидать, когда новая работа теряет привлекательность. С. Осипоу полагает, что данный принцип можно использовать для прогнозирования периодов большей и меньшей активности в принятии карьерных решений, которая с возрастом имеет общую тенденцию уменьшаться.

Трудности принятия карьерных решений можно разде-

лить на три основные категории, которые в свою очередь делятся на подкатегории и т.д. [14]. Первая категория – отсутствие готовности. Неготовность предшествует процессу принятия решения и включает в себя отсутствие мотивации включиться в процесс принятия решения, общую нерешительность как черту личности, различные дисфункциональные убеждения. Вторая категория – отсутствие информации (о шагах, включённых в процесс принятия решения, о себе, о различных профессиях, о способах получения дополнительной информации). Третья категория – неконсистентная информация. Эта трудность возникает вследствие ненадёжности информации, внутриличностных или межличностных конфликтов. Вторая и третья категории характеризуют собственно процесс принятия решения.

В исследованиях карьеры прочное место занимают теории личностно-средового соответствия, среди которых самая влиятельная принадлежит Джону Холланду. Она начала формироваться в 1950-е гг. и за последующие десятилетия получила обширное распространение, признание, несколько раз дополнялась и совершенствовалась автором (его основная книга «*Making vocational choices*» переиздавалась трижды: в 1973, 1985, 1997 гг.). Ряд положений, сформулированных Д. Холландом и его последователями, имеют важное методологическое значение для исследования кризисов трудовой занятости личности.

Наибольшей известностью пользуется типология людей и профессиональных сред, построенная по критериям доминирующих интересов, целей, ценностей. Выделяются реалистический, исследовательский, артистический, социальный, предпринимательский, конвенциональный типы. Они моделируются в форме гексагона для лучшего понимания совместимости (конгруэнтности) личности и среды. Степень конгруэнтности влияет на эффективность

профессиональной деятельности и удовлетворенность ею, поскольку каждая среда обеспечивает разную степень реализации тех или иных ценностей и целей личности. Д. Холландом предложена простая по конструкции и использованию валидная и методика определения профессиональных диспозиций личности, чрезвычайно популярная в США. Существует её русскоязычная адаптация.

На больших национальных (американских) выборках было показано, что в зрелом возрасте предыдущие рабочие места позволяют предсказывать последующие, поскольку человек стремится реализовать профессиональный выбор в наиболее адекватной для себя среде. В целом можно сказать, что люди стремятся к работе в конгруэнтных средах, но в этих процессах важную роль играет ясность, определенность представлений личности о себе, своих целях и возможных стратегиях поведения. Подобные представления Д. Холланд связывал с профессиональной идентичностью, полагая, что уровень ее сформированности влияет на трудность принятия карьерных решений и потребность в консультационной поддержке. Кроме идентичности в теории Д. Холланда используются другие производные понятия – согласованность профессиональных притязаний, дифференцированность и однородность профессиональных интересов, распространенность (или редкость) тех или иных сочетаний интересов.

Одной из малоизученных областей в теории Д. Холланда являются механизмы изменения карьеры. Возможно, это связано с тем, что данная теория наиболее широко применяется при консультировании студентов, поступающих в учебные заведения и завершающих обучение в колледжах и университетах, т.е. сфокусирована на сфере образования и первичном «входе» на рынок труда. Г. Готтфредсон в специальной статье, приуроченной к со-

рокалетнему юбилею теории Дж. Холланда [15], выдвигает гипотезу, согласно которой неконгруэнтные личности с высокой профессиональной идентичностью, склонностью к риску будут пытаться покинуть текущую профессиональную среду или изменить её. Напротив, конгруэнтные личности, а также люди с низкой профессиональной идентичностью и склонностью избегать риск будут демонстрировать стабильность. Также интересна мысль автора о том, что в современных динамичных условиях с более частой сменой работ и должностных назначений карьерные изменения, вероятнее всего, имеют типологическую преемственность, т.е. человек будет перемещаться от одной исследовательской или, скажем, предпринимательской работы к другой.

Дж. Лэтэк и Дж. Дозье [16] предложили модель развития карьеры, в которой центральным событием является потеря работы. Данное событие противопоставляется психологическому успеху, поскольку оно делает невозможным постановку престижных целей, их достижение, переживание чувства возросшей компетентности и самооценки, ведущих к постановке новых целей и т.д. Потеря работы может иметь длительный «эффект отравления». Это выражается в переносе на следующую работу чувства неопределенности, циничного отношения, более низкой мотивации к труду. Однако авторы полагают, что существует и другой сценарий, связанный с улучшением карьеры. Такое возможно, по крайней мере, в двух случаях: во-первых, когда человек находит работу, обеспечивающую новые и более высокие возможности для психологического успеха, чем предыдущая; во-вторых, при обнаружении человеком в самом факте перехода к статусу безработного таких выгод и выигрышей, которые перевешивают потери. Поскольку мотивация к развитию связана с умеренным уровнем стресса, авторы выделяют факторы,

препятствующие чрезмерной стрессированности в результате потери работы.

К первой группе факторов относятся индивидуальные характеристики человека: уровень вовлеченности и удовлетворенности потерянной работой, стадия карьеры, на которую пришлось это событие, уровень индивидуальной активности, проявляющийся в способности содержательно наполнить и структурировать время. Оптимальным для роста является середина карьерного пути (в терминах теории Д. Сьюпера это фаза достижения успеха на стадии упрочения), поскольку человек находится на пике своей продуктивности и в то же время еще достаточно молод, чтобы избежать дискриминации по возрасту при трудоустройстве.

Вторую группу факторов составляют средовые характеристики: финансовые ресурсы, наличие социальной поддержки, наличие гибкой, адаптивной структуры семьи, что проявляется в способности ее членов принять новые роли или перераспределить их в создавшейся трудной ситуации.

К третьей группе относятся характеристики переходного процесса от прежней работы к состоянию безработицы. Это, во-первых, наличие предварительного уведомления о сокращении (увольнении), объяснение причин принимаемого решения, сообщение об увольнении непосредственным начальником, а не малознакомым специалистом из службы персонала. Подобные действия позволяют человеку пережить шок еще до реальной потери работы и, следовательно, начать поиск нового места заранее, они наносят меньший ущерб самооценке, дают возможность восстановить чувство контроля над ситуацией, в меньшей степени провоцируют огорчение и досаду. Во-вторых, важной характеристикой переходного процесса является отреагирование и угасание таких эмоций, как огорчение, раздражение, гнев; к ним следует относиться как к неизбежному след-

ствию потери работы. Авторы подчеркивают важность этих процессов, в противном случае увеличивается риск сделать неправильный выбор относительно продолжения карьеры, например, желая доказать ошибочность увольнения прежнему работодателю. Наконец, на карьерный рост влияет длительность пребывания в состоянии безработицы.

Чем полнее список описанных факторов, тем больше вероятность трансформации потери работы в дальнейшее развитие карьеры. Данная модель относится прежде всего к безработным менеджерам и профессионалам, поэтому она содержит естественные ограничения для рабочих. В ней активно используются психологические механизмы и факторы поведения в сфере занятости, она предлагает понятные направления поддержки высвобождаемых людей и включает индивидуальную карьеру в более широкий социальный контекст, так как увязывает ее с политикой предприятий на рынке труда. Как пишут Дж. Лэтэк и Дж. Дозье, соблюдение предприятиями принципов профессионального подхода к сокращениям (предупреждение, объяснение и т.д.) уменьшает вероятность судебных исков со стороны уволенных, сохраняет лояльность и трудовую мотивацию оставшихся работников, поддерживает позитивный общественный имидж, который оказывается полезным при рекрутировании новых сотрудников.

Позднее модель Дж. Лэтэк и Дж. Дозье проверялась эмпирически и получила подтверждение. В частности, Л. Эби и К. Буч [11] выделили факторы, которые в наибольшей степени предсказывают успешное (в психологическом смысле) развитие карьеры, т.е. связаны с удовлетворенностью новой работой и восприятием потери прежней работы как источника выгод, а не утрат. Опросив более пятисот клиентов фирмы, занимающейся трудоустройством, они установили, что для женщин наибольшей предсказатель-

ной силой обладают такие переменные, как гибкая ролевая структура семьи и наличие финансовых ресурсов. Для мужчин наиболее важными оказались финансовые ресурсы, примирение с фактом потери прежней работы (т.е. угасание отрицательных переживаний по поводу события) и неудовлетворенность этой работой по тем или иным причинам, уровень активности в ситуации безработицы, длительность безработицы. Размышляя над полученными результатами, авторы делают вывод, что специалист по развитию карьеры должен помогать клиенту идентифицироваться не с конкретным видом или местом работы, а с карьерой в целом.

Исследования личностно-биографических предпосылок безработицы

В поле зрения авторов, работающих в этом направлении, попадают проблемы в социальном функционировании личности. Данное понятие операционализируется в таких показателях, как качество интимных взаимоотношений, качество трудовой истории, наличие психиатрических заболеваний, проблем, связанных с употреблением алкоголя и наркотиков, криминальное поведение. С одной стороны, они являются критериями успешного/неуспешного развития от детства к взрослости, с другой стороны, они связаны друг с другом и имеют предпосылки в виде определенных внешних и внутренних риск-факторов (плохое финансовое положение семьи, отсутствие контроля и заботы со стороны родителей, низкая самооценка, агрессивное поведение, школьные проблемы, отвержение со стороны сверстников и др.) [20, 23].

В этом плане показательны результаты начатого в 1968 г. Явяскульского лонгитюда (Финляндия). Для нас представляют интерес два последних обследования. В

1986 г., когда участникам лонгитюда было 27 лет, их опрашивали по поводу карьер в предшествующий семилетний период (20–27 лет), текущего финансового положения в семье, социальных отношений, планов на будущее и т.д. Полученные данные соотносились с данными обследования в 8 и 14 лет. Оказалось, что нестабильная карьера (попадание в ряды безработных, частая смена работ, которые в основном не соответствовали профессиональной подготовке) образует специфические комплексы с показателями текущей жизненной ситуации и предшествующего развития. С одной стороны, она тесно связана с плохим финансовым положением в семье, низким уровнем социальных отношений (отсутствие друзей, отсутствие уверенности в получении социальной поддержки, неудовлетворенность социальными взаимодействиями), неоднократными арестами полицией (включая лишение свободы), проблемами, вызванными употреблением алкоголя, а также неясными планами и пессимистическими ориентациями на будущее. С другой стороны, если рассматривать нестабильную карьеру в сочетании с криминальными арестами и проблемами, вызванными употреблением алкоголя, то высоковероятными предпосылками такого типа социального функционирования будут агрессивное поведение в 8 лет, неблагоприятная обстановка в семье и школьные проблемы в 14 лет. Эти предпосылки в свою очередь тесно связаны между собой и задают определённую линию развития [19].

Накопление риск-факторов и вытекающие из них поведенческие проблемы можно рассматривать с точки зрения способности личности противостоять трудным ситуациям. А. Ронке и Л. Пулккинен пишут, что полученные результаты соответствуют тому периоду, когда уровень безработицы в Финляндии был менее 5 %. В начале 1990-х гг. уровень безработицы вырос почти в 4 раза, поэтому в новой

ситуации на рынке труда в категорию лиц с нестабильной карьерой могут попасть многие молодые люди, однако *следствия* безработицы, по мнению авторов, будут наименее худшими для тех, кто всё же имел проблемы в процессе предшествующей социализации [19]. Подобный прогноз методологически согласуется с выводами других авторов о том, что безработица повышает уязвимость «проблемных» лиц, в частности, она расширяет риск правонарушений у тех выпускников школ, которые уже имели предпосылки к этому [12].

В 1995 г. в рамках лонгитюда были сделаны очередные замеры (возраст участников исследования – 36 лет), результаты которых в целом соответствуют зависимостям, выявленным ранее. При анализе авторы особое внимание обратили на личностные предпосылки карьеры в возрастном диапазоне 27–36 лет и на соответствующие различия между мужчинами и женщинами. У мужчин на нестабильность карьеры в зрелом возрасте прямо влияют высокие показатели лабильности (невнимательность, отсутствие концентрации при выполнении заданий) в 8 лет, тревожности в 14 лет, отсутствие старательности, добросовестности в 27 лет. У женщин картина несколько иная. На нестабильность их карьеры прямо влияют пассивность в 8 лет, которая при этом связана с низким социально-экономическим статусом родителей, низкая школьная успеваемость в 14 лет, нейротизм и отсутствие старательности, добросовестности в 27 лет. В этот комплекс следует также включить тревожность в 8 лет, которая связана с уровнем школьной успеваемости и нейротизмом в более поздние периоды жизни [18].

Важно отметить, что риск-факторы не действуют по отдельности, они взаимодействуют между собой и провоцируют определенные события, которые могут складываться

в устойчивые, самовоспроизводящиеся линии неблагоприятного развития. В этом случае безработица и частая смена работ выступают элементом более обширного комплекса проблем в социальном функционировании личности, имеют специфические личностно-биографические предпосылки и следствия. В литературе описываются механизмы предотвращения неблагоприятного развития, которые неспецифичны для индивидуальных кризисов трудовой занятости, но позволяют понять общую направленность размышлений специалистов, изучающих проблему риск-факторов. М. Раттер выделяет пять групп таких механизмов: 1) уменьшение поведенческой вовлеченности в ситуации, провоцирующие неблагоприятное развитие (например, в группы сверстников с делинквентной активностью); 2) разрыв негативных цепных реакций во взаимодействии со средой за счет развития навыков конструктивного решения социальных проблем; 3) поддержание самооценки и чувства самоэффективности; 4) открытие позитивных перспектив (профессиональных, образовательных), которые помогли бы покинуть неблагоприятную и депривирующую среду (обращается внимание на роль переезда в другое место как разновидности этого механизма); 5) не отрицание, а принятие реальности имевшихся негативных событий и переживаний (при этом важно фокусироваться на позитивных моментах и включать пережитое в свою личную схему) [20].

Выводы

Биографическая модель, объясняющая поведение личности в индивидуальном кризисе трудовой занятости, является комплексной, объединяет разные направления исследований. Постараемся сформулировать её ключевые положения. *Кризисы трудовой занятости – составная*

часть карьеры; их прохождение зависит от стадии жизненного пути, адаптивности личности, наличия проблем в её социальном функционировании в прошлом и настоящем. Поскольку любая модель служит основанием для выведения суждений-следствий, сделаем некоторые выводы.

Во-первых, биографическая модель подсказывает исследователям и практикам, систему каких факторов следует анализировать в индивидуальных кризисах трудовой занятости.

Во-вторых, использование биографической модели предполагает, что усилия психологов должны быть направлены на разработку разновозрастных технологий сопровождения карьеры (в настоящее время они, как правило, ограничиваются подростковым возрастом). В своей совокупности эти технологии образуют содержание современной профессиональной ориентации.

В-третьих, особого внимания требуют факторы, которые блокируют конструктивное преодоление кризисов трудовой занятости. Решение этой задачи включает психологическое профилирование представителей социально уязвимых категорий населения.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 6.
3. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (статья вторая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5.
4. Кларк С. Российский рынок труда // Экономическая социология. 2001. Т.2. №3 (www.ecsoc.msses.ru).
5. Кустарёв А.С. Социальное время и социальная политика в XXI веке: Специализированная информация / РАН ИНИОН. М., 2002.
6. Лальман Ж. От труда к занятости: двойной поворот проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2.
7. Попова И.П. Эволюция понятия маргинальности в истории соци-

логии // Маргинальность в современной России. М., 2000.

8. Хижный Э.К. Новая модель занятости и становление глобально-го рынка труда // Нестандартные формы занятости в промышленно развитых странах: Пробл.-тем. сб. / РАН. ИНИОН. М., 1999.

9. Aquilanti T.M., Leroux J. An Integrated Model of Outplacement Counseling // Journal of Employment and Counseling. 1999. Vol. 36. № 4.

10. Baltes P.B., Reese H.W., Lipsitt L.P. Life-span developmental psychology // Annual Review of Psychology. 1980. Vol. 31.

11. Eby L.T., Buch K. Job loss as career growth: Responses to involuntary career transitions // Career Development Quarterly. 1995. Vol. 44. № 1.

12. Farrington D.P., Gallagher B., Morley L., St.Ledger R.J., West D.J. Unemployment, school leaving and crime // British journal of criminology. 1986. Vol. 26.

13. Feller R. Redefining «Career» during the work revolution // Career transitions in turbulent times. Exploring Work, Learning and Careers / Ed. by R. Feller, G. Walz. Greensboro, 1996.

14. Gati I., Krausz M., Osipow S.H. A taxonomy of difficulties in career decision making // Journal of counseling psychology. 1996. Vol. 43.

15. Gottfredson G.D. John L. Holland's contributions to vocational psychology: a review and evaluation // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55. № 1.

16. Latack J.C., Dozier J. After the ax falls: job loss and career transition // Academy of Management Review. 1986. Vol. 11. №2

17. Osipow S.H. Career issues through the life span // Psychology and work: Productivity, Change and Employment. Washington, 1989.

18. Pulkkinen L., Ohranen M., Tolvanen A. Personality antecedents of career orientation and stability among women compared to men // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 54. № 1.

19. Ronka A., Pulkkinen L. Accumulation of problems in social functioning in young adulthood: a developmental approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 2.

20. Rutter M. Psychosocial adversity: risk, resilience and recovery // Conflict and development in adolescence / Ed. by L. Verhofstadt-Deneve et al. Leiden, 1996.

21. Schlossberg N.K. A Model of worklife transitions // Career transitions in turbulent times. Exploring Work, Learning and Careers / Ed. by R. Feller, G. Walz. Greensboro, 1996.

22. Socol M., Louis M.R. Career transitions and life event adaptation: integrating alternative perspectives on role transition // Role transitions, explorations and explanations / Ed. by V. L. Allen, E. Van de Vliert. N.Y., 1984.

23. Stress, risk, and resilience in children and adolescents: processes, mechanisms, and interventions / Ed. Haggerty et al. Cambridge, 1994.

24. Super D.E. A Life-Span, Life-Space Approach to Career Development // Career Choice and Development / Ed. by D. Brown, L. Brooks. 2nd ed. San Francisco, 1990.

25. Super D., Osborne W. L. Developmental career assessment and counseling: The C-DAC model // Journal of Counseling and Development. 1992. Vol. 71. № 1.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Все профессии – это заговор
специалистов против профанов.*

Бернард Шоу

*Мы всегда начинаем больше уважать людей после
того, как попробуем делать их работу.*

Уильям Федер

*Есть несколько способов разбивать сады;
лучший из них – поручить это дело садовнику.*

Карел Чапек

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МИРА ПРОФЕССИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

А. А. Лузаков, Н. В Рудник

Идея о том, что мотивационные особенности личности, ее интересы и жизненные ценности влияют на восприятие окружающего мира, высказывается в психологии давно и никем не оспаривается [1]. Но эмпирических исследований, показывающих конкретные формы такого влияния, не так уж много. Сложилось так, что исследования мотивационных и когнитивных структур личности по большей части идут параллельно друг другу, редко пересекаясь. Известно, что мотивация – самый трудный объект для изучения, из-за влияния эффектов социальной желательности и неосознанных психологических защит она постоянно «ускользает» не только от исследующего ее психолога, но и от самого ее носителя. Если мы будем знать, по каким именно психологическим законам в личности взаимосвязано то, чего она хочет, с тем, как она видит мир, откроются новые возможности. По тому, как устроен субъективный мир личности, можно будет понять, чем же на самом деле управляется ее поведение в типичных ситуациях.

В рамках указанного подхода нами проверялась гипотеза о взаимосвязи ценностных ориентаций старшеклассников с особенностями восприятия ими разных профессий. Данное исследование рассматривалось как разведочное, а полученные эмпирические факты – как основа для определения областей дальнейшего поиска.

Говоря о видении, восприятии, хочется подчеркнуть отличия используемых нами методов от традиционных, осно-

ванных на выяснении прямых предпочтений личности (таково сегодня большинство профориентационных методик) [3]. Ответы респондента на вопросы типа «Что бы Вы предпочли – работать лесником или продавцом в супермаркете?», «...ухаживать за животными или чинить радиоаппаратуру?» ничего не скажут о том, какая именно субъективная реальность стоит за выбором. Обычно предполагается, что заданное основание категоризации (лесник – интровертная деятельность, продавец – экстравертная) является очевидным и общим для всех. Но субъект может руководствоваться совсем другими основаниями и выбрать продавца потому, что тот «больше получает», а лесника – потому, что тот «заботится о природе, которая разрушается, а вместе с ней – мы». Бывают и случаи, когда сами основания выбора недостаточно осознаются субъектом, он не может их сформулировать и, чтобы избежать неловкости, говорит нечто общепринятое. Следовательно, до того, как спрашивать школьника о его профессиональных предпочтениях, надо сначала прояснить бытующую в его среде систему значений и оснований субъективной категоризации (классификации), т.е. взглянуть на мир профессий глазами самих старшеклассников. Наиболее адекватными задаче здесь оказываются психосемантические методы [2]. При традиционных подходах индивид и его предпочтения рассматриваются как точка в пространстве параметров, заданных исследователем (например, при делении профессий по основному предмету труда). Согласно психосемантическому подходу конкретная группа субъектов рассматривается как носитель особого пространства, заданного ею самой.

Респондентами стали 43 старшеклассника г. Новороссийска обоих полов в возрасте 14–16 лет. Специфика выборки заключалась в том, что большую ее часть составили ученики, посещающие учреждение дополнительного обра-

зования, которое занимается обучением одаренных детей по российско-американской программе «Деловая информатика и новые информационные технологии».

Респонденты оценивали ряд профессий по специальному набору шкал типа семантического дифференциала (шкалы отбирались в пилотных экспериментах специально для оценивания профессий). На основе этих оценок строилось семантическое пространство, в котором оказалось возможным «разместить» субъективные образы профессий. Одновременно ставилась задача выделить группы респондентов с различными ценностными ориентациями и для двух контрастных ценностных групп сравнить размещение объектов (профессий) в семантическом пространстве.

Для определения ценностных ориентаций использовался список терминальных (связанных с жизненными целями) ценностей из методики М. Рокича. Применялась процедура попарного сравнения 18 ценностей с последующим приведением их к ранговому ряду. С помощью кластерного анализа ранговой матрицы «респонденты × ценности» были выявлены группы с различными типами ценностных ориентаций. Выделилось четыре кластера, каждый из них представлял группу субъектов, чья иерархия ценностей оказалась сходной между собой, но отличной от остальных. В дальнейшем анализировались две группы – наиболее многочисленные и в то же время непохожие друг на друга. Отличие их ценностных ориентаций заключалось в том, что для одной группы среди ведущих ценностей оказались общественное признание, интересная работа и материальная обеспеченность, а для другой – развитие, познание и творчество. В дальнейшем изложении используются условные обозначения этих групп: СУ (ориентация на социальную успешность) и ПТ (ориентация на познание и творчество).

Психосемантическая методика была составлена таким

образом, что оценивались не сами профессии, а профессиональные типажи – типичные представители профессии. Для обыденного сознания существенным оказывается не столько то, что именно в профессии люди делают, а то, какими личностными чертами и атрибутами они обладают. Иными словами, презентацию мира профессий в сознании людей можно изучать как набор стереотипов, которые мы вслед за В. Ф. Петренко предпочитаем называть профессиональными типажам.

В качестве объектов оценки выступали девять профессиональных типажей (юрист, переводчик, программист, моряк, журналист, экономист, бизнесмен, врач, политик) и позиция «Я». Включение профессии моряка было обусловлено спецификой выборки: обследовались школьники портового города. Старшеклассники оценивали каждый объект по семипунктовым биполярным шкалам (использовалось 34 шкалы с прилагательными). Усредненная по всей выборке матрица оценок «объекты × шкалы» подвергалась процедуре факторного анализа методом главных компонент с последующим «варимакс»-вращением факторов. Число значимых факторов определялось с учетом их интерпретируемости. Вычисление в этом пространстве координат объектов (профессиональных типажей) затем проводилось отдельно для каждой из двух ценностных групп – СУ и ПТ, что позволило увидеть различия этих групп.

Приводим описание факторов полученного семантического пространства. Знак показывает, к какому полюсу фактора относится рассматриваемая характеристика.

Первый, ведущий фактор (43,3 % объясняемой дисперсии) представлен следующими шкалами:

честный – лживый	0,96
искренний – неискренний	0,96
бесхитростный – коварный	0,94

прямой – изворотливый	0,93
богатый – бедный	–0,92
порядочный – непорядочный	0,91
располагающий – отталкивающий	0,90
добрый – злой	0,89
деятельный – бездеятельный	–0,82
предприимчивый – безынициативный	–0,82
ценный – дешевый	0,82
ответственный – безответственный	0,80
престижный – непрестижный	–0,79
предсказуемый – непредсказуемый	0,77
современный – старомодный	–0,67
постоянный – изменчивый	0,67

Как и следовало ожидать исходя из опыта применения «личностных дифференциалов», данный фактор связан с моральной оценкой. На одном полюсе – человек честный, искренний, бесхитростный, порядочный, ответственный, прямой, на противоположном – лживый, коварный, непорядочный, злой, безответственный, изворотливый. Особый интерес представляет следующий факт. На одном полюсе с положительными моральными качествами оказались такие характеристики, как бедный, бездеятельный, безынициативный, а на полюсе отрицательных моральных качеств – богатый, деятельный, предприимчивый, современный, престижный. Вопреки ожиданиям, признаки, связанные с материальным достатком и престижем представителя профессии, здесь не образовали самостоятельного фактора, а представлены в сознании «среднего» респондента именно в связи с моральной оценкой. Можно было предположить, что это – специфика постсоветского массового сознания, обусловленная слишком быстрым имущественным расслоением общества. Но с феноменом приписывания богатым и успешным людям отрицательных моральных качеств сталкивались и другие исследователи, в том числе из западных стран [4]. Обсуждение данного явления не входит в

задачи настоящей работы. Отметим лишь, что социально-экономическая ситуация в России сильно обостряет эту особенность массового сознания. Сосуществование трудно совместимых мотивов и критериев в моральном сознании многих людей делает это сознание чрезвычайно противоречивым, внутренне конфликтным, что отражается в углубляющейся невротизации общества.

В соответствии с традициями психосемантических исследований мы назвали данный фактор «*Моральной оценкой*». Но чтобы отразить специфику случая, полюса фактора обозначили как «моральный, бедный – аморальный, богатый». В семантическом пространстве наиболее различными по этому фактору оказались следующие профессии: переводчик, программист, с одной стороны («моральность»), и политик, бизнесмен – с другой.

Второй фактор (25,9 % объясняемой дисперсии) включает следующие шкалы:

возвышенный – приземленный	0,93
увлеченный – равнодушный	0,89
симпатичный – несимпатичный	0,83
яркий – ординарный	0,81
веселый – мрачный	0,81
рациональный – эмоциональный	-0,77
осторожный – рискованный	-0,76
серьезный – легкомысленный	-0,70
обаятельный – необаятельный	0,70
организованный – неорганизованный	-0,68

Здесь противопоставлены, с одной стороны, яркость, неординарность и эмоциональность (но при этом неорганизованность, легкомысленность), с другой – приземленность, ординарность, осторожность, рутинность (но одновременно организованность и серьезность). Мы назвали этот фактор «*Яркость, неординарность*». Если провести параллели с личностной моделью «Большая пятерка», в данном фак-

торе частично отражены «экстраверсия» и «ответственность, организованность». По этой оси семантического пространства максимально различными оказались, с одной стороны, политик, бизнесмен и моряк (приземленность, ординарность, рутинность), а с другой – переводчик и журналист (яркость, неординарность).

Размещение объектов в пространстве, образованном первым и вторым факторами, представлено на рис 1. Рассмотрим различия в восприятии профессиональных типажей школьниками, ориентированными на ценности социальной успешности (СУ) и ценности познания и творчества (ПТ).

Группа СУ более радикальна в оценке объектов по первому фактору («*Моральность*»). Политик и бизнесмен в представлении респондентов группы СУ оказались более аморальны. Есть ли в этом парадокс? Политик и бизнесмен сегодня для многих являются символами социальной успешности, и мы были вправе ожидать, что ориентированные на социальную успешность субъекты припишут этим типажам морально положительные качества. Оказалось, наоборот. Возможный ответ – в многозначности содержания фактора «*Моральной оценки*». Низкие значения по данному фактору означают не только аморальность, но и предприимчивость, богатство, престиж. Возможно, именно эти признаки в первую очередь «работали» в оценках со стороны группы СУ.

Правый верхний квадрант представленного двумерного пространства оказался самым населенным. Это не удивительно, ведь второй фактор («*Яркость, неординарность*»), как и первый, несет эмоционально-оценочную нагрузку. В эту область попали типажы, оцениваемые положительно. Здесь же – позиция «Я сам», которая получила более высокую моральную оценку у респондентов с ценностями индивидуальной самореализации (ПТ). Если посмотреть, какие

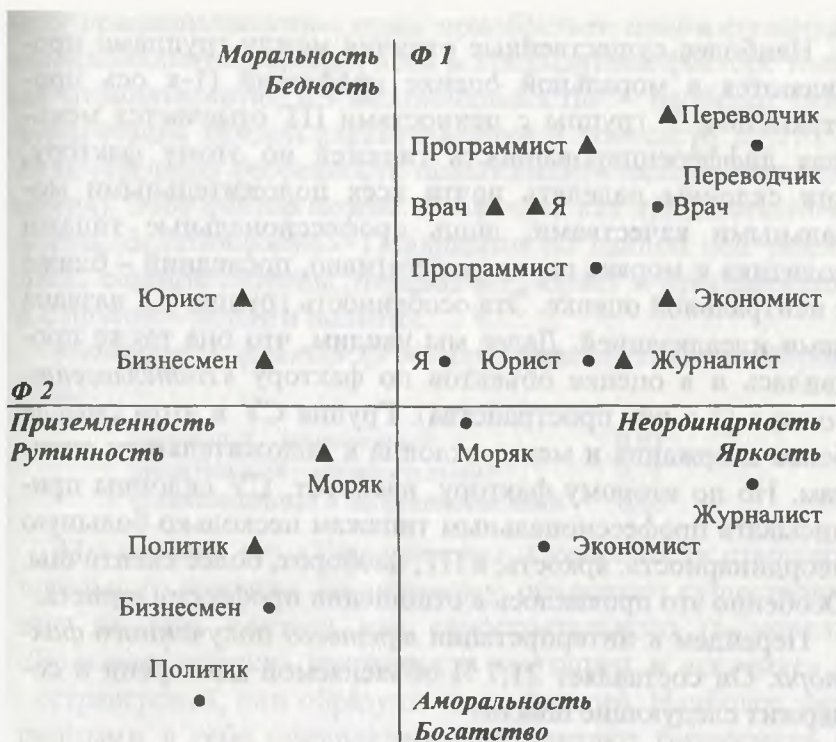

Рис. 1. Размещение объектов (профессиональных типажей) в пространстве первого и второго факторов

профессии из числа оцененных положительно или нейтрально наиболее близки к точке «Я», можно увидеть, что в группе ПТ «Я» ближе к врачу, программисту, переводчику, а в группе СУ – к юристу, моряку. В группе ПТ программист и переводчик получили также более высокую моральную оценку. А в группе СУ профессия моряка оценивается несколько выше по фактору «Яркости». Поскольку семантические данные отражают не только осознанные ассоциации и отношения субъекта [5], указанные тенденции вряд ли можно назвать профессиональными интересами. Это скорее то, на основе чего последние будут или могут формироваться.

Наиболее существенные отличия между группами проявляются в моральной оценке профессий (1-я ось пространства). У группы с ценностями ПТ отмечается меньшая дифференцированность типажей по этому фактору, они склонны наделять почти всех положительными моральными качествами; лишь профессиональные типажи политика и моряка оценены негативно, последний – ближе к нейтральной оценке. Эта особенность группы ПТ названа нами идеализацией. Далее мы увидим, что она также проявилась и в оценке объектов по фактору «*Интеллигентность*» (3-я ось пространства). Группа СУ в этом смысле более сдержанна и менее склонна к положительным оценкам. Но по второму фактору, наоборот, СУ склонны приписывать профессиональным типажам несколько большую неординарность, яркость, а ПТ, наоборот, более скептичны. Особенно это проявилось в отношении профессии юриста.

Перейдем к интерпретации *третьего* полученного фактора. Он составляет 21,7 % объясняемой дисперсии и содержит следующие шкалы:

интеллектуальный – примитивный	0,96
интеллигентный – неинтеллигентный	0,88
деликатный – грубый	0,79
воспитанный – невоспитанный	0,67
серьезный – легкомысленный	0,64
талантливый – посредственный	0,64
рациональный – эмоциональный	0,55

Эти личностные характеристики в основном связаны с интеллектуальными особенностями и общим культурным уровнем. Интеллектуальность, интеллигентность, воспитанность и деликатность противопоставляются невоспитанности, грубости и посредственности. При этом в сознании респондентов интеллигентность ассоциируется с серьезностью и рациональностью, а противоположный полюс – с легкомысленностью и эмоциональностью. Заметим,

что «рациональность» здесь приобретает положительную эмоциональную окраску, хотя в предыдущем факторе имела отрицательную, а «эмоциональность» – наоборот (интерпретация каждой характеристики в контексте других – отличительная особенность психосемантического исследования). Этот фактор можно обозначить как *«Интеллигентность, деликатность»*. Полярными по данной оси оказались, с одной стороны, переводчик, юрист и программист, а с другой – моряк и политик.

Четвертый фактор (9 %) представлен таким набором шкал:

уверенный – неуверенный	0,93
решительный – нерешительный	0,71
организованный – неорганизованный	0,66

Мы назвали его *«Уверенность»*. Особенности старшего школьного возраста, по-видимому, объясняют существование данного фактора как самостоятельного (в модели «Большая пятерка» уверенность выступает в «склейке» с экстраверсией, они образуют один фактор). Наиболее уверенными в себе старшеклассники считают бизнесмена и юриста.

Анализ размещения профессий в пространстве третьего и четвертого факторов позволил отметить следующее. По оси «интеллигентность, деликатность – неинтеллигентность, грубость» в нижней области пространства оказался лишь типаж моряка (для обеих ценностных групп). Эта профессия, больше ориентированная на физический труд, противопоставляется профессиям умственного труда. Судя по положению «Я» на оси «уверенность – неуверенность», более уверенными в себе оказались школьники с ориентацией на социальную успешность.

В группе ПТ заметна тенденция приписывать объектам более высокую «интеллигентность». Особенно это проявилось в

расположении типажей бизнесмена и экономиста. В группе СУ их интеллигентность, как и «моральность», оценена гораздо более сдержанно. Интересно, что такая идеализация избирательна. Врача и журналиста субъекты ПТ по «интеллигентности», наоборот, оценивают более низко, чем СУ.

Программиста в группе ПТ воспринимают как человека неуверенного, нерешительного, а в группе СУ такого не наблюдается. ПТ воспринимают и себя как сравнительно менее уверенных (напомним, многие из респондентов дополнительно к школьной программе учатся новым информационным технологиям). Возможно, здесь имеет место проекция собственного неадаптивного качества на положительный объект (программист), высоко оцененный по «моральности». Действительно, люди с ориентацией на творческую самореализацию и познание обычно не очень уверенно чувствуют себя в мире социальных ролей и нормативной иерархии. Но почему проекция только на программиста? Возможно, потому что другим «высокоморальным» типажам – переводчику и врачу – приписать неуверенность гораздо труднее. Эффекты возможных проекций в дальнейшем следует изучить подробнее и учитывать в подобных исследованиях.

Подведем итоги. Получено подтверждение тому, что направленность ценностных ориентаций старшеклассников отражается в особенностях восприятия ими мира профессий (профессиональных типажей). В более широком контексте это доказывает перспективность исследования проблемы соотношения мотивационных и когнитивных структур личности с помощью психосемантических методов.

Реконструировано семантическое пространство, позволяющее (с учетом специфики выборки) раскрыть особенности классификации/категоризации старшеклассниками разных профессий. Основными факторами – категориями

восприятия оказались (указывается только позитивный полюс): 1) моральность, бедность; 2) яркость, неординарность; 3) интеллигентность, деликатность; 4) уверенность. Признаки, связанные с материальным достатком и престижем представителя профессии, не образовали самостоятельного фактора, а представлены в сознании школьников именно в связи с моральной оценкой: на одном полюсе с положительными моральными качествами оказались такие характеристики, как бедный, бездеятельный, безынициативный, а на полюсе отрицательных моральных качеств – богатый, деятельный, предприимчивый, современный. Столь однозначное «сцепление» двух, казалось бы, разнородных факторов в сознании респондентов – тревожный симптом, предпосылка возможной дальнейшей невротизации. Насколько это типично для других категорий молодежи, покажут дальнейшие исследования.

Основные различия двух контрастных ценностных групп СУ (ориентация на ценности социальной успешности) и ПТ (ориентация на ценности познания и творчества) таковы. ПТ считают себя более моральными и выше оценивают свою интеллигентность. СУ оценивают свои моральные качества значительно ниже, но в данном случае это одновременно означает – более богатый, престижный, современный. СУ также приписывают себе большую уверенность.

Семантическая близость «Я» к тем или иным профессиям показывает разную направленность возможных будущих склонностей. В группе ПТ «Я» ближе к врачу, программисту, переводчику (последние получили и более высокую моральную оценку), а в группе СУ – к юристу, моряку.

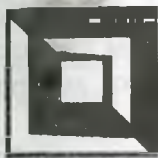
Обнаружено явление избирательной идеализации. ПТ в сравнении с СУ склонны к более высоким оценкам профессиональных типажей по моральным качествам (в данном случае это значит также – по «бедности») и по фактору «ин-

теллигентности». Принижение (отталкивание) некоторых профессий у ПТ происходит за счет снижения оценок профессии по фактору «яркости, неординарности» (юрист и бизнесмен ими «принижены» именно так, а не по «моральности»). ПТ вообще оказались более скептичны, оценивая профессии по этому фактору. Очевидно, ПТ более требовательны к неординарности, нерутинности профессии и чувствительны к тому, что может сузить их свободу выбора и возможности для творчества. Здесь они как бы настороже, что делает их более строгими в оценках профессий по этому параметру.

Субъективная близость или отдаленность конкретной профессии (по ценностям, которые с ней привычно ассоциируются) может влиять на ее восприятие по принципу идеализации «дальних» («нет пророка в своем отечестве?»). Так, СУ по сравнению с ПТ более высоко оценивают интеллигентность врача и журналиста, хотя традиционно считается, что эти профессии дают больше возможностей для свободного познания и творчества (т.е. близки ценностям группы ПТ) и меньше возможностей для достижения высокого социального статуса и материального достатка (ценностей группы СУ).

Библиографический список

1. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
3. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение в культурно-исторической перспективе // Вопросы психологии. 1996. №1. С 65–75.
4. Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999.
5. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. М., 2002

КАФЕДРА

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ
ИТОГИ РЕФОРМ
В РОССИИ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ
РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА ИЛИ
МАРГИНАЛИЗАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ?

О. А. Оберемко

МИРОВОЙ ОПЫТ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ
И ПОПЕЧИТЕЛЬСКИХ
СОВЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ

А. Г. Иванов,
Г. Д. Авджян,
М. С. Нистоцкая

ПРОБЛЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
СТУДЕНТОВ-
ПОЛИТОЛогов

Е. В. Морозова,
И. В. Самаркина

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РЕФОРМ В РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИЛИ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ?

О. А. Оберемко

Во всех постсоциалистических странах Европы разрушение прежних систем социального расслоения началась со слома политического устройства, обусловившего возможность открытого процесса создания новых институтов, связанных с введением частной собственности и развитием предпринимательства. На месте прежней системы распределения социальных гарантий и благ стала формироваться «слабая» система социальной защиты, ориентированная на поддержку наиболее нуждающихся. Реструктуризация промышленности, рост частного сектора, усиление действия рыночных механизмов производства и распределения при ослаблении государственного регулирования изменили структуру занятости.

Общество переходного периода может ощущаться изнутри и представляться как кризисное, в котором нет ни прошлого, ни будущего, а есть только настоящее — здесь и теперь. Осознание кризиса сопровождается пониманием того, что «далее так

жить нельзя», что означает отрицание или, по крайней мере, принижение значимости для будущего прошлых достижений и прошлого опыта. Вместе с отрицанием прошлого происходит отрицание обозримого будущего, которое могло бы быть только продолжением прошлого.

Одновременно, когда идет основательная перестройка настоящего и параметры будущего, естественно, не до конца определены, происходит реинтерпретация – переоценка и переписывание – прошлой истории. Так временная перспектива кризисного, трансформирующегося общества сжимается до малой точки *здесь и теперь*.

В результате возникает место для теоретического разнообразия попыток ответить на, казалось бы, простой вопрос: что *именно* сейчас происходит, куда идет Россия.

1. Социальная структура переходного периода: модернизация или маргинализация

Переходный период российского общества на заре перестройки связывался с процессом модернизации, с вхождением России в число цивилизованных, индустриально развитых стран, со структурным обновлением экономики и общества в целом в соответствии с мировым развитием индустриальных и информационных технологий. Завершение перехода должен был ознаменовать «выход на новый уровень устойчивого экономического роста, стабилизацию социальных и политических структур» [17].

Средний класс и его общественные функции в модернизирующемся обществе. Одним из главных показателей завершения перехода называлось появление среднего класса, которого в СССР по разным оценкам либо не было, либо он был слабым.

В начале трансформационного периода в отечественной литературе средний класс чаще всего определяли по «сред-

ним» для западного общества доходам (не бедные, но и не миллионеры) и по относительно высоким для советского человека стандартам потребления и имущественного положения. Например, писалось, что «во всем мире считается атрибутом среднего класса» «полный комплект из квартиры (дома), современной обстановки жилья, машины, во многих случаях второго дома (дачи)». По этим показателям численность «среднего класса» в СССР оценивалась на уровне 11,2 %, тогда как в большинстве развитых стран Запада средний класс составлял если не абсолютное, то относительное большинство — в среднем 50–70 % *. Согласно более оптимистическим оценкам средний класс в СССР не превышал 20–30 или даже 15 % [17, с. 9].

Различия структуры населения по доходам в СССР и на Западе хорошо демонстрируется графически. В СССР она представляла собой треугольник, покоящийся на широком основании — большинство с низкими доходами, с заостренной вершиной — малочисленные сверхбогатые элиты. В странах Запада структура доходов похожа на ромб, широкая часть которого соответствует большинству населения со средними доходами, а заострения кверху и к низу — относительно малочисленным группам очень богатых и очень бедных.

В своей политической функции обеспеченное большинство вытесняет на периферию (на обочину) радикальные и экстремистские течения. Но основная социальная роль среднего класса заключается в высокой экономической и социальной активности, базирующейся на образованности, высокой квалификации и законопослушности. Перечисленные признаки достигаются, а не приписываются от рождения и не передаются по наследству, а потому двери в

* Представления советского человека о состоятельности включали пресловутые «квартиру, машину, дачу» [7, с. 5].

него открыты наиболее активным представителям всех классов и страт. В этой функции средний класс выступает двигателем модернизации общества и дает шансы для восходящей мобильности выходцам из депривированных социальных групп [17, с. 9].

Представители *советского среднего класса* в сравнении с западными обществами были относительно малочисленны и уступали в квалификации. В советском среднем классе численно преобладали высокооплачиваемые работники тяжелого и вредного труда и партийно-административные работники, т.е. те, кто не связан (по факту) непосредственно с инновационной экономической активностью. Кроме того, наиболее позиционно сильная часть «среднего класса» превратилась в закрытый, самовоспроизводящий привилегированный слой, что привело к ее социальной деградации. Неэффективность традиционного для России «аппаратного» лифта привела к перемещению социальных лифтов в теневые и полутеневые сферы экономики, нелегитимность которых оставляла за бортом часть высокопрофессиональных и квалифицированных кадров. *Советский средний класс по своей численности, квалификации и социальной роли не выполнял основную социальную функцию — создавать возможности для восходящей социальной мобильности, необходимой для легитимной модернизации социальных институтов.* Подобная же ситуация в большей или меньшей степени была характерна и для других социалистических стран.

По теории «запаздывающей модернизации» [16] модернизационный переход к социальной структуре с доминированием среднего класса должен проходить в два этапа.

Первый этап переходного периода связан с реструктуризацией экономики и с усилением дифференциации за счет усиления стихийных механизмов распределения социаль-

ных благ ради накопления капитала, от которого ждут инвестиций на обновление производств, и в конечном счете экономического роста. Здесь с необходимостью происходит замораживание заработной платы, пенсий, социальных пособий, рост инфляции и безработицы, сокращение финансирования социальной сферы. Дифференциация происходит неконтролируемо, так как государственное регулирование может помешать процессу накопления и реструктуризации экономики.

Наступление второго этапа должно ознаменовать положительные результаты социально-экономических и политических реформ начального этапа. Хотя бы минимальный рост ВВП должен сопровождаться снижением дифференциации, поскольку продолжающийся рост неравенства начинает выступать политически дестабилизирующим фактором и отрицательно влияет на экономическую эффективность, тормозит воспроизводство высококвалифицированной рабочей силы. На втором этапе повышается роль активной социальной политики государства, которая должна быть направлена на более равномерное распределение доходов и формирование среднего класса: высококвалифицированного, а потому высокооплачиваемого рабочего класса, мелкого и среднего производительного бизнеса и профессионалов. При этом в структурах государственного управления должно расти влияние и представительство партий социалистического или социал-демократического толка, выражающих интересы этого формирующегося класса.

Еще на заре «перестройки» Н. Ф. Наумова предупреждала: «Если на исходе переходного периода не пробивает дорогу естественная и необходимая тенденция к расширению среднего класса и снижению дифференциации по доходам – возникает «иррационально-модернизированное» общество, экономически неэффективное и (или) социально нестабильное» [17, с. 9–10].

Мировой опыт показывает, что «в модернизирующемся «вдогонку» обществе элита отличается нерациональным, негибким поведением, продиктованным неодолимым стремлением к быстрому обогащению любой ценой, любыми средствами», возникает «синдром временщика». Он проявляется в нежелании и абсолютной неспособности «делиться» открывающимися возможностями и ожидаемыми доходами с менее преуспевающими, в блокировании перераспределительной политики, столь необходимой в кризисной ситуации. Подобное поведение элиты неизбежно создает широкое поле корыстных, коррумпированных, криминальных отношений» [18, с. 35].

Возникает вопрос: можно ли произошедшие в 1990-е гг. социально-структурные изменения в российском обществе считать модернизацией? И другой вопрос: достаточен ли 10-летний период для глубокой модернизации?

Согласно закону С. Кузнецца, выведенному из множества статистических наблюдений за различными странами, в разные эпохи пережившими процессы «капиталистической» модернизации, на первом этапе социальное неравенство нарастает по мере экономического роста, а затем снижается до определенного уровня и остается неизменным [34]. При общих тенденциях модернизации страны могут различаться по степени интенсивности и долговременности выравнивания доходов. Например, и индустриальные, и модернизирующиеся страны, переживавшие экономический подъем с конца XIX в., пика дифференциации достигли в первое десятилетие XX столетия, а в 1920–1950 гг. в большинстве развитых стран наблюдалось длительное, постепенное сглаживание разницы между богатыми и бедными.

Таким образом, этапы модернизации могут длиться десятилетиями, и не совсем понятно, можно ли надеяться на их произвольное ускорение.

Маргинализация как следствие неудачной (затянувшейся) модернизации. Альтернативную трактовку социально-структурных изменений российского общества представляет собой теория маргинализации.

Термин «маргинальность» ввел в научный оборот один из основателей чикагской социологической школы Р.Э. Парк для обозначения положения индивидов, находящихся на границе двух различных конфликтующих между собой культур в ситуациях, связанных с миграцией, смешением этносов, рас и культур [36]. Э. Хьюз положил начало рассмотрению маргинальности как продукта не только расовой и культурной, но и социальной мобильности, распространив термин на все ситуации, где имеет место личность, идентифицирующая себя с различными социальными статусами или референтными группами, но не полностью, а частично, из-за чего полностью не принимается ни одной из групп. Такая ситуация характерна для всякого перехода индивида или группы из одного статуса в другой [33]. Расширение трактовки термина привело к появлению множества разнообразных исследований и теоретических разработок в зарубежной и отечественной социологии (обзор см. [19, с. 7–32]).

Полномасштабная трансформация общества рождает ощущение всеобщего хаоса, особенно тогда, когда трудно понять и принять какую-то единую логику изменений, и потому старые шкалы межгруппового сравнения перестают работать. «В переходных... обществах абсолютное повышение жизненного уровня одних зачастую сочетается с относительным обеднением тех, чья жизнь улучшается медленнее, а абсолютное понижение жизненного стандарта – с относительным обнищанием тех, кто теряет немного» [7, с. 5]. Создается ситуация, аналогичная той, что нарисована классиком в поэме «Кому на Руси жить хорошо?», – плохо всем. Неясность того,

где проходит столбовая дорога трансформаций, порождает ощущение обочинности, т.е. маргинальности, о которой часто писали в 1990-х гг. Рассмотрим это понятие и попробуем ответить на вопрос, подходит ли оно для характеристики социально-структурных процессов в России.

За годы реформ были высказаны противоположные точки зрения. Писали о маргинализации всего населения, включая элитные группы [20, с. 62; 27, с. 88], и о том, что «маргинализация» и «маргинальный человек» суть «социальный миф» и «социологическая фикция» [35, р. 183].

Применительно к современному российскому обществу И.П. Попова предложила следующее определение: *«маргинальность – состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с резким социально-экономическим и социокультурным реструктурированием общества в целом, изменять свое социальное положение и приводит к существенному изменению или к утрате прежнего социального статуса, социальных связей, социальной среды, а также системы ценностных ориентаций»* [19, с. 31].

Данное определение предполагает две трактовки этого понятия. Во-первых, маргинальным определяют состояние группы (или индивида), находящейся в процессе изменения своего статуса в обществе (динамическая маргинальность). Во-вторых, к маргинальным относят социальные группы, находящиеся в окраинном или изолированном положении в социальной структуре, в результате чего члены группы лишаются привычных социально принятых гарантий и прав (структурная маргинальность ограниченности доступа к социальным ресурсам) [19, с. 37–41].

Первая трактовка не мешает отнести к маргиналам абсолютно всех, включая элиты, если признать, что в обществе происходят кардинальные изменения в социальной структуре

в результате кризиса и реформ, направленных на формирование новой социально-экономической модели общества [20, с. 66–67]. Здесь маргинализация является нормальным процессом переходного периода и имеет свой временной предел, который завершается в момент начала кристаллизации новой социальной структуры с новыми пропорциями.

Вторая трактовка маргинализации нацеливает нас на поиск устойчивых групп с «окраинным или изолированным» положением в социальной структуре или даже за ее пределами. Для рассмотрения социоструктурной динамики в этом ракурсе возьмем статусы *безработных* и *бедных* как имеющие признаки *изолированности* и *невыгодности положения*.

Сделанные разъяснения позволяют теперь под определенным теоретическим углом зрения посмотреть на некоторые признаки социоструктурных процессов современной России.

2. Модернизация или маргинализация: эмпирическая проверка гипотез

1. Модернизация или динамическая маргинальность: структура занятости

Смена форм собственности предприятий. Приватизация государственных предприятий была одним из ключевых моментов модернизации российской экономики и социальной структуры за счет появления слоя собственников. Это было необходимо потому, что государство как субъект экономической деятельности по своей эффективности проигрывает частному предпринимателю, движимому частным интересом, лишенному патерналистских и иждивенческих установок, а потому более склонному к инновационности, которая необходима в эпоху научно-технического прогресса. К 1996 г. сложились новые пропорции занятых в экономике по формам собственности; обозначились и новые тенденции их измене-

ния (табл. 1). Начиная с 1998 г. больше всего работающих занято в частном секторе, и их доля продолжает устойчиво расти: с 35,6 % в 1996 г. до 46,2 % в 2000 г. Параллельно снижается доля занятых на государственных и муниципальных предприятиях.

Таблица 1

СРЕДНЕГОДОВАЯ ДОЛЯ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ
ПО ФОРМАМ СОБСТВЕННОСТИ В 1980–2000 ГГ., % *

Формы собственности	1980	1985	1990	1996	1997	1998	1999	2000
Государственная и муниципальная	90,3	91,1	82,6	42,0	40,0	38,1	38,1	37,9
Частная	9,7	8,9	12,5	35,6	39,9	43,3	44,2	46,2
Смешанная российская			4,0	20,9	18,4	16,5	15,0	12,4
Общественных организаций			0,8	0,6	0,6	0,6	0,8	0,8
Иностранная и совместная			0,1	0,9	1,1	1,6	1,9	2,6

К исходу 1990-х гг. в России появляется принципиально новая элита, принявшая форму «олигархической структуры, базирующейся на власти финансово-политических группировок» [17, с. 42], в которые входят собственники и топ-менеджеры крупнейших корпораций, контролирующие крупные финансовые потоки представители власти, а также владельцы и топ-менеджеры средств массовой информации. Сосредоточение в одних руках экономических, властных и информационных ресурсов воспроизводится и на региональном уровне.

Насколько новый принцип рекрутирования элит из сообщества политико-финансовых империй кардинально отличается от «номенклатурного», или «служилого», принципа элитообразования, свойственного этакратическому советскому режиму [6], однозначно ответить сложно. Во всяком случае, новые элиты, как и советские, «пока не смогли обеспечить эф-

* Рассчитано по [25, с. 69].

фективное развитие всего народнохозяйственного комплекса, оставаясь в рамках своих узких интересов» [1, с. 42]. Однако, несомненно, в результате приватизации собственность перестала быть обезличенной, и у формирующихся элит уже сложились собственные интересы и жизнестилевые характеристики, принципиально отличные от советских времен.

Российские предприниматели как прототип среднего класса. В 2000 г. в России 9 из 10 трудящихся граждан работали по найму; самозанятые вместе с работодателями (т.е. те, которые не относятся к наемным работникам) составляли 8 %, в которых преобладали самозанятые. Обе названные категории в 1998 г. составляли и того меньше – 4,1 % [26, с. 68]. Официальные данные говорят о том, что 90 % работающего населения по-прежнему составляют класс «управляемых», и по этому критерию социальная структура современного российского общества не выглядит сложнее советской структуры.

Неустойчивость и неопределенность социального статуса предпринимателей и представителей «новых профессий», особенно в начале 1990-х гг., приводили к тому, что наиболее экономически активная часть населения, в том числе пережившая стремительную восходящую мобильность, испытывала «комплекс изолированности» из-за отсутствия устойчивых социальных связей [13, с. 13–14]. По характеру происхождения богатства, по опасности условий существования, по неустойчивости и нелегитимности социального положения к маргиналам относили даже «новых русских» [11, с. 7].

Однако в последнее время набирает силу движение к легитимации и институционализации бизнеса, что должно повысить устойчивость социального положения крупного бизнеса, в том числе и «силового» предпринимательства [5; 20]. Не исключено, что это обстоятельство придаст устойчивость положению и более многочисленных представите-

лей малого и среднего бизнеса, самозанятого населения, снизит риски, укрепит их оптимизм в отношении социального восхождения и возможности самореализации.

Вместе с тем, если верить официальной статистике, занятие предпринимательством в современной России не гарантирует принадлежности к среднему классу по доходам. От трети до четверти занятых предпринимательской деятельностью в 1996–1998 гг. имели доход ниже прожиточного минимума, и от 15,6 до 6,0 % относились к категории крайне бедных (табл. 2).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СО СРЕДНЕДУШЕВЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ ДОХОДАМИ ПО ДОМОХОЗЯЙСТВУ НИЖЕ ВЕЛИЧИНЫ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА В 1992–2000 ГГ. *

Категория населения	% от численности населения соответствующей группы							
	малоимущих				крайне бедных			
	1992	1998	1999	2000	1992	1998	1999	2000
Все население с денежными доходами ниже прожиточного минимума	33,5	23,3	28,4	29,1		9,8	1,8	10,3
В том числе								
Работающие по найму		34,2	46,3	36,2		7,8	14,2	8,3
Занятые предпринимательской деятельностью		32,5	41,8	23,5		9,8	15,6	6,0
Неработающие пенсионеры		25,4	39,5	30,1		5,1	10,1	5,9
Получатели пособия по безработице		60,0	71,0	63,9		21,4	31,8	24,3

Произошло *перераспределение рабочей силы между отраслями*. По данным Госкомстата РФ, уменьшилась и стабилизировалась в 1995 г. доля занятых на транспорте и в связи, в 1998 г. – в промышленности, строительстве и науке. Увеличилась и стабилизировалась в 1995 г. доля занятых в здраво-

* См. [25, с. 141, 142].

охранении, физической культуре и социальном обеспечении, в 1997–1998 гг. – в торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере бытовых услуг и в аппарате управления. В то же время за 20 лет (с 1980 г.) доля занятых в сельском хозяйстве сократилась всего на 2 % и до сих пор превышает аналогичные показатели индустриально развитых стран. Это один из показателей, свидетельствующих о медленной модернизации данной отрасли (табл. 3).

Таким образом, произошло перераспределение рабочей силы из производственных в непроизводственные отрасли экономики, что по общему направлению совпадает с процессами в развитых странах. Казалось бы, преодолевается одна из серьезнейших диспропорций командно-административной системы – недопустимо низкий уровень развития сферы услуг: торговли, социальной инфраструктуры и, что особенно важно, секторов, обслуживающих функционирование рынка – кредитование, финансирование, страхование, операции с недвижимым имуществом и общая коммерческая деятельность по обеспечению рынка.

Однако некоторые авторы оценивают этот процесс неоднозначно [30, с. 30–31]. С одной стороны, по сравнению с 1980 г. заметно возросла занятость в торговле (почти в 1,8 раза) и в финансово-кредитной сфере «новых услуг» (в 2,4 раза), формирующейся на базе новых технологий и предоставляющей высокооплачиваемые и квалифицированные рабочие места (см. табл. 3). В 1990 г. доля сферы услуг в ВВП составляла не более 35 %, а в 1997 г. достигла 55,2 % (правда, в 2000 г. снизилась до 47,2 % [23, с. 148]). С другой стороны, за указанными изменениями стоит не

Таблица 3

СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ
В ЭКОНОМИКЕ ПО ОТРАСЛЯМ, %

Отрасль	1980*	1985**	1990*	1995**	1996**	1998**	2000**	2001**	
Промышленность	32,5	32,2	30,3	25,8	24,8	22,2	22,6	22,5	-
Сельское и лесное хозяйство	15,0	14,3	13,2	15,1	14,8	14,1	13,4	13,0	-
Строительство	9,6	9,4	12,0	9,3	8,9	7,9	7,8	7,6	-
Транспорт и связь	9,6	9,8	7,7	7,9	7,9	7,6	7,8	7,9	-
Торговля, питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	8,3	8,3	7,8	10,1	10,3	14,5	14,6	14,9	+
Жилищно-коммунальное хозяйство; непроизводственные виды бытового обслуживания и услуги населению	3,9	4,1	4,3	4,5	4,9	5,4	5,2	5,2	+
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	4,8	5,0	5,6	6,7	6,9	7,0	7,0	7,0	+
Образование, культура и искусство	8,2	8,5	9,6	11,0	11,1	11,1	10,9	10,8	+
Наука и научное обслуживание	4,1	4,1	3,7	2,5	2,3	2,0	1,9	1,9	-
Кредитование, финансы, страхование	0,5	0,5	0,5	1,2	1,2	1,1	1,2	1,2	+
Аппарат органов управления	1,8	1,9	2,4	2,9	4,0	4,4	4,5	4,5	+
Другие отрасли	1,7	1,8	2,9	3,0	3,3	2,7	3,1	3,5	+
Всего занято в экономике (тыс. чел.)	73275	74900	75325	66409	65950	63642	64327	65000	

* См. [25, с. 32].

** Россия в цифрах 2002: Краткий статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 2002. С. 69, 80–81.

увеличение доли реально созданного продукта, а ускоренная динамика цен на услуги. Дефицитность этого вида услуг ставит работников сферы в привилегированное положение, свойственное советскому «среднему классу».

Однозначно негативной оценки заслуживает произошедшая деформация в отраслевой структуре промышленности. Сырьевой сектор по-прежнему занимает ведущие позиции в экономике, оставаясь, как и при советском режиме, бюджетообразующим. Изучение экономических показателей 200 крупнейших предприятий России в 1999 г. обнаружило, что 18 из 20 компаний с наибольшими объемами проданной продукции относятся к сырьевому сектору (топливно-энергетическому комплексу и металлургии) и только 2 – к машиностроению. На международном уровне дело обстоит совершенно иначе. Из списка 500 крупнейших корпораций мира половина мест в ведущей двадцатке принадлежала корпорациям, занимающимся преимущественно машиностроением [32, с. 46].

Как показывает мировая практика, особые технические и социальные характеристики сырьевого бизнеса делают почти невозможным развитие под его контролем инновационных видов производства. Примером могут служить многолетние неудачные попытки крупнейшей американской нефтяной компании «Эксон» освоить производство компьютерной техники. «Нефтяным менеджерам» эффективно управиться с миллиардными инвестициями помешал приобретенный ими опыт «силовой» организационной культуры, не восприимчивой к инновациям снизу.

Таким образом, по своей отраслевой структуре Россия остается маргинальной экономической державой.

Качество рабочей силы и появление высокооплачиваемых рабочих мест. Реструктуризация экономики, особенно на начальном этапе, приводила не только к восходящей

мобильности. Целый ряд профессиональных групп существенно сократился в численности, поскольку их представители были вынуждены сменить свой социально-профессиональный статус. Чаще имела место нисходящая мобильность: переход в более низкую профессиональную группу либо полная потеря квалификации и/или снижение дохода, который является одним из основных параметров социально-профессионального статуса. Это коснулось прежде всего предприятий ВПК, конверсия которых сопровождалась массовым высвобождением квалифицированных кадров и переходом на выпуск более простой (и даже технологически примитивной, например, разлив пива или выпуск жевательной резинки) продукции [15].

Одновременно в стране резко сократилось число занятых выпуском сложной продукции гражданского назначения: в самолетостроении, в электротехнической и электронной промышленности, машиностроении и других наукоемких отраслях объемы производства резко снизились, что привело к высвобождению значительных контингентов квалифицированных рабочих, инженеров и конструкторов.

Численно значительную группу составляют специалисты – врачи, учителя и преподаватели высшей школы и др., у которых произошло сокращение реальной заработной платы, несмотря на то, что социальная полезность их функций не ставится под сомнение, а число рабочих мест продолжает расти [1, с. 49–50].

Работники целых отраслей бюджетной сферы, в которых заняты профессионалы высокой квалификации (здравоохранение, образование и культура), наряду с занятыми в сельском хозяйстве и целом ряде перерабатывающих отраслей промышленности, стали получать заработную плату ниже прожиточного минимума. Среди работающих по найму доля малоимущих и крайне бедных устойчиво пре-

вышает аналогичные показатели среди неработающих (!) пенсионеров (!!!) (см. табл. 2).

Подчеркнем, что именно статус занятости, положение в сфере оплачиваемого труда, профессиональная специализация в «нормальном» обществе определяют и материальное благополучие, и достойный социальный статус работоспособного гражданина. Именно здесь формируются основания новой социальной иерархии в виде «устойчивых различий между индивидами по их месту в системе производственных отношений» [4].

Компенсируют утраченные блага и привилегии теневая занятость, родственный обмен, взаимопомощь в кругу близких, домашняя экономика. Многим приходится заниматься более простым трудом, что ведет к профессиональной дисквалификации.

Неучтенные доходы, по оценкам разных экспертов, составляют от 25 до 49 %, но большая их часть концентрируется в руках самого обеспеченного населения [2, с. 81]. «Новые богатые» из числа бывших руководителей и успешных предпринимателей активно пользуются плодами приватизации, извлекают невиданную прибыль в сфере торговли и посреднических услуг. Социальное неравенство в обществе с 70-летними эгалитарными традициями стало не просто видимым, а критическим, вызывая рост апатии и социального недовольства.

Модернизационному направлению противоречит устойчивое относительное и абсолютное снижение занятых в науке (см. табл. 3). Перспективы образования среднего класса в России омрачаются «утечкой умов», т.е. наиболее квалифицированной рабочей силы, которая началась еще до открытия «железного занавеса», а в годы демократизации приобрела в некоторых отраслях обвальный характер, особенно из «закрытых городов» [12; 14; 24; 28; 29].

Безработица. Использование методики Международной организации труда обнаруживает, что в 1999 г. полностью безработные составляли 12,2 % от экономически активного населения, или 8,9 млн чел. [22, с. 112]. Если к ним прибавить находящихся в административных отпусках и работающих неполную рабочую неделю – в декабре 1999 г. таких было около 8 %, то доля безработных и частично занятых составит *пятую часть экономически активного населения*. По сравнению с 1992 г. в 2 раза увеличился средний срок поиска работы (в 2000 г. – около 9 месяцев [26, с. 85]) и доля не работающих больше года, что особенно опасно для работников высокой квалификации (табл. 4). Продолжает расти слой хронически безработных.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ БЕЗРАБОТНЫХ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПОИСКА РАБОТЫ В 1992 И 1996–2000 ГГ., % *

Продолжительность	1992	1996	1997	1998	1999	2000
До 3 месяцев	5,4	17,7	23,7	21,6	20,9	24,2
От 3 до 6 месяцев	19,6	2,8	15,8	15,9	13,6	14,1
От 6 до 12 месяцев	12,9	23,0	22,4	20,9	18,3	19,0
Больше года	11,1	32,5	38,1	41,0	47,2	42,7
Всего	100,0	100,0	100,0	99,5	100,0	100,0

Применительно к постсоветской России можно говорить о складывании многочисленного *андеркласса*.

Таким образом, в период с 1995 по 1998 г. сложилась новая структура занятости с новыми тенденциями устойчивого изменения. С одной стороны, формировался слой предпринимателей и собственников средств производства. С другой стороны, поток нисходящей социальной мобильности по оценкам, основанным на данных эмпирических исследований и статистики, охватил 65–70 % всего населе-

* См. [25, с. 83].

ния России. Рынок высококвалифицированного труда в России уменьшается.

2. Дифференциация доходов или структурная маргинализация

В 1989 г. Россия с годовым доходом в 3 000 дол. на душу населения вместе с Тайванем делила место в середине четвертого десятка, уступая более развитым капиталистическим и социалистическим, а также нескольким нефтедобывающим странам [37]. В 1990-е гг. реальные доходы населения сократились вполтину (табл. 5).

Таблица 5

ДИНАМИКА РЕАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
И ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В 1991–2000 ГГ. *

	1991	1992	1996	1997	1998	1999	2000
Реальные денежные доходы, %	100		57,5	61,2	51,2	44,4	49,3
Коэффициент фондов		6,0	13,0	13,5	13,6	14,0	13,8
Коэффициент Джини		0,289	0,387	0,401	0,399	0,400	0,399

К ослаблению и даже утрате социальных связей приводит пауперизация значительной части населения и появление разнородной и обширной категории «новых бедных». Распространение бедности на работающее население стало одной из ведущих особенностей трансформации в России.

В целом за 1990-е гг. в числе малоимущих (со среднедушевым доходом меньше прожиточного минимума) оказалось от трети (1992 г.) до четверти (самый благополучный 1998 г.) населения. Начиная с 1998 г. наблюдается устойчивый прирост доли малоимущих по всем демографи-

* См. [25, с. 105, 130].

ческим группам, кроме самых старших (см. табл. 2). Следует подчеркнуть, что по этому показателю лидирует детско-подростковая группа (от 7 до 15 лет), которая, как правило, не имеет собственных источников дохода и испытывает на себе давление молодежной потребительской культуры, в силу чего ее можно отнести к наиболее депривированной по доходам. Вопрос о том, способствует ли бедность в данном возрасте складыванию социальных установок среднего класса, не является риторическим.

Средства к существованию не исчерпываются текущими денежными доходами, поскольку семьи располагают домами и квартирами, предметами длительного пользования, сбережениями и т.п., т. е. тем, что было накоплено в предыдущие годы. Поэтому по данным статистики получается, что российские семьи живут лучше, чем показывает статистика денежных доходов. Например, расчеты доли малоимущих среди городских домохозяйств по *денежным доходам* дают цифру, приближающуюся к 40 %, а по *располагаемым ресурсам* – ближе к 30 %; среди сельских домохозяйств малоимущих по *денежным доходам* около 55 %, а по *располагаемым ресурсам* – не более 40 % [26; с. 147].

При этом доля крайне бедного населения, располагающего ресурсами, в два и более раз ниже величины прожиточного минимума – практически не опускается ниже 10 %: в 1998 г. она составила 9,8 %, в 1999 г. – 16,8 %, а в 2000 г. вновь снизилась до 10,3 % [25; с. 142].

Таким образом, согласно официальной статистике примерно треть населения страны оказалась за чертой обеспеченности – с доходами ниже прожиточного минимума. Значительная часть «новых бедных» занята, но рабочее место не обеспечивает достатка.

Однако данные опросов ВЦИОМ позволяют отнести не-обеспеченные слои ближе к тем, кто живет на грани нище-

ты. По состоянию на июль 1994 г. доля бедных почти в два раза превышала официальные данные [10, с. 57], а в мае 1995 г. бедными считали себя почти две трети опрошенных [31, с. 25].

Регулярные замеры *субъективных оценок* величин «прожиточного минимума» и «нормального дохода», сделанные ВЦИОМом в 1996–2000 гг. по репрезентативной для населения России выборке, показывают, что средние оценки «нормального» уровня достатка примерно в 2,3 раза выше средних оценок «минимального» уровня достатка. При этом в мае 1996 г. называемый респондентами среднедушевой доход был примерно на 25 % ниже «минимального» уровня достатка, и к ноябрю эта разница увеличилась до 80–85 % [3, с. 49].

За 1990-е гг. более чем в полтора раза выросла дифференциация населения по доходам. С 1996 г. стабилизировался *коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов)*, который отражает соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами (см. табл. 5).

Еще большую дифференциацию доходов показывают исследования работающего по найму населения (которое в 1998–2000 гг. составляло 90–95 % от общего числа занятого населения [26, с. 130]). Дифференциацию по доходам усиливает и снижение реальных объемов фондов общественного потребления. Данные табл. 6 означают, что пятой части наименее оплачиваемых работников было начислено 3,4 % направленных на зарплату денежных средств, тогда как высокооплачиваемым работникам было начислено свыше половины от всего фонда заработной платы. Причем в период с 1996 г. разрыв в оплате увеличивается: высокооплачиваемые получают все больше, а низкооплачиваемые все меньше. Та-

ким образом, в указанный период в российской экономике работал закон *Матфея*: тому, кто имеет, присовокупится, а у того, кто не имеет, отнимется и то, что имеет.

Таблица 6

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ
ПО НАЧИСЛЕННОЙ ЗАРПЛАТЕ, % *

По 20-процентным группам	Май 1996	Окт. 1997	Окт. 1999	Апр. 2000
Первая (наименее оплачиваемые работники)	4,1	4,0	3,5	3,4
Вторая	9,0	8,9	8,1	8,0
Третья	14,5	14,5	13,5	13,4
Четвертая	22,4	22,6	22,0	21,8
Пятая (наиболее оплачиваемые работники)	50,0	50,0	52,9	53,4
Все	100,0	100,0	100,0	100,0
Коэффициент Джини	0,445	0,447	0,480	0,483
Коэффициент фондов	24,0	25,0	32,1	34,0

Пропорции дифференциации сильно различаются между собой по отраслям. Так, средняя начисленная зарплата первого дециля (10 % наименее оплачиваемых) в культуре и искусстве в апреле 2000 г. составляла 177,8 р., а средняя зарплата десятого дециля – 4912,5 р., в образовании – 204,5 и 3411,4 р., в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении – 262,9 и 3908,4 р., в промышленности – 473,7 и 9849,0 р., в электроэнергетике – 1040,0 и 8962,6 р. и топливной промышленности – 1208,7 и 17341,1 р. соответственно. Ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения остается средняя начисленная заработная плата для ряда массовых профессий социальной сферы, а также в целом по отрасли (!) в культуре и образовании [26, с. 139, 149, 151].

Социальная иерархия российского общества в 1997 г. выглядела следующим образом:

* См. [25, с. 135].

- 1) *элита* – правящая политическая и экономическая – до 0,5 %;
- 2) *верхний слой* – крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы – 6,5 %;
- 3) *средний слой* – представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры – 20,0 %;
- 4) *базовый слой* – рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса – 60,0 %;
- 5) *нижний слой* – малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные – 7,0 %;
- 6) *социальное дно* – до 5,0 % [9].

Несмотря на то что произошло качественное обновление социальной структуры и появились слои крупных, средних и мелких частных собственников на средства производства, в России, как и в Советском Союзе, по-прежнему преобладает не средний класс, а «базовый слой».

Итак, есть основания полагать, что приводимые в статистике проценты второй половины 1990-х гг. отражают устойчивую маргинализацию групп населения, которые из года в год сохраняют свою *невыгодную* – по ведущему в современной России экономическому параметру – социальную позицию. Во всяком случае, результаты национальных опросов о материальном положении россиян не обнаруживают массовых стремительных взлетов и падений домохозяйств по уровню жизни. Процесс маргинализации идет по *различным основаниям*: внутри отраслей и между отраслями, по формам собственности предприятий [26, 138], по территориальному (город/село), региональному и другим признакам.

Библиографический список

1. Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001.

2. Богомолова Т., Тапилина В. Экономическое неравенство населения России в 90-е годы: бедных все больше, богатых все меньше // ЭКО. 2001. № 2.

3. Бондаренко Н. Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Инф. бюллетень ВЦИОМ. 2001. № 1.

4. Буравой М., Кротов П. Советский вариант перехода от социализма к капитализму // Рубеж. 1992. № 4.

5. Волков В.В. От преступных группировок к региональным бизнес-группам // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002.

6. Гаман-Галутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998.

7. Гордон Л.А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // ОНС. 2001. № 3.

8. Зайченко А. Имущественное неравенство // АиФ. 1989. № 27.

9. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

10. Зубова Л.Г., Ковалева Н.В., Хахулина Л.А. Бедность в новых экономических условиях // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Инф. бюллетень ВЦИОМ. 1995. № 3.

11. Известия. 1995. № 104. 27 дек.

12. Каменский А. Иммиграция высококвалифицированных специалистов в развитые страны // Человек и труд. 1995. № 4.

13. Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е гг.) // Социс. 1995. № 5.

14. Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки М., 1994.

15. Миляева Л. Г. Работник и конверсия // ЭКО. 1997. № 9.

16. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.

17. Наумова Н.Ф. Переходный период: Мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8.

18. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М., 1999.

19. Попова И.П. Маргинальность: социологический анализ. М., 1996.

20. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социс. 1999. № 7.

21. Радаев В.В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002.
22. Российский статистический ежегодник. М., 2000.
23. Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. М., 2001.
24. Симоновский С. «Утечка умов» и технологическая безопасность России // Российский экономический журнал. 1996. № 3.
25. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2000.
26. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2001.
27. Стариков Е. Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Полис. 1993. № 6.
28. Степанов В.В. Эмиграция из России и проблема «утечки умов» // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997.
29. Стрелетова М.П. Утечка умов и интеллектуальный потенциал России // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1.
30. Суслов Н.И. Структурные проблемы российской экономики // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М., 2000.
31. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Инф. бюллетень ВЦИОМ. 1994. № 4.
32. Эксперт. 1999. 27 сент.
33. Hughes E.C. Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man // Phylon. 1945. Vol. 10. № 1.
34. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1953. Vol. 45. № 1.
35. Mancini B.J. No Owner of Soil: The Concept of Marginality revisited on Its Sixtieth Birthday // International Review of Modern Sociology. New Delhi. 1988. Vol. 18. № 2.
36. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // AJS. 1928. Vol. 33. № 6.
37. The World Almanac and Book of Facts, 1990. N.Y., 1990.

МИРОВОЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ И ПОПЕЧИТЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ

А. Г. Иванов, Г. Д. Авджян, М. С. Нистоцкая

Переход российского общества к новой системе экономических и политических отношений требует адекватных решений в организации высшей школы. Это касается и проблем, связанных с управлением высшими учебными заведениями. Сложившаяся в прежние годы система управления высшим образованием в основном была авторитарной и оказалась неэффективной. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть организационные принципы демократического управления вузом, которые, как свидетельствует практика, опираются на накопленный зарубежный и отечественный опыт.

Известно, что в соответствии с Федеральной программой развития образования, утвержденной Федеральным законом № 51 от 10 апреля 2002 г., предполагается разработать механизмы совершенствования форм и активизации участия профессиональных ассоциаций образовательных учреждений, педагогических и научных работников, родителей и общественных организаций в реализации государственной политики в области образования. С этой целью создаются попечительские и наблюдательные советы вузов. Зарубежный опыт их создания и функционирования свидетельствует, что они обладают верховной исполнительной властью, являются законодательным органом, формулирующим организационную структуру и политику университета, начиная от учебных программ, заканчивая порядком замещения вакантных должностей преподавате-

лей и сотрудников вуза. Анализ литературы, отражающей деятельность данных советов, позволяет выделить их приоритетные функции:

1. *Функция осуществления образовательной политики.* Качество ее реализации является главной обязанностью попечительских советов, за которую они несут ответственность. Стратегические цели чаще всего имеют вид конкретных заявлений – быть лучшим вузом страны по новым технологиям. О такой миссии заявил, в частности, Университет Карнеги Меллон (США). Миссия и перспективное видение университета обычно подкреплены задачами для каждого из его факультетов, библиотеки и других академических и административных структур. Так, попечительский совет Университета штата Иллинойс несет ответственность за формулировку миссии университета, принимает меры для достижения поставленных целей, решения о количестве и природе факультетов, научных центров и других структурных подразделений университета, решает вопросы о специальностях и квалификациях, присваиваемых университетом. Содержание его деятельности в области образовательной политики охватывает такие ее аспекты, как: анализ учебных планов, исследовательских программ, прогнозов о приеме в институт, планов повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, планов реконструкции и ремонта зданий, обновления оборудования, финансовых планов.

Несколько иной спектр деятельности в области образования у попечительских советов российских университетов. Анализ положений о попечительских советах российских вузов свидетельствует, что их предложения по решению наиболее важных вопросов образовательной политики носят рекомендательный характер. Так, один из пунктов положения, касающегося деятельности попечительского

совета Европейского университета в Санкт-Петербурге гласит, что совет вносит на рассмотрение органов управления рекомендации по дальнейшему развитию университета. Попечительский совет Московского государственного университета леса рассматривает и разрабатывает рекомендации и предложения по решению таких наиболее важных вопросов деятельности университета, как:

- подготовка специалистов, в том числе по прямым заявкам предприятий и организаций;

- содействие в проведении производственных и преддипломных практик на предприятиях – попечителях университета;

- финансовая поддержка научно-исследовательских работ в рамках тематики, предложенной попечителями;

- содействие талантливым выпускникам в обучении за рубежом;

- организация совместно с университетом зарубежных стажировок специалистов предприятий-попечителей за счет фонда совета для последующей работы на этих предприятиях;

- участие попечителей в работе по открытию новых специальностей и специализаций, в подготовке инженерных и научных кадров.

2. *Функция оценки результатов деятельности* является ключевой в деятельности попечительских советов университетов США и Западной Европы. На практике это воплощается в оценке деятельности главного администратора университета – его президента, в оценке качества предлагаемых университетами учебных программ, в оценке эффективности использования физических и интеллектуальных ресурсов университета. В качестве критериев оценки советы чаще всего используют миссию университета, его цели и задачи. Совет является единственным органом, про-

водящим оценку деятельности университета. В уставах отдельных университетов подчеркивается, что совет не может делегировать свое право на оценку деятельности какому-либо другому органу университета или внешнему институту. Здесь важно отметить, что подготовительный отчет проводится независимыми экспертами.

Данная функция в деятельности отечественных университетов не является доминантной и сводится лишь к организации финансовой и юридической проверки деятельности университета в случае предъявления к нему со стороны органов государственной власти и управления, государственных и иных организаций и лиц претензий, могущих существенно повлиять на функционирование университета.

3. *Функция контроля.* Ее реализация, как свидетельствует анализ источников, осуществляется по следующим позициям.

Контроль в выработке долгосрочных целей. Это находит выражение в том, что за советом закреплено право принятия окончательного решения по вопросу о том, каким именно учреждением высшего образования будет университет.

Контроль за будущим университета со стороны попечительского совета не означает, что администрация университета не имеет права участвовать в процессе выработки стратегических целей. Такое участие есть, и оно весьма активно. Тем не менее окончательное решение принимает попечитель.

Контроль за ключевыми назначениями. В отличие от российских университетов, где прерогатива избрания ректора принадлежит конференции профессорско-преподавательского состава, в США эта функция отдана попечительскому совету. Существенно ограничены полномочия ректора и в вопросах назначения на ключевые должности под-

разделений университета. Он в обязательном порядке консультируется с советом по вопросам назначения и увольнения должностных лиц университета, прежде всего деканов факультетов. Опыт деятельности попечительских советов свидетельствует также, что президент (ректор) консультируется с советом и по вопросам назначения и увольнения всех преподавателей и сотрудников университета, имеющих многолетние контракты. Как правило, представитель попечительского совета является членом комиссии по замещению ключевых вакантных должностей.

Контроль за материальными средствами. В эксклюзивной власти совета находится продажа, залог и другие действия с имуществом университета; решения о принятии финансовых и других средств от доноров, а также политика привлечения инвесторов и доноров в целом: совет утверждает бюджет университета и следит за его исполнением, в его полномочиях – стратегические финансовые решения. Ответственность совета в этой сфере настолько велика, что его права и обязанности по вопросам материальных и финансовых ресурсов оговариваются в специальных разделах положений о наблюдательных советах университетов.

Внешний контроль. В данном случае совет проверяет, насколько цели структурных подразделений университета согласовываются с общестратегическими. На практике подобный контроль осуществляется периодически в крупных подразделениях университета, возглавляемых вице-президентом университета. Критериями положительной оценки деятельности структурных подразделений университета служат: соответствие их целей долгосрочным целям университета; реалистичность сроков достижения поставленных целей; эффективность использования материального и интеллектуального потенциала, эффективность внутренней структуры подразделения университета и его администрации.

Таковы в общих чертах функции попечительских советов отечественных и зарубежных университетов. Анализ реализации их на практике позволяет выделить четыре приоритетные сферы их деятельности: выработка миссии университета; определение правил, общих для всех студентов, преподавателей и других сотрудников университета; академические вопросы; управление материальными ресурсами университета.

Характеризуя деятельность попечительских советов университетов, представляется целесообразным рассмотреть их структуру, состав и те критерии, по которым происходит отбор персонала в состав попечительских советов.

Анализ содержания положений о попечительских советах университетов свидетельствует о том, что их структура определяется теми целями и задачами, которые решает совет. Так, попечительский совет Университета штата Иллинойс имеет весьма разветвленную структуру, состоящую из самостоятельных подразделений (рис. 1).

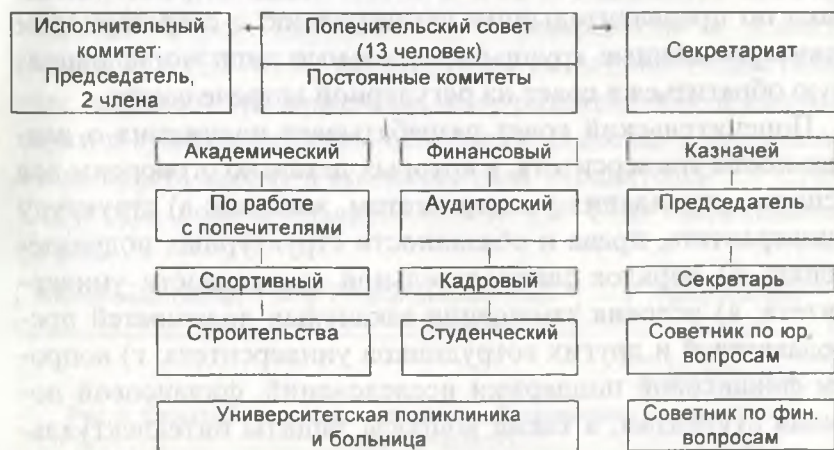

Рис. 1. Структура попечительского совета Университета штата Иллинойс (США)

Попечительский совет состоит из 13 членов, 11 из которых имеют право голоса. Девять членов назначаются губернатором штата на шестилетний срок и утверждаются Сенатом штата Иллинойс. Три члена совета избираются на один год из числа студентов (по одному от каждого из кампусов университетов в Чикаго, Спрингфилде и Урбана-Кампэйн) путем референдума среди студентов. Решением губернатора один из представителей студентов в совете наделяется правом голоса, два других имеют совещательный голос. Губернатор штата также является членом совета с правами *ex officio* члена.

Члены попечительского совета являются членами всех постоянных комитетов. Главы комитетов назначаются председателем совета из числа членов совета сроком на один год.

Студенты, преподаватели и сотрудники университета, а также широкая публика имеют право обращаться в письменной форме к членам попечительского совета с любыми вопросами, касающимися деятельности университета. Однако по предварительному согласованию с секретариатом заинтересованные группы и отдельные лица могут напрямую обратиться в совет на регулярной встрече совета.

Попечительский совет разрабатывает положения о деятельности университета, в которых детально оговорены все аспекты управления университетом, включая: а) структуру университета, права и обязанности структурных подразделений; б) порядок законодательной деятельности университета; в) условия замещения вакантных должностей преподавателей и других сотрудников университета; г) вопросы финансовой поддержки исследований, финансовой помощи студентам, а также вопросы защиты интеллектуальной собственности, патентов. Любые изменения в положениях могут быть предложены попечительским советом и

сенатом университета, но в любом случае не могут быть приняты без одновременного одобрения изменений и дополнений в положения обоих управленческих структур университета.

Кроме положений, попечительский совет разрабатывает нормативные акты, объединенные в Общие правила деятельности университета. Эти нормативные акты предписывают структуру, права и обязанности вспомогательных служб университета; дают расшифровку различных видов деятельности; уточняют условия распоряжения собственностью университета. Изменения в Общих правилах деятельности университета являются компетенцией попечительского совета, они вносятся после согласования с президентом и сенатом университета.

Иная структура у попечительских советов отечественных университетов. Она не имеет широко разветвленной сети функциональных подразделений (комитетов), а сами советы не обладают столь значительным спектром полномочий, как это имеет место в США. Например, попечительский совет Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб) формируется из видных общественных деятелей, приверженных делу развития образования и науки и гуманистическим ценностям. В состав попечительского совета входят и представители учредителей ЕУ СПб. Структура попечительского совета ЕУ СПб представлена на рис. 2.

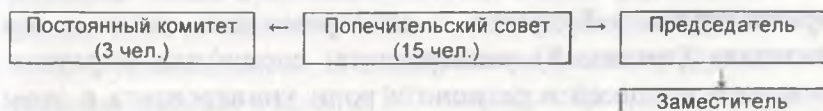

Рис. 2. Структура попечительского совета Европейского университета (Санкт-Петербург)

Совет избирает из числа своих членов председателя и заместителя (товарища) председателя, один из которых являет-

ся гражданином РФ, постоянно живущим в Санкт-Петербурге, а другой – гражданином другой страны. Председатель и его заместитель избираются на весь срок деятельности совета и могут быть освобождены от исполнения своих обязанностей по личной просьбе или при наличии веских оснований по решению 2/3 общего числа его членов.

Совет формирует постоянный комитет, состоящий из председателя, заместителя председателя и одного из членов совета, избираемого в состав комитета сроком на один год. Один из членов постоянного комитета является представителем учредителя ЕУ СПб.

На период между заседаниями совет передает постоянному комитету совета полномочия по осуществлению текущего контроля деятельности университета, по оказанию ему неотложной поддержки и организации работы совета.

Эффективность деятельности попечительских советов вузов во многом зависит от личных и профессиональных качеств попечителей и от того, насколько они знают проблемы университета, обладают соответствующими полномочиями и компетенцией для оказания помощи в развитии университета. Так, например, в состав попечительского совета ЕУ СПб входят 7 докторов наук, 2 кандидата наук, лауреат Нобелевской премии, 4 представителя ведущих вузов США и Западной Европы, 5 представителей органов государственного управления. Такое представительство позволяет строить деятельность попечительских советов, ориентируясь в будущее, с одновременным пониманием наследия (традиций) университета, специфики образовательного процесса в регионе и роли университета в этом процессе.

Таким образом, процессы демократизации, происходящие в сфере образования, затрагивают широкий спектр проблем, в том числе связанных с управлением классиче-

скими университетами. Воплощением принципов демократизации в управлении высшей школой является деятельность попечительских советов вузов. Зарубежная и отечественная высшая школа накопила определенный опыт в деятельности таких советов. Многие из него можно использовать и при создании попечительского совета Кубанского государственного университета.

1. Количественный и качественный состав попечительского совета. Мировая практика свидетельствует, что он оптимален при наличии 13–15 членов, которые должны сочетать в себе широту взглядов, независимость, способность четко выражать свои мысли, иметь высшее образование и опыт работы, помогающий разрешению проблем и расширяющий возможности университета. Наличие в составе советов представителей студенчества, постоянная их ротация позволят попечительскому совету осуществлять более тесную связь и координацию со студенческими группами. Более того, это существенно повысит защищенность данной социальной группы в случае отчисления или наказания конкретного лица. На наш взгляд, нецелесообразно включать в состав попечительского совета большое число лиц от органов государственной власти (25% в ЕУ СПб). Практика свидетельствует, что, занимая несколько должностей, они не смогут принимать активное участие в работе советов. Более оптимальным представляется вариант, когда в состав попечительского совета входит глава субъекта федерации. Такая практика принята, например, в США, где в состав попечительского совета входит губернатор штата.

2. Функции совета. В сложившихся условиях функционирования высшей школы в РФ нецелесообразно передавать в ведение попечительских советов функции контроля за содержанием программ и курсов, предлагаемых университетом, включая разработку стандартов соответствия и качества про-

грамм и курсов факультетов. Это, по нашему мнению, приведет к излишней опеке структурных подразделений университета со стороны попечительского совета, сковыванию их инициативы в разработке авторских курсов и выборе дисциплин специализации. Более демократичной представляется ныне действующая система, когда УМО по соответствующим направлениям подготовки специалистов разрабатывает соответствующую модель специалиста с определением дидактических единиц Госстандарта.

Много проблем может возникнуть и при передаче в ведение попечительских советов университетов функции контроля за ключевыми назначениями. Действующая система замещения вакантных должностей без консультирования с попечительским советом более оптимальна и динамична. В соответствии с ней обеспечивается гласность и альтернативность, свобода обсуждения всех кандидатур – от преподавателя до ректора университета. Существующая на Западе система консультирования с попечительским советом при назначении на должности может привести в условиях функционирования российской высшей школы еще к одной ступеньке бюрократической иерархии в работе с персоналом университета.

Анализируя хозяйственный аспект функций попечительского совета университета, необходимо четко определить спектр его полномочий в этой области. Данные полномочия могли бы включать в себя:

- постановку целей использования имущества и способы его эксплуатации;
- определение правил поведения студентов, преподавателей и других сотрудников университетов в отношении имущества университета;
- установление величины денежных платежей за услуги, оказываемые университетом;

- оказание финансовой помощи студентам в виде премий, поощрений, персональных зарплат;
- определение и осуществление инвестиционной политики университета, т. е. распоряжение имуществом и финансами университета для получения прибыли.

Создание попечительского совета Кубанского государственного университета дело недалекого будущего. В этой связи творческое переосмысление имеющегося мирового опыта представляется важной задачей, решив которую можно выстроить его оптимальную модель.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Я могу прожить без необходимо,
но без лишнего не могу.*

Михаил Светлов

*Всякая перемена, даже перемена к лучшему,
всегда сопряжена с неудобствами.*

Ричард Хукер

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ

*Е. В. Морозова, И. В. Самаркина **

Политологии в определенной мере повезло. В семье социальных наук она обрела официальный статус немногим более 8 лет назад, когда была внесена в классификатор научных дисциплин. В вузах появились собственные кафедры, стали издаваться специальные журналы, формировалось научное сообщество. В этом запоздавшем (по причинам настолько очевидным, что нет смысла их упоминать) старте были свои плюсы и минусы. С одной стороны, в большинстве развитых стран мира академическая институализация политологии прошла как минимум на столетие раньше. Сложились десятки субдисциплин политической науки, появились свои классики. Это был целый мир, который только предстояло открыть большинству российских политологов. С другой стороны, срабатывал «эффект новизны», приумноженный стараниями телеведущих, журналистов и политтехнологов. По данным Министерства образования РФ (<http://db.informika.ru/vuz>), 26 государственных и 14 негосударственных вузов, готовящих специалистов по специальности «Политология», не испытывают проблем с конкурсом.

Первый выпуск политологов состоялся в КубГУ в 1997 г. За шесть лет мы подготовили 106 специалистов на дневном и 32 – на заочном отделении. Как показывает практика и как выявило специальное исследование, проведенное под руководством Л.Г. Комаровой (Комарова Л.Г., Комаров В.Б.,

* Исследование выполнено при финансовой и организационной поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), грант НВА 958.

Дроздецкая О. Мониторинг послевузовской деятельности выпускников // Человек. Сообщество. Управление. 2001. № 1), большинство из них успешно трудоустраивается. Многие трудятся в администрациях края, городов и районов, работают помощниками депутатов, менеджерами по связям с общественностью в крупных коммерческих структурах, политическими обозревателями в СМИ, преподают в вузах и техникумах. Некоторые из выпускников трудоустраиваются по дополнительной квалификации, полученной на отделении политологии, – «переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Но все-таки большинство из выпускников работают или хотят работать во властных структурах.

Каждый сентябрь, когда психологи проводят программу адаптации для первокурсников факультета управления, новобранцы-политологи демонстрируют то, что отличает их от социальных работников, студентов ГМУ, психологов и менеджеров по управлению персоналом: наличие потребности во власти и лидерский потенциал.

Между желанием «быть властью» и работой «во власти» пролегает «мостик» – пять студенческих лет. И от того, чем эти годы наполнены, в немалой степени зависит, какая же власть будет решать наши проблемы через несколько лет.

Обучение в вузе – наиболее содержательный этап профессиональной социализации, процесса освоения сферы будущей профессиональной деятельности. Профессиональная социализация органично включается в контекст общей социализации личности и предполагает получение специальных знаний, умений и навыков, знакомство с правилами и нормами профессиональной деятельности, принятие их и реализацию на практике. Чрезвычайно важной составляющей процесса профессиональной социализации является эмоциональное «включение» в практическую деятельность, связанную с будущей профессией, формирова-

ние устойчивой мотивации выбора профессии, ее освоения и построения успешной карьеры.

Профессиональная социализация начинается с того момента, когда маленький мальчик или девочка задумываются о том, кем они будут, когда вырастут, и сообщают ничего не подозревающим родителям о своем желании стать продавцом мороженого, космонавтом или бизнесменом. Однако момент активного выбора профессии, как правило, наступает в старших классах школы. На позицию молодого человека в это время влияет целая система факторов и институтов: родители и друзья, учителя и школьные предметы, средства массовой информации и деятельность учебных заведений, которые борются за потенциальных абитуриентов, и многое другое. Трудно ответить на вопрос, чье мнение и голос окажутся решающими, а вопрос не праздный, поскольку от ответа на него зависит, например, направление и концепция рекрутинговой деятельности вузов.

Решение о поступлении в высшее учебное заведение и его успешная реализация служат началом основного этапа профессиональной социализации – пятилетнего обучения выбранной специальности. Эффективность социализации на этом этапе измеряется вовсе не в баллах и оценках в зачетной книжке, а в теоретической, практической и психологической готовности молодого человека после получения диплома о высшем образовании успешно работать по специальности. И если студент и выпускник не представляют себе, чем именно им предстоит заниматься или, еще хуже, понимают, что они не будут работать по специальности, – это показатели крайне неэффективной деятельности вуза как института профессиональной социализации.

Профессиональная социализация политологов имеет некоторые особенности. Первая состоит в том, что их профессиональное становление и политическая социализация

(освоение политической сферы общественной жизни гражданином общества) связаны неразрывно, это накладывает существенный отпечаток на организацию и требования к процессу обучения. Вторая особенность – в структуре мотивов выбора профессиональной деятельности. Третья состоит в том, что исследования этих процессов практически отсутствуют в силу молодости нашей специальности в России, а потребность в этом давно назрела.

Данное исследование было проведено в апреле–мае 2002 г. в рамках гранта Института «Открытое общество» по программе поддержки кафедр. Было опрошено 125 студентов всех курсов отделения политологии, в том числе: 1-го курса – 22 человека, 2-го – 32, 3-го – 22, 4-го – 14, 5-го – 35. В общей сложности выборка составила 74,4% от общего числа студентов отделения; соотношение возрастных групп и полов (56,8 % женщин и 43,2% мужчин) обучающихся на бюджетной (75,2 %) и коммерческой (24,8 %) формах обучения совпадает со сложившимся на отделении. Все это позволяет считать полученные результаты репрезентативными.

Большинство из студентов – выходцы из семей среднего класса. Благосостояние семьи по самооценке респондентов – среднее (69,6%) или выше среднего (16,0%). К малообеспеченным отнесли себя 14 студентов (11,2%), а к высокообеспеченным – всего двое (1,6%). Как очень высокий можно оценить образовательный ценз родителей студентов-политологов.

Таблица 1

ОБРАЗОВАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ

Уровень образования	Мать	Отец
Среднее	4,8	3,2
Среднее специальное	20,8	26,4
Высшее	71,2	58,4
Не указано	3,2	12,0
Всего	100,0	100,0

О будущей профессии студенты узнали в первую оче-

редь от родителей (26,4% респондентов). Вторым по значимости источником информации стали буклеты и журналы факультета управления (20,8%). Важную роль в профориентационной работе сыграли средства массовой информации (их отметили 12,0% респондентов), дни открытых дверей КубГУ, друзья (по 7,2%) и школьные мероприятия (6,4%).

Интересно, что родители оказали большее влияние на выбор специальности студентов, которые обучаются на коммерческом отделении. Бюджетники в этом отношении оказались более независимыми.

Таблица 2

Влияние родителей на выбор специальности,
% от числа опрошенных

Кто повлиял на выбор Вами специальности «Политология»?	Обучающиеся по бюджету	Обучающиеся по договору
Мать	23,0	18,9
Отец	15,3	32,4
Всего	38,3	51,3

Большое влияние семьи на выбор профессии подтвердили и ответы на вопрос «Кто повлиял на Ваше решение поступать на отделение политологии?». 39,2% студентов приняли решение самостоятельно, на выбор 28 % респондентов повлияла мать и 24,0 % – отец. В то же время каждый десятый респондент избрал специальность вопреки воле родителей. Только 6 студентов (4,8%) упомянули, что на их выбор повлияли учителя.

Из вышесказанного можно сделать два вывода, важных для профориентационной, агитационной и рекламной деятельности отделения. Во всей рекламной продукции необходимо усилить звучание тех проблем, которые волнуют родителей (например, дисциплина, условия в учебных помещениях и т.д.). Преподаватели общественнознания в шко-

лах, с которыми кафедра работает в рамках гранта в течение 3 лет, еще не стали «полпредами» нашей профессии в школах. Усиление профорientационной работы в гимназиях и лицеях, особенно гуманитарной направленности, без сомнений, позволит увеличить конкурс, особенно в преддверии так называемой «демографической ямы».

В настоящее время конкурс на отделение политологии (3–3,5 чел. на место, проходной балл – 13) можно считать средним среди специальностей университета. Данные исследования развеивают многие мифы, сложившиеся вокруг специальности и распространяемые прежде всего в обстановке конкурентной борьбы за абитуриента. Миф № 1: в политологи идут те, кому не хватило баллов для поступления на специальности «юриспруденция» или «государственное и муниципальное управление». Миф № 2: среди политологов так высок процент представителей сильной половины человечества, потому что их решение определяет перспектива службы в армии. Миф № 3: абсолютно никто из абитуриентов не представляет себе, кто такой политолог и где он будет работать.

Что знает и чего не знает на самом деле абитуриент отделения политологии? Как правило, ему все равно, какой конкурс, он хотел поступать именно на отделение политологии (66,4 % респондентов). Лишь 8,8% респондентов выбирали ту специальность, где конкурс ниже, а для 19,2 % конкурс стал одним из факторов, определивших выбор. До поступления в вуз проявляла интерес к политике большая часть абитуриентов. 36,8 % смотрели программы новостей, а 20 % – политические программы на телевидении, 13,6 % получали дополнительную информацию из газет, 11,2 % – из журналов, 5,6 % посещали политические сайты в Интернете. 69,8 % занимались общественно-политической деятельностью в школе, в том числе 46,4 % постоянно и 23,2% время от времени.

Лишь 4 респондента (3,2 %) ответили: «Не хватило баллов для поступления на другой факультет, поэтому пошел на политологию». Столь же мал (3,2 %) удельный вес выбравших ответ: «Мне было все равно куда поступать, лишь бы не идти в армию». Не представляли себе конкретной сферы применения при поступлении в университет 23,2 % нынешних студентов. Остальные видели себя:

- менеджером политических кампаний – 12,8 %;
- работником городской, районной администрации – 15,2 %;
- работником краевой администрации, депутатом ЗСК – 12,8 %;
- политиком федерального уровня – 16 %;
- функционером политической партии, общественно-политической организации – 1,6 %;
- педагогом – 1,6 %;
- переводчиком – 1,6 %;
- работником СМИ – 4 %;
- не указали ответ – 11,2 %.

Как видим, типичный абитуриент-политолог является собой человека, четко ориентированного на профессию, достаточно ясно представляющего себе сферы будущего трудоустройства и весьма амбициозного (еще бы: каждый шестой мечтает стать политиком федерального уровня!).

Мотивы столь выраженного выбора профессии представляют большой интерес, и кому, как ни политологам, знать, к каким печальным последствиям приводит приход в политику человека, желающего компенсировать свои травмы и комплексы безмерной властью над другими людьми. Поэтому мотивационный блок нашего исследования был одним из основных. Ответ на вопрос «Что было самым привлекательным при выборе Вами отделения политологии?» показал большое разнообразие мотивов (можно было выбрать более одного варианта).

Таблица 3

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

Мотив	Количество упоминаний	Процент от числа опрошенных
Возможность в будущем получать достойную зарплату	33	26,4
Причастность к власти (элите)	34	27,2
Возможность управлять другими	20	16,0
Возможность быть в центре политических событий	15	12,0
Возможность лично влиять на политическую ситуацию	21	16,8
Политолог – это звучит гордо	9	7,2
Желание быть похожим на известного политика, журналиста	9	7,2
Возможность творческой самореализации	48	38,4
Достаточная популярность профессии	7	5,6
Хорошие перспективы профессии	45	36,0
Насыщенная учебная программа	33	26,4
Другое	4	3,2

Интересно, что перечисленные в табл. 3 мотивы выбора профессиональной деятельности соответствуют известной схеме потребностей, мотивирующих деятельность политических лидеров (см., например: Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996. С. 241–249):

1) потребность во власти – «возможность управлять другими»;

2) потребность в контроле над людьми и событиями – «возможность быть в центре политических событий», «возможность лично влиять на политическую ситуацию»;

3) потребность в достижении – «возможность получать в будущем хорошую зарплату», «возможность творческой самореализации», «хорошие перспективы профессии», «насыщенная учебная программа»;

4) потребность в аффилиации (принадлежности к группе и получении одобрения) – «причастность к власти, элите», «политолог – это звучит гордо», «желание быть похожим на известного политика, журналиста», «достаточная популярность профессии».

Именно в мотивах выбора профессии обнаружили существенные расхождения между различными группами студентов. Так, в зависимости от половой принадлежности, студенты по-разному оценивают привлекательность управления другими (9,9 % девушек и 24,1 % юношей), возможность быть в центре политических событий (16,9 % девушек и 5,6 % юношей). Хорошие перспективы профессии в 1,5 % раза чаще встречаются в ответах девушек в сравнении с юношами.

Последующие таблицы иллюстрируют различия мотивов в зависимости от формы обучения и предшествующего опыта общественно-политической деятельности студентов.

Таблица 4

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ
(РАЗЛИЧИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ), %

Мотив	Обучающиеся по бюджету	Обучающиеся по договору
Возможность в будущем получать достойную зарплату	29,8	13,8
Причастность к власти (элите)	24,5	34,5
Возможность лично влиять на политическую ситуацию	43,6	24,1
«Политолог» – это звучит гордо	4,3	17,2
Возможность творческой самореализации	43,6	24,1
Хорошие перспективы профессии	33,0	44,8
Насыщенная учебная программа	30,9	13,8

Как видим, форма обучения существенно влияет на

структуру мотивов выбора профессии. Для студентов-бюджетников наиболее значимы мотивы творческой самореализации, перспективности профессии и качестве учебной программы. Для договорников важны перспективы профессии, причастность к власти, а затем уже возможность творческой самореализации. Интересно, что перспективы достойной зарплаты не попали в тройку лидеров: этот мотив занимает 4-е место у бюджетников, и 5-е у договорников. Справедливости ради стоит отметить, что значимость этого мотива для студентов-бюджетников более чем в два раза выше, чем у студентов-договорников.

Таблица 5

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ (в зависимости от опыта общественно-политической деятельности в школе), %

Мотив	Не занимались общественно-политической деятельностью	Занимались общественно-политической деятельностью
Возможность в будущем получать достойную зарплату	32,8	16,2
Возможность быть в центре политических событий	8,6	18,9
Возможность лично влиять на политическую ситуацию	8,6	27,0
Возможность творческой самореализации	31,0	51,4

Эта часть нашего исследования иллюстрирует степень влияния предшествующей политической активности на мотивы выбора профессии. Для студентов, которые уже имели опыт общественной деятельности в школе, творческая самореализация выступает в качестве основного мотива выбора профессии политолога. Значительно меньше удельный вес этого мотива в группе студентов, которые еще не

попробовали на практике, что значит быть в центре общественной жизни. Они, как правило, и не стремятся к этому.

Что же происходит в последующие пять лет с этим симпатичным персонажем – абитуриентом отделения политологии? Насколько оправдываются его ожидания? Насколько подготовленным оказывается он к началу собственной профессиональной карьеры?

На вопрос «Изменилось ли Ваше представление о профессии за время учебы в университете?» 27,2 % респондентов дали отрицательный ответ. У 49,6 % студентов представление изменилось в лучшую сторону, а у 19,2 % - в худшую сторону. Очевидна динамика профессиональной самоидентификации, и ключевыми факторами этих изменений (как позитивных, так и негативных) становится не только учебный процесс, но и реальное включение в политическую жизнь.

Анкета содержала ряд открытых вопросов, позволяющих студентам в свободной форме изложить свое видение достоинств и недостатков учебного процесса на отделении политологии. Результаты контент-анализа ответов приведены в табл. 6.

В ответе на вопрос «Какие Ваши любимые предметы?» было названо в общей сложности 48 предметов. В группу лидеров (8 и более упоминаний) вошли: сравнительная политология, исторические дисциплины, ИСПУ, этнополитология, теоретическая политология, политическая регионалистика, международные отношения, электоральная политология, иностранные языки, политическая психология.

19 респондентов (15,2%) полагают, что в программе не хватает элементов практической направленности, 10 студентов (8,0 %) считают необходимым изучать ораторское искусство, по 9 человек назвали в качестве недоступных предметов экономику, избирательное право и иностранные языки, 5 человек – менеджмент, по 3 человека – деловой этикет, рекламу, имиджмейкинг и психологию. Среди

Таблица 6

НЕГАТИВНЫЕ И ПОЗИТИВНЫЕ СТОРОНЫ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА,
ЧИСЛО УПОМИНАНИЙ

Показатели	Что нравится	Что не нравится
Содержание учебного процесса	Широкий профиль и разноплановая программа – 23 Новизна, заинтересованность – 33 Сам процесс – 8 Другое – 1	Много ненужных, не связанных со специальностью предметов – 17 Мало практики, «засилье» теории – 12 Сессия – 7 Другое – 2
	Общее число упоминаний – 65	Общее число упоминаний – 38
Организация учебного процесса	Гибкое расписание, небольшая загруженность, доступность литературы – 10	Плохое расписание, мало оборудования. Мало литературы, неравномерное распределение ресурсов – 32
Преподаватели	Стиль, профессионализм, понимание, партнерство – 30	Некомпетентность, субъективизм – 18
Атмосфера на отделении	Умные люди, свобода и самостоятельность, споры, возможность самореализации – 16 «нравится все, кроме сессии» – 8	Неактивные студенты, «халява» – 3
	Общее количество позитивных упоминаний – 129	Общее количество негативных упоминаний – 91

ненужных, по мнению студентов, дисциплин лидирует математика (27,2 %), значительно уступают ей физкультура (7,2 %), концепции современного естествознания (6,4 %), логика (5,6 %) и философия (3,2 %). Поскольку в последнем случае речь идет о предметах обязательных, включенных в блоки естественнонаучной, социально-экономической и гуманитарной подготовки, то единственный путь ослабления негативизма студентов состоит в приближении преподавания этих дисциплин к требованиям будущей профессиональной деятельности политологов. Почему

электоральная статистика не может быть эмпирическим материалом для изучения, например, теории игр?

Три четверти студентов регулярно читают профессиональные журналы. Наиболее часто упоминаемыми оказались «Полис» (76 упоминаний), «Власть» (50 упоминаний) и «Социс» (27 упоминаний). «Коммерсант-Власть» и «Полития» имеют по 7 читателей, «Эксперт» и «МЭМО» – по 6. Всего респондентами были названы 23 журнала.

Абсолютное большинство студентов понимает, что дополнительная квалификация упрочит их положение на рынке труда. Лишь трое из опрошенных (2,4 %) заявили, что не хотели бы получить дополнительное образование параллельно с основной специальностью. 27,2 % респондентов указали в качестве дополнительной специальности иностранный язык, 14,4 % – психологию, по 7,2 % – менеджмент организации и связи с общественностью, 6,4 % – управление персоналом, 3,2 % – информационные технологии в управлении. 28,8 % не указали конкретной специальности.

Важнейшими источниками информации о политической жизни для студентов служат телевидение, газеты и Интернет. Программы новостей на ТВ регулярно смотрят 44 студента (35,2%), среди общественно-политических программ наибольшей популярностью пользуются «Времена» (25 упоминаний), «Свобода слова» (14 упоминаний), «Однако» (12 упоминаний). На вопрос «Как часто Вы читаете газеты?» ответы распределились следующим образом: каждый день – 11,2 %, несколько раз в неделю – 36,0, один раз в неделю – 10,4, время от времени – 32,0, не читают вообще – 8,8 %. Наиболее читаемой оказалась «Российская газета» (29 упоминаний), далее следуют «Независимая газета» (16 упоминаний), «АиФ» (14 упоминаний) и «Комсомольская правда» (9 упоминаний). Из региональных изданий наиболее читаемы «Краснодарские известия» (21 упоминание), «Кубанские новости» (10 упомина-

ний) и «Вольная Кубань» (8 упоминаний). Пользуются Интернетом для получения политической информации 72,0% респондентов. Среди наиболее посещаемых сайтов указывались поисковые (28 упоминаний), «профессиональные», например polit.ru, politstudies.ru (18 упоминаний), новостные (11 упоминаний). Сайты партий, органов государственной власти, библиотек и научных фондов назвали 4 человека. С местными, региональными сайтами работают лишь два студента. Знакомство не только с данными анкетного опроса, но и с картиной информированности студентов о событиях текущей политики заставляют нас бить тревогу. Вряд ли можно признать нормальным такое положение дел, когда лишь каждый десятый студент ежедневно читает газеты. Во всем мире так называемая культура чтения газет считается показателем демократической политической культуры. У нас нет готовых рецептов, как кардинально изменить состояние дел с политической информированностью студентов. Есть лишь некоторые предложения по поводу того, что можно сделать в рамках учебного процесса: во-первых, внедрить такую форму творческих заданий, как обзоры СМИ (за определенный период, по определенной теме); во-вторых, практиковать интерактивную форму обучения – веб-квизы. И то и другое возможно внедрить в программу большинства предметов общепрофессиональной подготовки, тем более дисциплин специализации.

Оставляет желать лучшего и политическая активность наших студентов. Только 17,6% ходят на выборы, 15,2 % подрабатывают во время избирательных кампаний, 12,8 % являются наблюдателями, 2,4 % – членами политических партий. 33,6 % обсуждают вопросы политики с друзьями и знакомыми, используя свои профессиональные знания. Объясняя свое неучастие в политике, студенты наиболее часто ссылались на следующие причины: «Политолог дол-

жен изучать политику со стороны, чтобы быть объективным» (32,8 %), «Нет времени» (14,4 %).

Видимо, комплекс причин (и недостаточная информированность, и отстраненность от реального политического процесса) порождает проблемы собственной политической идентификации. Считают себя либералами 38,4 % студентов, социал-демократами – 28,0, консерваторами – 18,4, коммунистами – 1,6, прочими – 11,2 %. В то же время, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, респонденты отдали бы свои голоса за: «Отечество» (Кондратенко) – 8,0%; «Единую Россию» – 35,2; КПРФ – 2,4; «Яблоко» – 3,2; ЛДПР – 3,2; СПС – 14,4; против всех – 16,0; не голосовали бы – 8,8; затруднились ответить 4,8%.

Какие ценности предпочли студенты, отвечая на вопрос «Какое из перечисленных суждений Вам ближе всего?», иллюстрируют данные табл. 7.

Таблица 7

КАКОЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СУЖДЕНИЙ ВАМ БЛИЖЕ ВСЕГО?,
% ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ

Отсутствие частной собственности, равенство, справедливость и коллективизм могут обеспечить успешное развитие России в XXI в.	4,8
Главными ценностями государственного строительства должны стать крепкая семья, сильное государство, уважение к традициям	29,6
Важнейшими приоритетами государства должно стать обеспечение прав и свобод граждан	25,6
Государство должно обеспечить равенство стартовых возможностей граждан, создать условия для экономической, политической и духовной демократии	21,6
Коренной этнос должен определять принципы и правила государственного устройства и общественной жизни	2,4
Обеспечить порядок и гармоничное развитие страны может только морально и физически здоровая нация, чистоту которой нужно поддерживать, в том числе и путем ограничения прав и свобод национальных меньшинств	3,2
Ответ не указан	12,8
Всего	100,0

Среди политиков федерального уровня наибольшей популярностью пользуется В. В. Путин (36,8 % респондентов), на порядки опережая следующих за ним Е. М. Примакова и М. Касьянова (по 7,2 %). Среди региональных политиков лидирует А. Н. Ткачев (16,8 %).

По мере приближения к «заветной черте», т. е. диплому о высшем образовании, значительные изменения претерпевают представления студентов о том, кем же они будут работать после окончания вуза. Сравним ответы на три вопроса анкеты (табл. 8).

Таблица 8

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О БУДУЩЕМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАТУСЕ, % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ

Профессиональный статус	Кем вы видели себя после окончания вуза, когда поступали в университет?	Кем вы хотели бы работать после окончания вуза?	Кем вы будете работать (реально) после окончания вуза?
Менеджер политических компаний	12,8	12,8	5,6
Работник городской, районной администрации	15,2	14,4	12,0
Работник краевой администрации, депутат ЗСК	12,8	12,8	4,0
Политик федерального уровня	16,0	11,2	3,2
Функционер политической партии, общественно-политической организации	1,6	1,6	0
Педагог	1,6	0,8	0,8
Переводчик	1,6	0,8	0,8
Работник СМИ	4,0	4,0	1,6
Сфера бизнеса	0	6,4	9,6
Учеба в аспирантуре	0	7,2	5,6
Пока не ясен	23,2	6,4	36,8
Ответ не указан	11,2	17,6	0

Как показывают данные табл. 8, место работы, которое абитуриенты представляют себе наиболее реально, – это городская и районная администрации. За годы учебы существенно падает привлекательность занятия политикой на федеральном уровне. Если «увядание» амбиций по части политики на федеральном уровне можно считать объяснимым, то непонятно почти полное отсутствие амбиций в отношении политических партий и движений. В ходе опроса мы выявили, что в краевых отделениях крупнейших общероссийских партий работают два (!) сотрудника с базовым политологическим образованием. При этом за 11 лет существования кафедры политологии и политического управления ни один руководитель регионального отделения партий ни разу не встречался со студентами-политологами (если не считать того, что декан факультета А. М. Ждановский является членом политсовета «Яблока», а заведующий кафедрой В. М. Юрченко – заместителем председателя регионального отделения «Единой России»).

Студенты осознают, что существует дистанция между желаемым и возможным местом работы, особенно относительно таких позиций, как менеджер политических кампаний, работник краевой администрации и депутат ЗСК.

Особого внимания заслуживает графа «Не видел (не вижу) конкретного места работы» Большая часть абитуриентов и подавляющее большинство студентов *представляют себе*, где они смогут применить свои знания и умения после получения диплома о высшем образовании. Настораживает тот факт, что более трети (!) студентов *не знают, где они будут реально работать*.

Разницу между желаемой и действительной перспективой будущего трудоустройства студенты объясняют по-разному. Самая большая часть (44 %) полагает: «Для того чтобы получить желаемое место, нужно будет поработать, приобрести опыт и авторитет», 21,6 % считают главной

причиной отсутствия нужных знакомств, 4,0 % – отсутствие денег и 4,8 % – недостаток знаний.

Печально, что будущие специалисты, которым предстоит трудиться в условиях информационного общества, увы, пока не готовы к этому. 16 % респондентов имеют весьма общие представления не только о возможностях компьютера, но и о технологиях его использования. В том числе 4 % «знают как выглядит, но не знают, как включается компьютер», а 12 % не могут пользоваться им без посторонней помощи.

Овладение хотя бы одним иностранным языком – часть профессиональной подготовки современного специалиста. 11,2 % студентов отделения политологии оценили свой уровень владения иностранным языком как нулевой. 74,4 % считают, что они владеют (в разной степени) английским языком, 12,8 % – немецким, 4,8 % – французским. В то же время, по экспертной оценке преподавателей иностранного языка, большая часть студентов имеют завышенную самооценку своих знаний в этой сфере, и в лучшем случае 15–20 % студентов владеют языком на уровне, достаточном для профессиональной деятельности.

Что поделать, редко кто способен на объективную оценку, и студенты политологи – не исключение. Интересно, в чем видят они свои отличия от студентов других отделений и других факультетов университета? Все ответы на этот открытый вопрос мы разделили на три группы по критерию эмоциональной окраски (позитивные, нейтральные, негативные)*.

Позитивные качества-отличия политологов от студентов других специальностей (всего 131): более высокий уровень интеллекта (27), лучшая ориентация в политической ситуации (25), творческий склад ума (14), прагматизм, реальный взгляд на жизнь (18), умение говорить (8), будущая элита (7), комму-

* Перечислены лишь качества, упоминавшиеся более одного раза, в скобках указано количество упоминаний.

никабельность (6), активны политически (5), широкий спектр трудоустройства (5), аналитические способности (4), организованность (4), независимость (3), целеустремленность (3), уверенность (2).

Нейтральные отличия (всего 52): другой тип мышления (26), разносторонность, универсализм знаний (20), новизна специальности (6).

Негативные отличия (всего 8): меньшая степень подготовленности к практической жизни (2), слабая сплоченность (2), закомплексованность (2), изворотливость (2).

Правда, 19 респондентов (15,2 %) считают, что политологи ничем не отличаются от представителей других специальностей: «Студент есть студент».

Подводя итог анализа профессиональной социализации студентов отделения политологии, отметим ряд существенных моментов. Несмотря на некоторые проблемы, в целом *абитуриент* нашего отделения – благодатный материал для дальнейшей работы. Он амбициозен, имеет значительный лидерский потенциал, высокую потребность во власти и вполне конкретно представляет место будущей работы. Как правило, он выбирает будущую профессию целенаправленно, не прячась от конкурса или службы в армии. Это проявляется в активном чтении газет, журналов, посещении Интернет-сайтов, участии в общественно-политической деятельности. Главным каналом получения информации о будущей профессии являются родители и печатные издания факультета.

Исследования, подобные проведенному, жизненно необходимы для диагностики проблем и достижений, выбора направлений дальнейшего совершенствования работы. Более того, самооценка и способность к саморефлексии – это показатель определенного этапа развития организации, ее жизнеспособности и потенциала развития. Думается, что наше отделение и кафедра политологии и политического

управления эту способность демонстрируют.

Анализ профессиональной социализации политологов показал наличие некоторых *позитивных* моментов. Таких, например, как успешное устройство большинства выпускников по специальности, достаточно эффективное содержание учебного процесса, позитивная роль преподавателей в профессиональной подготовке, способствующая профессиональной атмосфере на отделении. Все это влияет на высокую самооценку выбранной специальности и формирование устойчивой мотивации связать с ней свое будущее, карьеру.

Однако существует ряд *проблем*, связанных с процессом профессиональной социализации. Практически не работают такие институты и агенты социализации, как школа и учителя. «Прорехи» в организации учебного процесса затрудняют процесс профессионального становления. Одной из самых существенных проблем является недостаток практической направленности в содержании и методах преподавания многих предметов профессиональной подготовки. Это находит отражение в отсутствии у студентов достаточных навыков практической деятельности, поиска информации в СМИ (культуры чтения газет), нечеткой политико-идеологической самоидентификации и невысокой политической активности.

Решение этих и других проблем, выявленных в ходе исследования, приведет к значительному увеличению ресурсов развития отделения, повышению качества профессиональной подготовки.

В рейтинге Минвуза РФ по специальности «Политология» КубГУ занимает достойное четвертое место (опережая таких известных политологических «грандов» как РГУ, ГУ-ВШЭ). Хочется надеяться, что проведенное исследование – одна из страничек путеводителя к вершинам рейтинга.

ASPIRANTIUM
OPERA

НЕКОТОРЫЕ
АСПЕКТЫ
ФЕНОМЕНА
ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

А. В. БУРМИСТРОВА

ПРОБЛЕМЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИРОДО-
ПОЛЬЗОВАНИЯ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ

В. С. ДОРОФЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

А. В. Бурмистрова

Психологию среды прежде всего интересуют проблемы пространственного поведения — то, как люди используют пространство в качестве средства для регулирования социального взаимодействия. Эта проблема рассматривается в связи с такими основными феноменами, как «прайваси».

Перевод английского слова «privacy» представляет определённые трудности вследствие отсутствия в русском языке адекватной лексической единицы. Примером сложности при его переводе может служить табличка на дверях апартаментов в российских гостиницах, которая содержит надпись на двух языках: «Privacy — Просьба не беспокоить». Она предупреждает о том, что не следует вторгаться в личную жизнь, которая закрыта за этой дверью. Слово «privacy» можно переводить по-разному, в зависимости от контекста, и, к сожалению, всегда при этом необходимо задействовать более чем одно слово.

Различные авторы и источники одинаково часто используют для перевода слова «privacy» два словосочетания — «личная жизнь» и «частная жизнь». В области психологии (науки о личности) представля-

ется более обоснованным использование однокоренного слова к слову «личность», т.е. «личная жизнь». Личная жизнь – это собственная жизнь отдельно взятой личности.

Английский толковый «Словарь XXI века» интерпретирует слово «privacy» как свободу от посягательств других людей, понимаемую как право личности; чьё-либо право на это; уединённость (пер. наш. – А. Б.) [6].

Англо-русские словари [2, 8] дают следующие возможные переводы слова privacy:

privacy сущ. 1) уединение, уединенность;

privacy was impossible — было невозможно побыть одному;

to violate smb.'s privacy — нарушить чье-л. уединение;

invasion of one's privacy — вмешательство в чью-л. личную жизнь;

there is no privacy in a hostel – в общежитии трудно жить своей жизнью;

2) загадка, секрет, секретность, тайна;

in the privacy of one's thoughts — в глубине души;

3) частное дело.

Возникает вопрос, почему так трудно найти адекватный перевод этого слова в русском языке; является ли это следствием того, что понятие «прайваси» чуждо русской культуре и русской ментальности. Пример из СМИ показывает, что переживание прайваси отнюдь не чуждо нашим согражданам. Более того, явления, попадающие в сферу прайваси, подчас могут стать серьёзной социальной проблемой, не считаться с которой нельзя. Примером может служить дискуссия, вызванная намерением предприятия – монополиста электросвязи ввести повременную оплату услуг телефонной связи: «Как известно, каждый четвёртый краснодарец – пенсионер. Для этой категории граждан, как и для инвалидов, ограниченных в возможностях передвижения, «повременка» может иметь

непоправимый социально-психологический эффект... В письмах и обращениях в администрацию города они расценивают «поврежёнку» как вмешательство в их частную жизнь и прямое оскорбление» [3].

Подобные примеры подтверждают важность такого психологического переживания, как прайваси, в жизни личности и необходимость изучения этого феномена. По словам известного средового исследователя А. Альтмана, «процесс регуляции прайваси... столь центральный в жизни человека, что предполагается его существование во всех культурах. Без способности к этому человеческое существо, кажется, не может выжить психологически, а может быть, и физически» [5]. Он предложил обозначить понятием «прайваси» «избирательный контроль над доступом к Self» [5]. Признание важности вклада Альтмана в этом направлении практически единодушно в публикуемой в последнее время литературе. Согласно его теории, прайваси, поведение человека, обусловленное чувством прайваси, – это те способы, к которым прибегают люди для того, чтобы делать себя психологически более или менее доступными для других. Их можно рассматривать как сообщения, посредством которых они информируют о своей открытости / закрытости для других. Сосуществование и поляризация этих двух тенденций определяют специфическую позицию индивидуума в социуме, поэтому Альтман в своём определении называет прайваси «избирательным контролем». Личность сама выбирает, по отношению к кому она будет открытой, а к кому – закрытой.

Прайваси ассоциируется со стремлением человека сохранять конфиденциальность информации, касающейся его личной жизни. Так, например, не принято спрашивать человека о размере его заработной платы. Такой вопрос считается дурным тоном. Как подчёркивали Дж. Рассел и

Л. Уард, «многие значения, приписываемые прайваси в имеющейся литературе, ассоциируются с понятиями уединённости, анонимности, интимности, секретности и конфиденциальности» [7].

Основной интерес недавно начавшегося в Кубанском государственном университете исследования направлен на изучение различных аспектов индивидуальных переживаний прайваси. В исследовании были поставлены следующие задачи:

- определить содержание, которым наполняется понятие «личная жизнь» в сознании молодых россиян;
- проанализировать и выделить типы объектов личной жизни в зависимости от распространённости исследуемого феномена на различные сферы бытия;
- получить представление об удовлетворённости потребности в личной жизни в условиях дома и университета среди студентов;
- исследовать связь удовлетворённости в личной жизни с уровнем субъективного контроля личности.

В качестве основных методов использовались письменный опрос и метод исследования уровня субъективного контроля [1]. Данные обрабатывались методами контент-анализа, категоризации, ранжирования.

В ходе опроса 40 студентов 3–4-х курсов отделений психологии и биологии высказали своё мнение о феномене личной жизни. В общей сложности получено 55 определений личной жизни, которые по содержанию были сгруппированы следующим образом:

- 1) 17% – «пространство, связанное с друзьями, семьёй, увлечениями, досугом», она «не связана с профессиональной деятельностью (отдых, свободное время, общение с близкими людьми)», «это сфера деятельности, находящаяся вне обязательной деятельности (работы, учёбы)»;

2) 18% – «то, что касается только меня и куда никто не может вторгаться без моего разрешения», «сторона жизни, недоступная для других лиц», «этим не владеет никто, кроме самого человека; даже самый близкий человек не имеет права на это покушаться»;

3) 11% – «все процессы, события, происходящие с конкретным человеком, всё, что касается только его», «это то, что принадлежит самому человеку, то, что сформировалось в ходе развития человека»;

4) 10% – «это мои дела и мои личные проблемы, которые смогу решить сама», «это мои личные секреты, не касающиеся всех и вся в этом мире, забота о самой себе», «это то время, когда я могу заняться собой, своими проблемами, мыслями», «личное мнение, возможность самому решать свои проблемы так, как считаешь нужным»;

5) 10% – «эмоциональная жизнь (любовь, дружба)», «личные переживания», «мой внутренний мир, многое из того, что я чувствую, переживаю», «внутренний мир + связи с другими людьми»;

6) 5% – «это я», «это я сама», «это та сфера жизни, где человек проявляет себя таким, какой он есть на самом деле, где он может не играть ролей, не носить масок»;

7) 5% – «интимная жизнь», «интимные отношения с противоположным полом»;

8) 3% – «это моя территория, с определёнными границами, которые постоянно расширяются», «это мои чёткие биологические и социальные границы».

Первая, наиболее многочисленная группа респондентов склонна разграничивать личные и профессиональные интересы и разделять личную жизнь лишь с достаточно узким кругом людей: «семья, близкие друзья, дом», «жизнь в семье, общение с друзьями, жизнь вне работы, служебных отношений», «ближайшее окружение (семья, друзья)», «ко-

гда нахожусь с близким, родным человеком; личная жизнь не может протекать в официальной обстановке». Таково мнение большинства. И хотя профессиональная деятельность является частью бытия личности и стремление личности к созиданию аутентичного бытия не может не затрагивать его профессиональных аспектов, студенты недооценивают важность личностного вклада в общее дело, в учебный процесс, в профессиональную деятельность. В свете последних тенденций экономического развития России бурно растёт класс мелкого и среднего бизнеса. И если учесть, что рабочее время предпринимателя ограничено практически только перерывом на сон, то разделение личного и профессионального не представляется возможным. В то же время в студенческой среде звучат утверждения: «Жизнь перестаёт быть личной, когда появляются обязательства и подотчётность, когда она начинает принадлежать организации, ассоциации, семье, партии». Не менее интересно и другое определение личной жизни: «Это отсутствие мужа, детей и возможность зависеть только от себя». Это уже другая крайность.

Мнение второй группы респондентов выражает аналогичное в англосаксонской культуре понимание личной жизни как «неприкосновенной стороны человеческой жизни», «где я делаю то, что хочу, и никто не вправе мне указывать и вмешиваться в мою жизнь». Такое понимание диктует определённые нормы регламентации межличностного общения: «человек решает, кто и как может вмешиваться в его жизнь», «это отношения, которые малодоступны вторжению незнакомых людей», «это та жизнь, на которую ближайшее социальное окружение не должно воздействовать». Эта группа определений характеризует респондентов как носителей менталитета европейского типа.

Третья группа определений подчёркивает динамику фе-

номена личной жизни, его привязанность к общим процессам развития личности.

Изрядная доля индивидуализма содержится в определениях четвертой группы. При рассмотрении определений пятой группы (аффективная сфера) становится очевидной ограниченность представлений о личной жизни человека, отражающих позицию «Я в мире», либо «Я и мир». Более многогранная позиция «Я – миру» была выражена лишь в одном определении личной жизни: «Взаимоотношения человека с миром, самим собой и другими людьми; его ориентации, приоритеты, взгляды и мнения; способность дополнять жизнь других».

Шестая группа опрошенных выразила в своих определениях тенденцию к сохранению целостности и аутентичности личности.

Определения последней группы подтверждают концептуальную связь между феноменами прайваси и территориальности.

Таким образом, включение респондентами различных сфер бытия, других людей и явлений в исследуемое понятие даёт основания для категоризации объектов личной жизни человека: «самость», персональное пространство, дом, семья, друзья, интимная жизнь, внутренний мир, аффективная сфера, когнитивная сфера, профессиональная сфера, частная собственность, досуг.

Стоит заметить, что лишь один респондент трактует это понятие так, как оно определено в английском толковом словаре [2], а именно как право человека на личную жизнь: «Это право совершать то, что считаешь нужным, то, что необходимо именно тебе; это твоё право на самостоятельность, на закрытость от других; это, конечно, ответственность за самого себя». Этот одинокий голос заставляет задуматься о причинах недостаточной развитости правового

сознания молодых россиян. На момент опроса никто из респондентов не знал, что право человека на неприкосновенность личной жизни записано в Конституции государства, в Уголовном кодексе и других законах. Отрадно, что о повышении правового сознания в этой сфере заботится президент России: «Путин запретил во время переписи вмешиваться в частную жизнь. Президент назвал незаконными любые попытки во время переписи собрать какую-либо дополнительную информацию. Выступая на расширенном заседании Госкомиссии по проведению всероссийской переписи населения 2002 г., президент России заявил, что важнейшая задача организаторов этой акции – «гарантировать соблюдение прав граждан, в том числе на неприкосновенность частной жизни» [5].

Вернёмся к исследованию ценностей, которые молодые россияне относят к сфере личной жизни. Их список замыкают звучащие в духе демократических веяний одиночные мнения о личной жизни как о свободе выбора, а также мнение, относящее к сфере личного материальные ценности, чувство собственности: «Это мои деньги, моя квартира».

Выявленные в ходе опроса мнения явно свидетельствуют о том, что в российской ментальности достаточно широко представлено понимание такого важного феномена, каким является личная жизнь человека. В сознании россиян оно включает ряд компонентов, насыщенных глубокими личностными смыслами. Поскольку русская культура является частью общеевропейской культуры, то кросскультурное сравнение позволило обнаружить определённые сходства и характерные отличия в понимании феномена личной жизни носителями российской ментальности. К отличиям относятся явная ориентация на семейные ценности, отделение сферы личного от сферы профессиональной деятельности. Последнее заставляет задуматься о наличии серьёзной про-

блемы и возможных последствиях такого разделения. Вместе с тем тенденция к отстаиванию права на неприкосновенность личной жизни и индивидуалистические тенденции позволяют говорить о представленности общечеловеческих ценностей в русской ментальности.

В опроснике студентам также было предложено составить ряд ассоциаций, возникающих в связи с понятием «личная жизнь». Общее количество ассоциаций составило 118 (данные отражены в табл. 1).

Таблица 1

АССОЦИАЦИИ С ПОНЯТИЕМ «ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ»

Ассоциативный ряд	% от общего числа
Интимность, близость, сфера интимных переживаний	13
Конфиденциальность, секретность, неразглашение, тайна	11
Закрытость, намеренная отгороженность, обособленность, намеренно изолированное бытие моей души, ограниченный доступ, запретность	11
Доверие, доверительность, искренность	11
Безопасность, защищённость	6
Неприкосновенность, невмешательство	6
Уединённость, положительно окрашенная уединённость, одиночество, немногочисленность	5
Любовь, желание, страсти	5
Свобода, максимально возможная свобода, свобода мнений, мыслей, чувств, свобода выбора	4
Индивидуальность, уникальность	3
Спокойствие, покой	3
Удовлетворённость, удовлетворённость жизнью, событиями	2
Значимость, важность	2

Дополняют понятие «личная жизнь» такие ассоциации, как «принятие», «уважение», «целостность», «ответственность», «общность интересов», «гармония», «чистота»,

«доброта», «уют, комфорт», «эмоциональность», «насыщенность», «яркость» и др.

Нельзя не заметить позитивной окрашенности ассоциаций, возникающих в связи с понятием личной жизни. Это позволяет предположить, что организация пространства различных типов сред с учётом потребности пользователей в поддержании необходимого уровня прайваси может иметь значительный психотерапевтический эффект.

Убедиться в том, что понятие личной жизни – явление, не новое в русской культуре, нам поможет устное народное творчество, где в застывшей форме пословиц, поговорок, фразеологизмов хранятся и по сей день употребимы те из них, которые отражают сложившиеся представления русского народа о феномене личной жизни. Студентам было предложено привести такие примеры, которые, на их взгляд, связаны с исследуемым понятием. Подсчёт частотности упоминания тех или иных пословиц и выражений показал достаточно иллюстративные результаты.

Предпочтение было отдано двум пословицам. 9 % опрошенных привели в качестве примера пословицу «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», которая подчёркивает уважение и принятие личной жизни других людей. Так же часто (9%) студенты ссылались на пословицу «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали», что в шутливой форме, но совершенно определённо указывает на караемость действий, связанных с вторжением в чью-либо личную жизнь. 7 % студентов упомянули поговорку «Не выноси сор из избы», устанавливающую некие неписанные правила неразглашения информации, известной лишь узкому кругу лиц.

5 % группы привели пословицу «Мой дом – моя крепость», которая по значению схожа с английской пословицей «Дом англичанина – его крепость».

Ещё 5% респондентов записали устойчивые обороты, к помощи которых они прибегают в повседневной жизни при регулировании прайваси: «это моё личное дело»; «личное дело каждого» и т.п.

По 4% приходится на каждую из перечисленных далее пословиц и поговорок, которые, по мнению опрошенных, отражают понятие личной жизни: «На чужой каравай рот не разевай» (вариант «На чужой хопок не разевай роток»); «Чужая душа – потёмки»; «Моя хата с краю – ничего не знаю»; «Милые бранятся – только тешатся».

Среди других упомянутых выражений можно отметить цитату из песни Высоцкого «Я не люблю, когда мне лезут в душу» и английское выражение «Mind your own business» («занимайся своим делом», т.е. «не лезь в чужое»).

Анализ содержания пословиц, поговорок и устойчивых выражений показан в табл. 2.

В общей сложности 56 пословиц, поговорок и устойчивых выражений опрошенные связывают с феноменом личной жизни. Следует заметить, что при опросе студенты не пользовались справочной литературой, а приводили примеры по памяти, обращаясь к своему личному опыту. Это позволяет сделать вывод о том, что в жизни современного российского общества тема личной жизни звучит достаточно часто, а в обыденном сознании россиян закреплены этические нормы, регламентирующие социальные контакты в соответствии с правом каждого на личную жизнь.

По ответам об удовлетворенности потребности в личной жизни во время нахождения дома и в стенах университета, оказалось возможным выделить две группы студентов: «удовлетворенных везде» и «неудовлетворенность нигде».

Таблица 2

Пословицы, поговорки, устойчивые выражения
русского языка, отражающие понятие личной жизни

Основные тенденции	Примеры, приводимые респондентами	% от общего числа
Личная жизнь одного человека заканчивается там, где начинается личная жизнь другого	«Не лезь в мою жизнь», «Тебя это не касается», «Сам себе голова», «Чужая душа – потёмки», «На вкус и цвет товарищей нет», «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» и др.	30
Семейная сфера	«Чужая семья – тёмный лес», «Две собаки грызутся – чужая не суйся», «Милые бранятся – только тешатся»	27
Частная собственность	«Не лезь в чужой огород», «Не зарься на чужое», «Мой дом – моя крепость»	20
Предпочтение ценностей, связанных с позитивными личными переживаниями, материальным ценностям	«Не в деньгах счастье», «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей», «Не нужен клад, когда в семье – лад»	7

В итоге были выделены две полярные группы, для которых рассчитаны средние значения УСК по семи шкалам [1]:

1) студенты, полагающие, что их потребность в прайваси удовлетворена и дома, и в среде университета (4 балла – 15 опрошенных);

2) студенты, считающие, что их потребность в прайваси остаётся неудовлетворённой как дома, так и в среде университета (0 баллов – 3 опрошенных).

Наибольшие различия среднеуровневых значений были зафиксированы по шкалам общей интернальности, интернальности в области неудач и в области межличностных отношений.

Дополнительно проведённые индивидуальные беседы подтвердили, что студенты с низкими показателями уровня субъективного контроля испытывают определённые трудности в достижении желаемого уровня приватности в своих ежедневных контактах с окружающими и осознают этот факт как личную проблему неумения быть аутентичными, отстаивать свои личные интересы, сохранять личностную целостность и нерушимость границ своего персонального пространства. При этом они остро переживают вторжения «непрощенных гостей» в свою личную жизнь и признают, что не могут найти объяснения всем этим явлениям.

Основываясь на данных, полученных в ходе исследования, возможно ведение коррекционной работы, направленной на фасилитацию регулирования необходимого уровня приватности, на реализацию права на личную жизнь, создание аутентичного жизненного пространства.

Библиографический список

1. Бажин Е.Ф., Гольпкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3.
2. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53 000 слов. 20-е изд., стереотип. М., 1985.
3. Открытое письмо главы администрации г. Краснодара Н. В. Приза генеральному директору ОАО «Южная телекоммуникационная компания» В. Л. Горбачёву // Краснодарские известия. 2002. 26 апр.
4. Altman I. The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territoriality and Crowding. Monterey, 1975.
5. Chambers 21st Century Dictionary / Ed. by M. Robinson. Chambers Harrap Publishers Ltd., 1999.
6. Russell J.A., Ward L.M. Environmental Psychology // Annual Review of Psychology. 1982. № 33.
7. Wilson E.A.M. The Modern Russian Dictionary For English Speakers: Oxford, 75000wds. M., 1982.
8. Путин запретил во время переписи вмешиваться в частную жизнь // www.lenta.ru (29 апр. 2002 г.).

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В. С. Дорофеев

Одним из главных вопросов в области природных ресурсов на сегодняшний день является усовершенствование механизмов регулирующих природопользование на региональном уровне. К сожалению, современное состояние федерального законодательства и договор о разграничении полномочий в области недропользования с федеральным центром не позволяют исполнительной власти края в полной мере использовать экономические возможности местной минерально-сырьевой базы. Это может быть реализовано лишь в случае стоимостной оценки полезных ископаемых в активах региональной собственности. Тогда появляется реальная возможность у исполнительной власти использовать эти природные ресурсы в качестве долевых, залоговых и страховых фондов или сохранить их для будущих поколений. Вопрос о собственности на природные ресурсы относится к числу очень сложных. В практике государственной деятельности все природные ресурсы включаются в собственность государства. В исключительном ведении Российской Федерации находятся ресурсы морской экономической зоны и континентального шельфа. В соответствии с законодательством общераспространенные полезные ископаемые находятся в ведении краевых и муниципальных органов власти. Все остальные природные ресурсы попадают под совместное ведение Российской Федерации и ее субъекта. В настоящее время образовался глубокий разрыв между конституционными принципами собственности на природные ресурсы и фактическим положением дел. Для большинства субъектов федерации в

отношении природных ресурсов понятие собственности либо существует чисто формально, либо не существует вообще. По мнению большинства экспертов, совместное ведение Федерации и ее субъектов по использованию природных ресурсов решается стихийно и является предметом политических торгов, противоборства естественных монополий и региональных промышленно-финансовых групп, что явно не способствует укреплению российской государственности. Для разрешения этой ситуации в период становления переходной рыночной экономики в ближайшие 15–20 лет земля и другие природные ресурсы страны должны являться государственной собственностью, общей для Российской Федерации и ее субъектов. Форма владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, а также принципы распределения доходов от их эксплуатации должны устанавливаться совместными решениями органов власти Российской Федерации и ее субъектов. Лицензирование почти 2 тысяч объектов недропользования в Краснодарском крае в период 1994–1997 гг. выполнено без экономического анализа бюджетной эффективности от деятельности недропользователей. В результате этого перестало существовать государственное регулирование спроса и предложений на сырьевом рынке Краснодарского края. Получение лицензий на добычу полезных ископаемых в крае осуществлялось без учета местных потребностей в сырье.

Утрачены социальные гарантии развития отрасли. Однако люди продолжают работать. Если приостановит свою работу краевое государственное предприятие «Кубаньгеология», то останутся только частные предприятия, которые не в состоянии обеспечить серьезные исследования недр.

Товарная стоимость недр Краснодарского края оценивается в 404 млрд дол. Из них примерно 5 млрд приходится на нефть и газ. При этом уникальный ресурсный потенциал

края для стабилизации экономической ситуации полностью не используется, динамика показателей наполнения бюджета за последние годы имеет устойчивую тенденцию к снижению. Прежде всего это обусловлено тем, что ведущая нефтяная компания края «Краснодарнефтегаз» перестала самостоятельно продавать нефть, и это право, равно как и прибыль, перешло центру. Сегодня на Кубани 2100 недропользователей. Их вклад в бюджет края составляет около 20 %, из них 90 % поступлений приходится на эксплуатацию месторождений нефти и газа. Состояние отрасли неразрывно связано с изменениями в стране. Экономические последствия стали результатом непродуманных политических решений, разрушительных для всей страны. Поспешная приватизация геологических, добывающих и перерабатывающих предприятий, бесконтрольное формирование в корпоративных интересах ресурсного рынка для получения сверхприбылей в короткие сроки, отсутствие государственного контроля тарифной политики естественных монополий привели в конечном итоге к развалу промышленности.

Для стабилизации положения в отрасли необходим ряд мер. В первую очередь в новых условиях нужно научиться по-новому мыслить. Необходим новый подход к освоению природных ресурсов, развитию производительных сил и созданию краевой государственной ресурсодобывающей собственности. Ее базу должны составить реальные инвестиции, обеспечивающие максимальную экономическую эффективность. Поскольку имеющиеся в крае природные ресурсы (нефть, газ, соль, йод, апатиты, бальнеологические грязи, минеральные воды) обладают гарантируемой инвестиционной емкостью и ликвидностью (в том числе валютной), их освоение должно создавать мультиплицирующий экономический и социальный эффект. Прежде всего, это организация новых рабочих мест, наполнение бюджетов

различных уровней, повышение инвестиционной привлекательности региона. Насколько решаемы эти вопросы в нашем регионе? Перспективы стабилизации социально-экономического положения в крае связаны с развитием традиционных отраслей экономики при освоении местных природных ресурсов. И, несомненно, они будут востребованы в ближайшие годы. Минерально-сырьевые ресурсы Кубани в значительной мере обеспечивают региональные потребности. По отдельным полезным ископаемым край может не только удовлетворять федеральные нужды, но и успешно конкурировать на мировом рынке. Речь идет о таких ископаемых, как подземные питьевые, термальные, минеральные и промышленные воды (в первую очередь йодные), агрономические руды, каменная соль, сырье для производства цемента, нефть и газ, бальнеологические грязи, ртуть, строительные материалы.

К перспективным направлениям наращивания запасов нефти и газа и создания интеграционных схем их освоения совместно с соседними государствами относятся программы дальнейшего изучения газонефтяных структур на шельфе Черного и Азовского морей. Внедрение современных технологий при эксплуатации месторождений углеводородов, термальных вод, гидроресурсов, ветрового и солнечного потенциала Кубани позволит использовать их для создания в будущем источников нетрадиционной местной энергетики.

**ЛАУРЕАТЫ
СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**ПРОБЛЕМА
ЭТНИЧЕСКОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ
В МОЛОДЕЖНОЙ
СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДА
КРАСНОДАРА)
Т. В. Устюгова**

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ПОСТКОМУНИСТИ-
ЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ
УКРАИНЫ И ГРУЗИИ
1991–2002 гг.)
О. А. БОРИСКО**

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (на примере г. Краснодара)

Т. В. Устюгова

Понятие «толерантность» как абстрактно-философская категория приобрело ярко выраженный практический характер. Толерантность переводится как «терпимость». Очевидно, что без культивирования толерантности возможно уничтожение разных цивилизаций, культур, исчезновение социальных и этнических групп. Проблема толерантности – одна из наиболее сложных и противоречивых. Толерантность не означает отказа от собственных взглядов. Наиболее удачна, на наш взгляд, трактовка толерантности как расширения собственного опыта и критического диалога [2, с. 15]. Толерантность свидетельствует об открытости участников диалога об их «взаимопроницаемости» [1, с. 33].

В современном мире проявления этнической нетерпимости не уменьшаются, но растет и понимание того, что от степени распространения толерантности во многом зависит политическая стабильность общества. Однако в повседневной жизни терпимость часто рассматривается как отношение неравенства, при котором являющиеся объектом толерантности группы или инди-

виды ставятся в униженное положение.

Нас интересует вопрос, какие этнические стереотипы бытуют в студенческой среде Краснодара и каково «этническое наполнение» политических граффити, маркирующих пространство Краснодара. Обе проблемы рассматриваются в контексте явления «толерантность – интолерантность», поскольку, с точки зрения автора, этнические стереотипы и содержание того, что люди пишут, например, на заборах служат достаточно надежным показателем благополучия / неблагополучия в сфере межэтнических отношений (среди политических граффити мы выделили этнические).

Толерантность необходима для того, чтобы избежать разобщенности, раскола общества, взаимной агрессии. Толерантность – многоуровневое и полисубъектное понятие. Как об относительно самостоятельном виде можно говорить о существовании межэтнической толерантности. Не вдаваясь в споры о природе и границах этничности, считаем возможным трактовать межэтническую толерантность как терпимость к различным этническим культурам.

В современном мире повсюду дает о себе знать антипод толерантности – интолерантность. Всякого рода нетерпимость – это стремление подавить все, что не вписывается в раз и навсегда установленные рамки, идет вразрез с принятыми догмами.

По мнению Г. У. Солдатовой, состояние межэтнической интолерантности может вызвать, например, представление о неблагоприятных внешних условиях как ущемляющих интересы этнической группы [3, с. 16]. Разобраться в механизме формирования подобных представлений достаточно сложно: они могут вызываться как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

В таком полиэтничном обществе, как российское, этническая толерантность приобретает особое значение. Людям

свойственно ожидать угрозу со стороны «чужаков», что повышает уровень интолерантности. Эта тенденция особенно проявляется в наши дни, что, несомненно, является тревожным фактором при развитии конфликтных ситуаций. «Отношение к другим как к «чужакам» означает существование пределов взаимопонимания, отражающих различия в суждениях, ценностях, способах поведения» [3, с. 23].

По данным эмпирических исследований, образование негативного этнического образа совпадает с осознанием ситуации как конфликтной, в связи с чем растет непонимание между народами. На этом этапе одно из главных мест в структуре этнической идентичности занимают этнические образы. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу: межэтническая толерантность является результатом политической социализации. Индикаторами межэтнической толерантности служат этнические стереотипы и политические граффити. Для подтверждения данной гипотезы автором было проведено исследование этнических стереотипов в студенческой среде г. Краснодара (2001 г.) и политических граффити.

Среди индикаторов межэтнической толерантности (2002 г.) нами были выделены этнические стереотипы и политические граффити.

Существует несколько определений стереотипов. Согласно одному из подходов, стереотип представляет собой односторонний, преувеличенный и, как правило, основанный на предубеждении взгляд, свойственный социальной, этнической группе или классу. В последнее время этнические стереотипы стали рассматриваться не как плохие или хорошие, а как естественные и закономерные элементы самосознания.

Этнические стереотипы как образы этнических общностей отражают в трансформированном виде объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и отношения между ними.

На стереотипы оказывают влияние реальные межэтнические отношения. От характера отношений – сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные «измерения» стереотипов: содержание, направленность, степень благоприятности и их истинности. В случае конфликта между группами строятся их полярные образы, когда себе приписываются только позитивные качества, а «врагам» – противоположные, негативные.

Автором было проведено пилотажное социологическое исследование этнических стереотипов, объектом которого стали студенты трех вузов г. Краснодара (Кубанского государственного университета, Кубанского государственного аграрного университета и Кубанского государственного университета культуры и искусств), и проанализированы политические граффити г. Краснодара в 2001–2002 гг.

Как показали исследования, граффити вообще, и особенно политические, определенным образом маркируют городское пространство. Популярностью пользуются места вдоль трамвайных линий, на заборах и стенах домов. Авторы этих надписей не скрывают своих вполне определенных целей.

В результате есть высказывания, по форме относящиеся к граффити, а по содержанию и функциям более близкие к разряду лозунгов, листовок и призывов.

Ответить на вопросы, кто писал эти надписи и кто их читает, представляется достаточно трудным. Неопределенность адресата и адресанта следует считать специфической характеристикой граффити вообще и политических в частности. Когда группа чувствует какую-либо угрозу, она репрезентирует себя и/или объект этой угрозы. Среди политических граффити г. Краснодара можно выделить граффити, содержащие этнический образ: *этнически обобщенные* и *этнически конкретные*. Интерес представляют также *рифмованные надписи*.

Трансформация этнических стереотипов в предубеждения и предрассудки, увеличение психокультурной дистанции являются основными для изменения этнического самосознания по типу гиперидентичности. Это определяет снижение уровня этнической толерантности народов. Как показало исследование, проявляется это в возникновении политических (этнических) граффити.

Толерантность должна выступать как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций (и даже в некоторой степени изменение индивидуальной и культурной идентичности) в результате критического диалога, отказа от индивидуального и культурного своецентризма. Необходимо перейти на путь компромиссов и договоренностей, самоизменения и совместного решения тех трудностей, с которыми столкнулась в своем развитии современная цивилизация. Понятно, что практическая реализация данного проекта – дело очень сложное. В этом и заключается драматизм современной ситуации.

В заключение следует сказать, что для формирования человека, толерантного по отношению к иным этническим культурам, важнейшими институтами являются семья и школа. Поэтому пропаганда идей толерантности должна быть направлена главным образом на них. А поскольку молодежная среда наиболее уязвима в кризисные периоды развития общества, то при спорах о концепции молодежной политики следует учитывать, что пропаганда идей терпимости должна вестись и в молодежной среде.

Библиографический список

1. Лекторский В.А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 34.
2. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. № 1.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ в 1991–2002 гг. (на примере Украины и Грузии)

О. А. Бориско

Процесс демократизации, начавшийся после крушения коммунизма в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе, характеризуется определенными сложностями. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, нет ни модели, ни направляющей концепции, на основе которых можно было бы приступить к решению задачи. Во-вторых, не все бывшие коммунистические страны находятся на одном и том же этапе процесса преобразований, и не все они проходят те или иные этапы в одинаковом темпе. В-третьих, демократическое движение не является ни всеобщим, ни одинаково успешным: «Оно обходит стороной некоторые страны с авторитарным, или полудемократическим режимом; в других странах это движение может быть задушено в зародыше, в третьих – могут избрать путь демократического развития, но вскоре отказаться от него» [12, с. 62].

Многие исследователи сходятся во мнении, что целесообразно выделить несколько этапов перехода к демократии. Первая фаза следует сразу после падения коммунистической системы. Она охватывает объединенные усилия, направленные на реформирование высших структур власти. Во всех странах, которые пошли по пути демократизации, была уничтожена однопартийная государственная и политическая системы, произошло устранение деспотического государственного контроля, введение свободы печати и было положено начало образования демократической

коалиции, ставящей себе целью перемены [12, с. 24].

Успех первого этапа создает стартовую площадку для второго этапа. Принятие новой конституции и утверждение новой избирательной системы, проведение выборов, введение децентрализованного регионального самоуправления, а также создание стабильной демократической коалиции (новой политической элиты) — все это обеспечивает наполнение общества демократическими процессами, целью которых является становление действенной демократии в институциональной форме [13, с. 24].

Только при условии успешного завершения этого этапа может начаться третий этап, на котором всеобъемлющие демократические институты и процессы начнут принимать по-настоящему прочный, необратимый характер. На этом этапе сформируются устойчивые демократические партии и появится демократическая политическая культура наряду с независимой судебной и правовой культурой [13, с. 24].

Понятно, что во всех странах данные процессы идут неодинаково. Это зависит и от старых политических систем стран (они были похожи, но не одинаковы), и от факторов, которые либо препятствуют, либо благоприятствуют установлению демократии.

Проследим, как развивались политические системы, на примере стран СНГ, Грузии и Украины.

Украина и Грузия вовлечены в общемировые процессы, поэтому необходимо учитывать не только внутренние, но и внешние факторы, влияющие на формирование и развитие их политических систем. Важнейшими из них сегодня являются те оставшиеся принципы организации системы, имевшиеся в бывшем СССР. Наряду с этим важны отношения государств с другими членами мирового сообщества, это делает возможным использование многих достижений мировой демократии.

Мы хотели бы рассмотреть два наиболее важных фактора: наследие советской политической системы и международный фактор.

Конечно же, политические системы Украины и Грузии (институты политической власти, политические нормы, политическая культура) не могли возникнуть из ничего. Некоторые нормы и принципы развития, оказавшись совсем новыми, только начали приживаться и осваиваться населением. В начале 1990-х гг. был провозглашен принцип плюрализма мнений, взглядов, хотя на деле вследствие неготовности систем к резким переменам этот лозунг остается лишь красивыми словами. Появилось множество партий, не определивших свои позиции, часть из них прекратила свое существование, это тоже следствие бывшей системы, в которой была одна партия.

В потенциальной форме вся специфика последующей политической жизни уже присутствовала в доперестроечный период. Специфическое украинское восприятие своего положения в союзном государстве, особенности национального самосознания и содержания национальной исторической памяти, своеобразные и глубокие региональные различия — все это готово было прорваться наружу, быть перенесенным на «историческое полотно». И в какой-то минимальной степени эти особенности пробивают себе дорогу, находя еле заметное, но все же реальное политическое выражение в позднесоветскую эпоху. В Грузии на протяжении всего пребывания республики в составе СССР были противники такого положения, итогом стало усиление движения за выход Грузии из состава союзного государства в 1980-е гг.

В горбачевскую эпоху возникли массовые движения вокруг не политических, но наполненных скрытым антисоветским содержанием требований (экологическое, охраны

памятников). Далее начинают оформляться широкие демократические движения, внешне в поддержку политики партии, направленной на перестройку, фактически же – все более нацеленные на приход к власти.

В большинстве своем нынешняя политическая элита двух стран – это бывшая номенклатура, сформированная на принципах коммунистического тоталитаризма, но сохранившая ключевые позиции в обществе.

Социальная маргинальность и люмпинизированность посткоммунистического общества, неопределенность и слабость социальных интересов, то, что оставила после себя коммунистическая система, обуславливают, с одной стороны, абсентеизм, политическую индифферентность, а с другой – колебания в настроениях электората при выборе моделей развития.

Украина и Грузия находятся в центре мирового движения демократизации, и на них не могут не воздействовать процессы, происходящие в странах, провозгласивших путь на установление демократии. Эти страны не должны оказаться в стороне от процессов, происходящих в странах Восточной и Центральной Европы и бывшего Советского Союза.

Россия заинтересована в налаживании добрососедских отношений с этими странами. Мы обращаем внимание на отношения Украины и Грузии со странами Запада. Улучшение отношений с Западом, по мнению Яна Бжезинского, позволит Украине увереннее регулировать свои, временами натянутые, отношения с Москвой [22, с. 77]. Грузия тоже не может окончательно определиться в выборе союзников, это подтверждают неровные отношения государства с Россией и бывшими республиками Советского Союза.

В 1990-е гг. в этих странах получает развитие новая система государственных органов власти. Единственным органом законодательной власти Украины является парламент – Вер-

ховная Рада, которая состоит из четырехсот пятидесяти депутатов, избираемых населением на четыре года.

В 1997 г. на Украине введена новая смешанная мажоритарно-пропорциональная система проведения парламентских выборов, в соответствии с которой население выбирает 225 кандидатов в депутаты по одномандатным избирательным округам и 225 представителей по пропорциональному принципу из числа победивших по партийным спискам. Был определен 4-процентный проходной барьер [3, с. 7].

В 2002 г. в соответствии с окончательными итогами голосования депутатские мандаты в Верховной Раде по многомандатному округу получили 5 партий и 1 избирательный блок. В нынешнем парламенте 34 % депутатов являются представителями левых партий (в парламенте 1998–2002 гг. – 38 %), правых около 20 %, остальные – центристы, поддерживающие политику правительства и присоединяющиеся к тому или другому крылу в зависимости от ситуации. В Верховной Раде сейчас почти нет сторонников кардинальных реформ.

Высшим представительным органом Грузии является парламент, который состоит из 235 депутатов [1, с. 176]. После принятия Конституции 1995 г. и Закона «О выборах Парламента Грузии» от 1 сентября 1995 г. из 235 депутатов парламента большинство (150 человек) избирается по пропорциональной избирательной системе. И только 85 депутатов избираются по одномандатным мажоритарным округам (по прежнему закону 1990 г. соотношение было равным – 125 : 125). По итогам последних выборов в парламенте Грузии представлены 3 блока: «Союз граждан Грузии», «Возрождение Грузии» и «Промышленность спасет Грузию» [6, с. 4].

Грузия в 1999 г. изменила свое избирательное законодательство, введя в него 7-процентный барьер для выборов по пропорциональной избирательной системе (по консти-

туции 1995 г. он равен 5 %). Можно сделать вывод, что власть стремилась уменьшить число представителей оппозиции в парламенте.

Органами исполнительной власти на Украине являются президент, правительство, местные государственные администрации в областях и районах, городах Киеве и Севастополе.

На Украине сложилась такая ситуация, когда претенденты на пост президента, рьяно защищающие одну из идеологий (львовский националист-униат, донецкий православный русский коммунист), не имеют успеха на выборах. Реальная борьба ведется между людьми с неопределенной, умеренной и противоречивой программой действий, которая обеспечивает поддержку «переходных типов» избирателей в «переходных зонах». Такими кандидатами были в 1993 г. Кравчук и Кучма, в 1999 г. – Кучма.

Главой исполнительной власти и главой государства в Грузии является президент, который избирается на 5 лет [1, с. 184]. Последние президентские выборы, которые состоялись в 2000 г., – третьи по счету после провозглашения независимости Грузии.

В 2000 г. продлил президентские полномочия Э. Шеварднадзе. Фактически единственным соперником президента был независимый кандидат Д. Патиашвили, бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии. Остальные 6 кандидатов, особенно после того, как седьмой – председатель Верховного Совета Аджарии А. Абашидзе – снял свою кандидатуру за сутки до голосования, серьезной конкуренции Шеварднадзе составить не могли. Подтверждением служат итоги голосования: за Э. Шеварднадзе отдали голоса 76,63 % избирателей, за Д. Патиашвили – 18,79 %. Другие кандидаты набрали менее 1 % голосов [6, с. 4].

Общим для этих стран является то, что нынешние главы исполнительной власти сменили на посту первых прези-

дентов республик Л. Кравчука и З. Гамсахурдиа, новая власть проводит осторожную политику внутри страны и в отношениях с другими государствами, лавируя между представителями различных радикальных движений.

Население Украины придерживается двух основных типов ориентации, состоящих из объединившихся между собой блоков [5, с. 77]. Первый из них можно назвать «украинским», второй – «советским». Грузия резко отличается от Украины в ориентации городского и сельского населения, а также населения автономий и страны в целом.

Начиная с 1991 г. Украина и Грузия не могут найти постоянных партнеров на международной арене. Сначала к государственной независимости посткоммунистических стран отрицательно относилась не только Россия; на Западе она тоже в основном встретила непонимание и неприятие. Поэтому самостоятельность Украины и Грузии была немыслима без соблюдения дистанции по отношению к России. Эти государства с самого начала рассматривали СНГ как инструмент цивилизованного «развода», а не как основу для новой интеграции.

С распадом СССР стало ясно, что именно принадлежность Крыма окажется наиболее болезненной проблемой для Украины и России, способной серьезно осложнить отношения двух крупнейших славянских республик на постсоветском пространстве [14, с. 64]. Для России вопрос о Крыме прежде всего связывался с проблемой сохранения ее военно-стратегических позиций на Черном море, с проблемой русскоязычного населения на полуострове, для Украины – с проблемой борьбы за ее суверенитет и территориальные права.

В действующей конституции Грузии утверждена территориальная целостность и неприкосновенность страны, но пока еще не определено государственно-территориальное

устройство страны. Это будет возможно только после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей ее территории. В состав Грузии входят 3 автономии: Аджария, Абхазия и Южная Осетия, с которыми у Тбилиси сегодня складываются непростые отношения. Вертикаль исполнительной власти установлена только на части территории Грузии с центром в Тбилиси [15, с. 23].

Рассматривая функционирование политических систем изучаемых стран, можно выделить комплекс тенденций их развития. Первая и главная тенденция – демократизация: создание новых государственных органов, многопартийной системы, появление системы правовых норм, на базе которых функционируют системы, и новых политических отношений и культуры. Но этот процесс не проходит гладко, его тормозят рост коррумпированности, проявления националистических устремлений и другие негативные тенденции. Проблемой для Украины и Грузии является то, что они не могут найти постоянных партнеров на международной арене. Сложны отношения Грузии и Украины с Россией, болезненным и влияющим негативно на отношения России и Украины остается крымский вопрос.

Эти тенденции противоречивы, неустойчивы и ставят под сомнение сам процесс демократизации в Грузии и на Украине. Но главное, этот процесс невозможен без сплочения народа и повышения эффективности власти.

**ЖИЗНЬ
ФАКУЛЬТЕТА**

**ПОЛИТТЕХНОЛОГИ
ГОТОВЯТ
СМЕНУ СЕБЕ
И ПРЕЗИДЕНТУ
А. А. Гнедаш**

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЛИЧНОСТЬ
И БЫТИЕ»**

ПОЛИТТЕХНОЛОГИ ГОТОВЯТ СМЕНУ СЕБЕ И ПРЕЗИДЕНТУ

А. А. Гнедаш

В феврале 2002 г. консалтинговая группа «Имидж-Контакт» и Государственный университет – Высшая школа экономики провели 4-й Международный молодежный политический форум «TERRA POLITICAE».

В подмосковный учебно-методический комплекс «Голицыно» на неделю приехали 93 студента и аспиранта из разных уголков России, СНГ и дальнего зарубежья. Участники форума – будущие управленцы, политологи, политтехнологи, журналисты, социологи, рекламисты и социальные психологи – победители открытого конкурса эссе на тему «Мой вопрос Президенту» (всего было прислано более 250 работ).

Подобные форумы КГ «Имидж-Контакт» проводит с 1999 г. Факультет управления КубГУ – постоянный участник форума. Декан факультета А. М. Ждановский увидел в форуме возможность для преподавателей, аспирантов и студентов факультета освоить передовой опыт политического консалтинга и избирательных технологий, поучиться у «столичных мастеров». На 1-й форум приглашение получила преподаватель кафедры ГМУ М. М. Курячая. Авторы лучших эссе на тему «Молодежь и выборы» – преподаватели

М. М. Курячая, В. В. Прилепский, Р. З. Близняк – стали участниками 2-го форума. Вскоре удача улыбнулась и студентам отделения ГМУ – В. Верижникова стала участницей 3-го форума, а я – четвертого.

На этот раз организаторы форума решили провести предвыборную кампанию, максимально приближенную к реальности: с разработкой партийных программ, выдвижением лидеров, агитацией и даже апелляциями к Центризбиркому. Для полного освещения всего происходящего на форуме и для ведения предвыборной агитации (реклама партий была платной, как и использование копировальной и печатной техники, канцелярских товаров; оплата в местной валюте – в терриках, которые выдавались финансовому директору партии) организаторы создали государственную телекомпанию и государственную газету.

На неделю каждый из нас – участников форума отказался от своего имени и взял вымышленное, поэтому вплоть до последнего дня мы не знали, кто из нас в каком городе России живет, чем занимается, где учится. Можно было придумать себе легенду и рассказывать ее остальным. В последний день было интересно сравнивать, насколько вымысел не совпадал с реальной жизнью участников, многие в игре раскрылись в новом для себя качестве и обнаружили что-то недоступное для познания в себе раньше, в привычной обстановке.

Программа форума была очень напряженной – после 3–4 часов сна в сутки приходилось вставать, воспринимать мощнейший поток информации, спорить, задавать вопросы и отстаивать свою точку зрения. Каждый день был посвящен определенной теме. Выступавшие перед нами лекторы, специалисты, эксперты ГК «Имидж-Контакт», ведущие политики, лидеры общественного мнения, практики PR и рекламы, известные ученые и журналисты делились собст-

венными знаниями и опытом по конкретным аспектам данной проблемы.

На форуме выступили: Владимир Жириновский, Борис Немцов, Ирина Хакамада, Владимир Рыжков, Сергей Филатов, Александр Бовин, Николай Сванидзе, Виктор Шендерович, Сергей Кургинян, Леонид Гозман, Виктор Пелевин, Арина Шарапова и многие другие. Показательно, что все эти люди перед молодежной аудиторией раскрывались совершенно иначе, чем на телеэкране: более спокойные (особенно Владимир Вольфович – ни разу не повысил голоса и никого не ругал), расслабленные, доступные. И те из них, кто поначалу хотел отделаться общими фразами, вынуждены были идти на контакт. Мы не давали им спуска, цеплялись за каждый промах. Более того, каждое выступление затем подвергалось подробному анализу с разбором сильных и слабых сторон ораторов. Участники обсуждали, насколько их образ, созданный СМИ, соответствует истинным достоинствам и недостаткам личности.

Почти весь день, с 9 утра и до полуночи, читались лекции, проводились мастер-классы, тренинги и круглые столы. В оставшуюся часть ночи ребята, разделившись на 5 политических партий и блоков, активно разрабатывали предвыборную стратегию и программу своего кандидата на пост президента. Неожиданностью для организаторов форума стало образование группы беспартийных в составе 5 человек, куда вошла и я. Мы решили издавать ежедневную независимую газету «Слон» и принципиально не поддерживали ни одну из партий. В каждом номере нашей газеты были мнения, резюме политических экспертов о специфике межпартийной борьбы, интересные истории участников, интервью лидеров партий, составлялся рейтинг лекторов и приглашенных политиков. Так как мы непосредственно не участвовали в партийных баталиях, нам легче было давать оценку происходящим собы-

тиям и печатать свое мнение в газете. Некоторые участники предложили опубликовать свои статьи, шутки, ценные замечания и комментарии. Все партии размещали рекламу на страницах газеты, разумеется, за террики. К концу форума мы обнаружили, что и без использования «черного PR» пресса может стать весьма доходным бизнесом.

Единственным минусом форума (его заметили и участники, и организаторы) была нехватка общения участников друг с другом в более широких рамках, чем внутри партий и блоков. Как правило, члены одной партии с участниками другой не общались, подозревая в них шпионов и провокаторов, создавая стену непонимания и отчуждения. Нам, вдохновителям и создателям «Слона», в этом отношении повезло – мы идейно и реально не принадлежали ни к одной из партий, за наши голоса шла упорная борьба, мы свободно и без проблем и недоверия могли общаться на любые темы со всеми участниками. Под конец форума «слоновцы» стали любимцами всех и мы поняли, что бессонные ночи (почти каждый выпуск сдавался в печать около 6 утра), проведенные над созданием очередного номера, потрачены не зря. И нет лучшего доказательства этому, чем вопрос каждое утро: «А когда будет задача свежего «Слона»?».

Последний день был радостным и грустным. Деловая игра «Выборы Президента» завершилась всеобщим голосованием и чествованием победителя. Все мы осознали, что очередной этап жизни каждого из нас пройден, мы заново познакомились, теперь уже снимая маски и раскрывая подлинные личности, но уже не для других, а для себя.

Неделя в Подмоскowie пролетела быстро, но я благодарна родному факультету управления, всем преподавателям факультета за те знания, которые позволили мне победить в конкурсе и достойно представлять кафедру ГМУ на форуме.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ»

14–16 ноября 2002 г. в Кубанском государственном университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Личность и бытие». Она была ориентирована на специалистов из различных областей знания, чей интерес обращен к проблемам личности и ее бытия в современном мире. Основные организаторы конференции – факультет управления КубГУ, кафедра психологии личности и общей психологии, кафедра социальной психологии и социологии управления. В организации конференции также приняли участие Институт психологии Российской академии наук, Академия акмеологических наук, Краснодарское отделение Российского психологического общества.

На конференцию представили свои материалы более 260 человек, работали 10 секций и 3 круглых стола. Рассмотрены проблемы личности в образовательном пространстве, профессиональное бытие личности, особенности личностной интерпретации социального мира и трансформации личности в современной социальной реальности, особенности профессиональной социализации работников силовых структур, проблемы имиджа, проблемы социальной поддержки человека с ограниченными возможностями, проблемы диагностики, консультирования и психотерапии, проблемы местного общества как пространства бытия личности. Среди участников конференции были ученые из Ростова-на-Дону, Москвы, Ставрополя, Санкт-Петербурга, Майкопа и других городов.

Представленная проблематика была в основном психологической, но касалась и ряда смежных областей. На конференции обсуждалась одна из важных проблем – построение единого понятийного поля для разных областей знания. Поддерживая идею единства, целостности личности, участники

конференции отметили, что различные аспекты ее жизни служат объектом различных наук. Представители этих наук используют разные системы понятий, что не способствует взаимопониманию и вступает в противоречие с общими декларируемыми принципами. Весте с тем существует общность психологических механизмов самореализации личности, ее направленности на формирование аутентичного бытия в различных «пространствах» своей жизни (в профессии, в семье, досуге, политике, предметно-пространственной среде и пр.). Это создает основания и необходимость для разговора специалистов за общим столом.

По результатам работы конференции готовится к изданию сборник материалов. Проведение следующей конференции «Личность и бытие» запланировано на октябрь 2003 г. Более подробную информацию можно получить на кафедре психологии личности и общей психологии (тел. 69–95–62).

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Кафедра политологии и политического управления, Центр прикладной политологии и конфликтологии КубГУ начали реализацию международного проекта «Развитие конфликтологической и социологической сети на Южном Кавказе».

Проект финансируется Фондом Дж. и К. Мак-Артуров. В исследовании участвуют ученые из Еревана, Тбилиси, Баку. В настоящее время ведется опрос экспертов, в числе которых – кубанские ученые, политик, бизнесмены, деятели науки, священнослужители, военные. В 2002 г. будут проведены мониторинг прессы, фокус-группы и ситуационный анализ (кейс-стади).

Студент V курса отделения политологии Андрей Ушаков был зарегистрирован кандидатом в депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края по Черемушкинскому избирательному округу г. Краснодара. Достоинство проведения кампании. Андрей получил 8,72 % голосов избирателей. Поздравляем с боевым крещением!

Центром тестирования Министерства образования РФ издан сборник тестов централизованного тестирования по обществознанию, подготовленный авторским коллективом в составе: В. М. Юрченко (руководитель), О. В. Агрова, О. А. Ковтун, Н. И. Кузьмичева, Е. В. Морозова, И. В. Юрченко.

Поздравляем!

ВТК под руководством кандидата социологических наук, доцента О. А. Оберемко выиграл грант Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) на проведение исследования «Современные трудовые практики детей и подростков».

Кандидат политических наук, доцент И. В. Самаркина выиграла грант некоммерческой организации «Проект "Гармония"» на разработку курса дистанционного обучения «Социология и психология массовой коммуникации» и преподавание его в сети Интернет.

Сведения об авторах

Авджян Георгий Дмитриевич – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления КубГУ.

Бориско Ольга Александровна – студентка V курса факультета управления КубГУ, специальность «Политология».

Бурмистрова Анжелика Валерьевна – аспирант кафедры общей психологии и психологии личности КубГУ.

Гнедаш Анна Александровна – студентка V курса факультета управления КубГУ, специальность «Государственное и муниципальное управление».

Дёмин Андрей Николаевич – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ.

Дорофеев Виталий Сергеевич – аспирант кафедры экономической географии, специальность «Экономическая, социальная и политическая география».

Иванов Александр Гаврилович – д-р ист. наук, профессор, главный проректор КубГУ

Лузаков Андрей Анатольевич – канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления КубГУ.

Миронцева Светлана Александровна – аспирант кафедры политологии и политического управления КубГУ

Морозова Елена Васильевна – д-р филос. наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ.

Нистоцкая Марина Сергеевна – канд. ист. наук, доцент, аналитик аудиторско-консультационной группы «Гориславцев и К^о».

Оберемко Олег Алексеевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ.

Пенюгалова Александра Васильевна – канд. геогр. наук, доцент кафедры экономического анализа, статистики и финансов КубГУ

Рудник Наталья Викторовна – слушатель Московской высшей школы социально-экономических наук, выпускница КубГУ, специальность «Психология».

Самаркина Ирина Владимировна – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и политического управления КубГУ.

Устюгова Татьяна Витальевна – студентка V курса факультета управления, специальность «Политология».

Филиппов Юрий Васильевич – канд. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления КубГУ.

Издается с марта 1999 г. Периодичность – 4 номера в год.
Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *Е. В. Морозова*, д-р филос. наук, профессор

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь;
Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук, проф.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц.;
А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н.
Тел. (8612) 69–95–63, 69–95–64.

Дизайн художников *М. Н. Марченко*, *С. Г. Ажгихина*.
Оригинал-макет *Г. А. Литвяковой*.

Подписано в печать 25.09.02. Уч.-изд.л. 12,0. Усл. печ.л. 9,7.
Тираж 200 экз. Цена свободная. Заказ № . 33

Кубанский государственный университет.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Тип. Кубанского госуниверситета.
350023 г. Краснодар, ул. Октябрьская, 25.